

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2022 – № 2 (15)

Ярославль
2022

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 2 (15). – 155 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-2-15. EDN ZVBGRS

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Т. Н. Гушина, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Т. В. Бугайчук, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; П. Л. Карабушенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковича, г. Плоцк, Польша; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; Д. Г. Сельнер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Пашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; В. А. Ясвин, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Авторы статей, 2022

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2022. – №2 (15). – 155 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-2-15. EDN ZVBGRS

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2022
© Authors of articles, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Гимазова Ю. В., Головин Д. А. Сущность и критерии технологий конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе ____ 5

Наумова Т. В. Социально-политические аспекты реформирования российской академической науки ____ 19

Таланов С. Л. Государственная политика в сфере высшего образования в РФ: аспекты ее реализации в вузах Центрального федерального округа ____ 39

Асеева Т. А. Проблема институциональной эффективности системы патриотического воспитания в регионах Сибирского федерального округа ____ 59

*Теория, методика и организация
социально-культурной деятельности*

Золотарева А. В., Сарафанова И. Е. Результаты реализации игровой технологии как педагогического средства формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера ____ 76

Шобонов Н. А. Общественное участие в управлении общеобразовательной организацией ____ 93

Захарова Ж. А., Якунин В. Н. Педагогические условия профилактики рискованного поведения старшеклассников средствами нравственного закалывания ____ 107

Вандышева Л. В. Представления будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве ____ 124

Абрамова В. В., Ромм Т. А. Становление профессиональной субъектной активности будущих педагогов в сфере воспитания ____ 139

Научная жизнь

Коряковцева О. А. Рецензия на монографию Т. В. Бугайчук «Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России» ____ 152

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

Gimazova Yu. V., Golovin D. A. Essence and criteria of technologies for constructivizing youth participation in the electoral process ____ 6

Naumova T. V. Socio-political aspects of reforming russian academic science ____ 20

Talanov S. L. State policy in the field of higher education in the Russian Federation: aspects of its implementation in Central federal district universities ____ 40

Aseeva T. A. The issue of institutional effectiveness of the system of patriotic education in the regions of Siberian federal district ____ 60

*Theory, methods and organization
of socio-cultural activities*

Zolotariova A. V., Sarafanova I. E. Results of implementation of gaming technology as a pedagogical means of forming the organizational and managerial competence of a future manager ____ 77

Shobonov N. A. Public participation in general educational organization management ____ 94

Zakharova Zh. A., Yakunin V. N. Pedagogical conditions for the prevention of risky behavior of high school students by means of moral hardening ____ 108

Vandyshcheva L. V. Future social work professionals' ideas about social entrepreneurship ____ 125

Abramova V. V., Romm T. A. Formation of professional subjective activity of future teachers in the field of upbringing ____ 140

Scientific life

Koryakovtseva O. A. Review of the monograph by T. V. Bugaichuk "The formation of the civil identity of the young generation in the period of socio-cultural transformation of modern Russia" ____ 152

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

УДК 324

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-5-18

EDN: YYDSOA

Сущность и критерии технологий конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе

Юлия Владимировна Гимазова^{1✉}, Дмитрий Алексеевич Головин²

¹Кандидат политических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

²Аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

¹3j@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

²batal52@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5682-5859>

Аннотация. В статье сформулировано понятие «технологии конструктивизации молодежи в электоральном процессе» как социально-политические практико-ориентированные методы и приемы целенаправленного стимулирующего воздействия на политическое сознание и электоральное поведение молодежи, направленные на развитие менталитета и поведения целерационального избирателя, способные к масштабированию в условиях современной государственности. Приведены и исследованы сущностные критерии технологий конструктивизации электорального участия молодежи, такие как: целеполагание, социально-политический характер генезиса, ориентация на воспитание, просвещение, наставничество; возможность осознанного выбора молодежью своей позиции; ориентированность на цель устойчивого развития личности молодого человека; соответствие базовым принципам социальной инженерии; возможность оценки с позиций эффективности, результативности и влияния. В качестве мер противодействия развитию «жестких», пропагандистских технологий зомбирования молодежи, рекомендовано направить усилия отечественных политологов в сторону обоснования развития практических гражданско-правовых компетенций молодежи, содействия становлению грамотного, патриотичного, ответственного, активного и конструктивного участника избирательного процесса, развития экспертно-аналитических навыков

целерационального избирателя в молодежной среде. Для этого, приоритетное внимание рекомендовано уделять «мягким» технологиям воспитательного, просветительского, интерактивного характера, реализация которых должна осуществляться в режиме субъектно-субъектного взаимодействия. Рекомендуется исследовать международный и российский опыт генерации и применения технологий стимулирования гражданско-правовой и электоральной активности подростков и молодежи, с тем чтобы составить базу данных позитивного и негативного опыта применения таких технологий. Целесообразно развивать методологию и методику оценки технологий работы с молодежью на предмет их результативности, эффективности, оценки влияния. Ключевыми акторами разработки и распространения таких технологий должны стать как государственные структуры, так и НКО, а также неформальные активисты.

Ключевые слова: электоральное участие молодежи; политические технологии; политическая культура; политические ценности; выборы

Для цитирования: Гимазова Ю. В., Головин Д. А. Сущность и критерии технологий конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 5-18. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-5-18>. <https://elibrary.ru/ydysoa>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Essence and criteria of technologies for constructivizing youth participation in the electoral process

Yulia V. Gimazova^{1✉}, Dmitry A. Golovin²

¹Candidate of political sciences, associate professor, Russian Presidential academy of national economy and public administration, Moscow

²Post-graduate student, Russian Presidential academy of national economy and public administration, Moscow

[✉]¹3j@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

²batal52@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5682-5859>

Abstract. The article formulated the “technologies for constructivizing youth in the electoral process” concept as socio-political practical-oriented methods and techniques of purposeful stimulating influence on the political consciousness and electoral behavior of youth, aimed at developing the mentality and behavior of a celerational voter capable of scaling in the conditions of modern statehood. The essential criteria of technologies for constructivizing the electoral participation of young people are given and investigated, such as: goal-setting, socio-political nature of genesis, orientation to education, enlightenment, mentoring; the possibility

of conscious choice by young people of their position; focus on the goal of sustainable development of the young person's personality; compliance with the basic principles of social engineering; possibility of evaluation from the standpoint of efficiency, effectiveness and influence as measures to counter the development of “tough”, propaganda technologies for zombying young people, it was recommended to direct the efforts of domestic political scientists in the direction of justifying the development of practical civil law competencies of young people, promoting the formation of a competent, patriotic, responsible, active and constructive participant in the electoral process, the development of expert and analytical skills of a purposeful rational voter in the youth environment. For this, it is recommended to give priority attention to “soft” technologies of an educational, up-bringing, interactive nature, the implementation of which should be carried out in the mode of subject-subject interaction. It is recommended to study the international and Russian experience in generating and using technologies to stimulate civil and electoral activity of adolescents and youth in order to compile a database of positive and negative experiences in the use of such technologies. It is advisable to develop a methodology and methods for assessing technologies to work with young people for their productivity, effectiveness, and impact assessment. The key factors in the development and expansion of such technologies should be both government agencies and NGOs, as well as informal activists.

Keywords: electoral participation of young people; political technology; political culture; political values; elections

For citation: Gimazova Yu. V., Golovin D. A. Essence and criteria of technologies for constructivizing youth participation in the electoral process. *Social and political researches*. 2022;2(15):5-18. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-5-18>. <https://elibrary.ru/yydsoa>.

Введение

В современной научной и публицистической литературе вопрос о сущности, предназначении и критериях технологий, содействующих конструктивному участию молодежи в электоральных процессах, до конца не прояснен.

Вместе с тем, последние события, связанные с денацификацией Украины, как нельзя более красноречиво свидетельствуют о значимо-

сти технологий в воспитании и становлении молодого поколения, в том числе в аспекте электорального поведения. «Жесткие» технологии пропаганды нацизма и насилия, в массовом порядке применявшиеся по отношению к украинским подросткам и молодежи с 2014 г., дали закономерные результаты: привели к бурному расцвету нацизма, экстремизма, неприятия ко всему «не-украинскому».

Пытаясь отчасти восполнить пробел недостаточной изученности проблематики влияния технологий на электоральное воспитание молодежи, в данной статье конкретизирован термин «гуманитарные технологии» применительно к сфере участия молодежи в электоральном процессе.

Сущность и признаки технологий конструктивизации электорального поведения молодежи

Исследуя тематическую литературу, можно выделить следующие особенности, способствующие конструктивизации молодежного участия в избирательном процессе.

Во-первых, следуя философской концепции К. Ясперса [Ясперс, 1991] и теории социальной инженерии К. Поппера [Фадеева, 2008], отметим, что технологии конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе, как и любые другие социальные технологии, несут в себе значимый элемент целеполагания, поскольку всегда имеют целью воздействие на окружающую действительность. Это воздействие, опираясь на аргументацию Г. Маркузе, сегодня приобретает все более глобальный характер, служит одним из ключевых факторов исторического прогресса [Маркузе, 2002]. Наконец, в терминологии Д. Бэлла, эта технология должна быть «инструментом рационального действия», то есть иметь целью рационализацию, упорядо-

чивание, регулирование социально-политической действительности [Бэлл, 1986, с. 332].

Принимая во внимание вышеизложенное и опираясь на концепцию целерационального избирателя, главную цель разработки и применения технологий стимулирования конструктивного электорального поведения российской молодежи можно определить как *содействие становлению и развитию молодого российского гражданина в качестве компетентного, патриотичного, ответственного, активного и конструктивного участника избирательного процесса.*

Данная цель может разбиваться на более конкретные цели – задачи, в зависимости от специфики используемой технологии, целевой (ых) группы (групп), а также окружающей среды.

Во-вторых, используя подход И. А. Савченко, В. Ю. Шпак, В. М. Юрченко к классификации социальных технологий на «эволюционные» и «искусственно созданные» [Технология политического влияния ... , 2007, с. 30], подчеркнем, что технологии конструктивизации политического участия молодежи принадлежат к числу политических технологий, могут иметь социальный либо политический характер генезиса.

Во-первых, технологии «произрастают» из традиций, обычаев, нравов общества, представителями которого является молодежь. Например, у народов Северного

Кавказа наиболее результативными оказываются социально-политические технологии, предполагающие сочетание внутренней свободы с уважением своего рода, «включенность в тейпово-тухумные уровни племенной организации» [Алиев, 2010, с. 154].

Во-вторых, технологии создают «искусственно», в результате целенаправленной политики субъектов государственной (публичной) власти, и применяются в социуме вне тесной связи с традициями его представителей. К числу этих технологий можно отнести, например, молодежные форумы, дискуссионные площадки, молодежные общественные палаты и парламенты, объединяющие представителей молодежи из разных регионов и даже государств.

Вне зависимости от специфики генезиса данных технологий, первичным объектом воздействия обязательно должно выступать политическое сознание представителей новой генерации, а само воздействие должно затрагивать сферы морали, нравственности, этики. Можно согласиться с мнением известного политолога Дж. Нейсбита, который, отмечая процесс стремительной технологизации жизнедеятельности граждан в США, предупреждает об опасности превращения современного социума в духовно вакуумную «Зону Отравленную Технологией», где обесцениваются все политические идеалы. Чтобы избежать этого, любая технология

стимулирования электорального поведения молодежи должна быть, в первую очередь, наполнена нравственно [Молодежь России ... , 2014].

Поскольку воздействие на политическое сознание и поведение молодежи в изложенном выше формате предполагает долгосрочный характер, резонно, что предпочтение должно быть отдано долгосрочным комбинированным интерактивным технологиям, затрагивающим не только узкополитическую сферу (как борьбу за власть), но и фундаментальные основы социально-политической жизнедеятельности (как «искусства жить вместе»).

В-третьих, технологии стимулирования конструктивной политической активности молодежи должны содержать элементы воспитания, просвещения, наставничества. Многие аспекты применения образовательных технологий в вопросах становления гражданской идентичности молодого поколения достаточно подробно изучены в рамках социальной педагогики. Вместе с тем, достижения этой отрасли педагогической науки пока недостаточно используются в решении прикладных задач конструктивизации политического сознания и электорального поведения российской молодежи [Бугайчук, 2021].

Очевидно, что в демократическом правовом государстве просвещение, воспитание и наставничество детей и молодежи необхо-

димо осуществлять в режиме «мягкой силы».

Политическая история нацистской Германии и фашистской Италии демонстрирует примеры реализации «жесткого», субъектно-объектного подхода к воспитанию молодежи [Васильченко, 2012; Коряковцева, 2008]. Результатами этого стало воспитание нравственно несвободных, политически ангажированных, идеологизированных молодых людей, склонных к политическому радикализму, не способных к критическому объективному анализу социально-политической реальности и потому подверженных политическим манипуляциям. Такова же политическая история нацистского воспитания молодежи современной Украины. Очевидно, что следует дистанцироваться от использования «жестких», психологических методик и техник зомбирования человека на уровне подсознания (агрессивное, нарочитое повторение одних и тех же фраз, лозунгов, символов, образовательные интенсивные психологические тренинги и т. д.). Технология стимулирования конструктивного политического поведения должна предполагать позиционирование молодежи не только как объекта, но и активного осмысленного субъекта, соучастника такого воздействия. В данном контексте, особенно полезными оказываются так называемые игровые технологии.

В мировой истории общественно-политического молодежного

движения известны примеры применения умеренных и гуманных по целям и методике воздействия технологий социальной педагогики, нацеленных на содействие становлению гармоничной, политически активной, рационально мыслящей и действующей личности. Это методы и технологии, используемые в рамках всемирного детско-юношеского общественного движения скаутов (World Organization of the Scout Movement), организации которого действуют сегодня в 151 стране. В соответствии с программой скаутского движения, государство должно создавать условия для поддержки и развития детей и юношества. Цели скаутского движения достаточно гибки и заключаются в воспитании у молодежи ценностей патриотизма и гуманизма, здорового образа жизни. Для этого скаутские организации используют «мягкие» воспитательные технологии посредством интерактивных игр, в том числе частично милитаризированных.

Тщательного анализа и определенной преемственности в контексте разработки результативных технологий стимулирования политической и электоральной активности молодых россиян требует солидный опыт организации работы с детьми и молодежью в Советском Союзе: организация «октябрят», пионерии и комсомола. Вместе с тем, следует учитывать, что, начиная с 1930-х гг., воспитание, просвещение и наставничество советских детей и моло-

дежи стало носить все более жесткий, идейно-мобилизационный характер.

В-четвертых, технологии стимулирования конструктивного электорального поведения молодежи не должны навязывать молодому поколению те или иные стереотипы, политические установки. Наоборот, посредством этих технологий молодежи должен предоставляться свободный выбор, но выбор аргументированный, осознанный. Главным принципом проектирования и реализации таких технологий должен стать принцип гуманизма, формирования «активности духа». Современные исследователи феномена социально-политической идентичности приходят к выводу о том, что в обществе постмодерна человек интуитивно стремится избежать любой фиксации, «жесткой» приверженности к определенному типу культуры или определенным традициям, идентифицируя себя «здесь-и-сейчас» [Иванова, 2007, с. 78]. Тем более этот вывод справедлив по отношению к молодежи, которая находится в активном поиске собственной социально-политической идентичности, «примеряет» на себя различные образы, «пробует» различные формы поведения. Вместе с тем, реализуя концепцию целерационального избирателя, при разработке и внедрении технологий конструктивизации электорального поведения молодежи следует развивать в политическом сознании идею о том, что сво-

бода – это антипод вседозволенности.

В-пятых, при разработке и реализации технологий стимулирования конструктивного политического сознания и поведения молодежи нужно учитывать особенности окружающей среды, факторы которой могут как способствовать, так и препятствовать достижению желаемого (проектируемого) результата, и ориентироваться на цель устойчивого развития личности молодого человека.

В условиях так называемого «мягкого либерализма» (по меткому выражению И. Валлерстайна) начала 2000-х гг., социально-политической турбулентности и множественных кризисов XXI века, достаточно трудно требовать от молодежи жесткой приверженности фиксированному набору политических ценностей. Вместе с тем, технологии стимулирования развития политического сознания и электорального поведения должны быть нацелены на конструктивизацию процесса политической самоидентификации. То есть, эти технологии должны обеспечить прочный каркас устойчивого развития личности, нередко вопреки действию негативных факторов окружающей среды. Это, в свою очередь, предполагает необходимость освоения и тиражирования молодыми людьми совокупности правил и норм политической этики целерационального избирателя. К таковым правилам относятся: активное созидательное

отношение человека к миру; следование общепринятым в гуманном обществе принципам, нормам и институциональным установкам политического и электорального поведения; способность и готовность принимать самостоятельные решения в социально-политической сфере и нести за них персональную ответственность; умение конструктивно взаимодействовать при реализации социально-политических идей и проектов на всех необходимых стадиях, во всех сферах и уровнях. Очень важно стимулировать развитие этики публично-политического взаимодействия молодежи, включая привитие ценности соблюдения принципов этой этики каждым членом общества.

В-шестых, технологии стимулирования конструктивного политического поведения молодежи должны ориентировать ее представителей на постоянное приращение теоретических знаний и развитие практических навыков в сфере политического участия. Готовность личности к постоянному саморазвитию и самообразованию в течение всей жизни составляет одно из ключевых факторов развития интеллектуального капитала и гражданственности, а также является одним из основных конкурентных преимуществ в эпоху развития экономики знаний [Шабалина, 2014]. Молодой гражданин должен постоянно быть в курсе общественно-политических событий, стремиться развивать свой политический кру-

гозор, постоянно оценивать и осваивать новые возможности и практики политического и электорального участия.

В-седьмых, технологии конструктивизации политического сознания и поведения молодежи должны отвечать базовым принципам социальной инженерии, таким как: воспроизводимость, практическая ориентированность, реализуемость посредством механизмов межсекторного социального партнерства.

Воспроизводимость – это сущностное качество всех технологий, вытекающее из самого смысла данной категории. Технологии должны иметь универсальный характер, чтобы возможно было их масштабировать, то есть применить в схожих условиях по отношению к схожей социальной группе (подгруппе) молодого поколения с той же или более высокой степенью результативности [Свороб, 2016]. Вместе с тем, как подчеркивают и зарубежные, и отечественные исследователи проблематики масштабирования гуманитарных технологий, в отличие от техногенной сферы, социально-политическая сфера отличается высочайшим уровнем разнообразности образующих ее компонентов (территориальный, этнический, культурный, социально-экономический и др.), что объективно препятствует получению схожего результата при «переносе» данной технологии на другую

«почву» [Никитин, 2017, с. 3552; Bretschneider, 2005, p. 308].

Обязательная практическая ориентированность любой, в том числе политической технологии, подчеркивается в работах ряда исследователей, например, в трудах С. К. Гасанбекова [Гасанбеков, 2003], П. В. Макаренко [Макаренко, 2002]. Применительно к изучаемой тематике, следует подчеркнуть, что любая технология стимулирования политической и, в том числе электоральной активности молодежи, должна быть ориентирована на практическое решение какой-либо политической проблемы или задачи. При проектировании данной технологии желательно применять инструменты целеполагания («дерево целей», «дорожная карта» и т. п.).

В современном государстве технологии стимулирования конструктивного политического поведения молодежи должны разрабатываться и реализовываться только посредством межсекторного социального партнерства; предполагать совместную конструктивную работу органов государственного и муниципального управления, институтов гражданского общества (политических партий, НКО), социально ответственного предпринимательства и активных граждан [Гимазова, 2017; Гимазова, 2015]. Соответствие цели и средств является важным фактором успешности реализации этих технологий.

В-восьмых, при проектировании технологий конструктивизации электорального поведения молодежи должна быть предусмотрена возможность оценки технологий стимулирования конструктивного политического сознания и электорального поведения молодежи на предмет эффективности, результативности и влияния.

Оценка социально-политических технологий, в частности, технологий воздействия на политическое сознание и электоральное поведение молодежи, весьма затруднена по следующим обстоятельствам:

- низкая степень валидности такой оценки по количественным параметрам (например, число участников мероприятия, количество проведенных акций);
- невозможность применения методов оценки по критериям эффективности (как соотношения результатов и затрат в стоимостном выражении) вследствие неэкономической природы и цели реализации технологий;
- сложности в применении методик оценки воздействия, таких как квазиэксперимент, метод панельного обследования, метод контрольного наблюдения, вследствие трудностей соблюдения «чистоты эксперимента» и отслеживания результативности влияния технологий на сознание и поведение молодежи, особенно в долгосрочном периоде.

Тем не менее, как убедительно аргументировано в ряде работ, при проектировании каждой техноло-

гии разработка системы критериев и методов ее оценки (хотя бы самых тривиальных) необходима всем участникам [Автономов, 2014]. Заказчик (грантодатель) должен получить четкое представление о количественных параметрах реализации данной технологии, для того чтобы отслеживать некоторые характеристики эффективности и результативности инвестиций в социально-политическую сферу; спонсор должен иметь представление о том, какие бонусы за вложение в данный проект (филантропию) он может получить. Разработчику и исполнителю (команде проекта) важно оценивать степень достижения целей применения данной технологии в процессе ее реализации (мониторинг социального проекта), отслеживать промежуточные и конечные результаты (оперативный и итоговый контроль), для того чтобы своевременно обнаруживать причины отклонений, оперативно исправлять их, а также учитывать ошибки при реализации подобных проектов (и соответствующих технологий) в будущем. Наконец, очень важно ознакомиться с ожидаемыми результатами реализации данной технологии целевые группы (молодежь), поскольку приобретение и развитие способности к саморефлексии служит ценным качеством ответственного и компетентного избирателя и гражданина.

Заключение

Таким образом, технологии конструктивизации политического сознания и электорального поведения молодежи – это социально-политические практико-ориентированные методы и приемы целенаправленного стимулирующего воздействия на политическое сознание и электоральное поведение молодежи, направленные на развитие менталитета и поведения целерационального избирателя, способные к масштабированию в условиях современной государственности.

В числе мер противостояния развитию «жестких», пропагандистских технологий зомбирования молодежи, представляется необходимым активизировать отечественную политическую науку и практику в направлениях поиска путей формирования и развития технологий, нацеленных на повышение уровня практических гражданско-правовых компетенций молодежи, содействие становлению грамотного, патриотичного, ответственного, активного и конструктивного участника избирательного процесса, развитию экспертно-аналитических навыков целерационального избирателя в молодежной среде.

Совершенствование механизмов конструктивного политического участия и поведения молодежи должно стать ключевым приоритетом деятельности как профильных государственных органов, так и НКО, а также неформальных акти-

вистов. Для этого необходимо творчески осмыслить международный и советский опыт стимулирования молодежной активности, применять только «мягкие» технологии воспитательного, просветительского, интерактивного характера, в режиме субъектно-субъектного взаимодействия.

Несмотря на объективные затруднения в оценивании таких «мягких» технологий, следует развивать методологию и методики оценки их результативности, эффективности, а также воздействия на политическое сознание и электоральное поведение молодежи.

Библиографический список

1. Автономов А. С. Оценка социальных проектов : учебное пособие / А. С. Автономов, Н. Л. Хананашвили ; под общ. ред. А. С. Автономова. Москва : Издательская группа «Юрист», 2014. 240 с.
2. Алиев Х. А. Политическая культура и традиции горских народов Северного Кавказа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2010. №3. С. 151–155.
3. Бугайчук Т. В. Социально-политические механизмы становления гражданской идентичности молодого поколения россиян // Социально-политические исследования. 2021. № 2 (11). С. 5-17.
4. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва : Прогресс, 1986. 350 с.
5. Васильченко А. В. Гитлерюгенд – национал-социалистическая молодежь действует. 2012. URL: <http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec.htm>. (Дата обращения: 19.05.2022).
6. Гасанбеков С. К. Организационная схема избирательной кампании // Методические вопросы подготовки и проведения избирательных кампаний. Москва : АНО «Центр политического обучения и консультирования», 2003. С. 25-35.
7. Гимазова Ю. В. Особенности нормативно-правового регулирования социально ориентированных некоммерческих организаций в России // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 5, № 58. С. 438-454.
8. Гимазова Ю. В. Развитие методики и технологий оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций в России / Ю. В. Гимазова, Н. А. Омельченко // Вестник Университета. 2015. № 12. С. 253-257.
9. Иванова С. Ю. Становление гражданской идентичности в полиэтническом социуме / С. Ю. Иванова, Э. А. Аракелян // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. С. 76–95.
10. Коряковцева О. А. Общественно-политическая активность молодежи: сущность, технологии и опыт компаративного анализа. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. 188 с.
11. Макаренко П. В. Социальные технологии. Воронеж : Научная книга, 2002. 190 с.
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.

13. Молодежь России: феноменология гражданственности : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. 162 с.
14. Никитин А. С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. Ноябрь. Т. 18, №22. С. 3539–3554.
15. Свороб Н. С. Масштабирование совершенства: теоретический аспект / Н. С. Свороб, Е. В. Сенченко // Научные исследования и разработки молодых ученых. Экономика и бизнес : материалы научной конференции Новосибирск : НГТУ, 2016. С. 95-99.
16. Технология политического влияния : монография / И. А. Савченко, В. Ю. Шпак, М. В. Юрченко ; отв. ред. В. Ю. Верещагин. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2007. 208 с.
17. Фадеева В. Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 107–110.
18. Шабалина О. Л. Идея формирования готовности личности к самообразованию в ретроспективе отечественной педагогической мысли / О. Л. Шабалина, В. А. Светлова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2014. №5. С. 116–119.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва : Политиздат, 1991. 290 с.
20. Bretschneider S., Marc-Aurele F.J., Jr., Wu J. "Best Practices" Research: A methodological guide for the perplexed // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. № 15. Pp. 307-323.

Reference list

1. Avtonomov A. S. Ocenka social'nyh proektov = Evaluation of social projects: uchebnoe posobie / A. S. Avtonomov, N. L. Hananashvili ; pod obshh. red. A. S. Avtonomova. Moskva : Izdatel'skaja gruppa «Jurist», 2014. 240 s.
2. Aliev H. A. Politicheskaja kul'tura i tradicii gorskih narodov Severnogo Kavkaza = Political culture and traditions of the mountain peoples of the North Caucasus // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Politologija. 2010. №3. S. 151–155.
3. Bugajchuk T. V. Social'no-politicheskie mehanizmy stanovlenija grazhdanskoj identichnosti molodogo pokolenija rossijan = Socio-political mechanisms for the formation of the civil identity of the younger generation of russians // Social'no-politicheskie issledovanija. 2021. № 2 (11). S. 5-17.
4. Bell D. Social'nye ramki informacionnogo obshhestva = Social framework of the information society // Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade. Moskva : Progress, 1986. 350 s.
5. Vasil'chenko A. V. Gitlerjugend – nacional-socialisticheskaja molodezh' dejstvuet = Hitler youth – national socialist youth operates 2012. URL: <http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec.htm>. (Data obrashhenija: 19.05.2022).
6. Gasanbekov S. K. Organizacionnaja shema izbiratel'noj kampanii = Organizational chart of the election campaign // Metodicheskie voprosy podgotovki i provedenija izbiratel'nyh kampanij. Moskva : ANO «Centr politicheskogo obuchenija i konsul'tirovanija», 2003. S. 25-35.

7. Gimazova Ju. V. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovanija social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij v Rossii = Features of regulatory regulation of socially oriented non-profit organizations in Russia // NovaInfo.Ru. 2017. T. 5, № 58. S. 438-454.
8. Gimazova Ju. V. Razvitie metodiki i tehnologij ocenki proektov social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij v Rossii = Development of methods and technologies for evaluating projects of socially oriented non-profit organizations in Russia / Ju. V. Gimazova, N. A. Omel'chenko // Vestnik Universiteta. 2015. № 12. S. 253-257.
9. Ivanova S. Ju. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v polijetnicheskom sociume = The formation of civic identity in a polyethnic society / S. Ju. Ivanova, Je. A. Arakeljan // Vektor identichnosti na postsovetском prostranstve. Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. S. 76–95.
10. Korjakovceva O. A. Obshhestvenno-politicheskaja aktivnost' molodezhi: sushhnost', tehnologii i opyt komparativnogo analiza = Social and political activity of young people: essence, technology and experience of comparative analysis. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2008. 188 s.
11. Makarenko P. V. Social'nye tehnologii = Social technologies. Voronezh : Nauchnaja kniga, 2002. 190 s.
12. Markuze G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva = Eros and civilization. One-dimensional man: exploring the ideology of a developed industrial society / per. s angl., poslesl., primech. A. A. Judina ; sost., predisl. V. Ju. Kuznecova. Moskva : OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002. 526 s.
13. Molodezh' Rossii: fenomenologija grazhdanstvennosti = Youth of Russia: phenomenology of citizenship : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. O. A. Korjakovcevoj. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014. 162 s.
14. Nikitin A. S. Masshtabirovanie uspešnyh praktik dejatel'nosti regional'nyh upravlencheskih komand v municipal'nyh obrazovanijah Rossii = Scaling of successful practices of regional management teams in Russian municipalities // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2017. Nojabr'. T. 18, №22. C. 3539–3554.
15. Svorob N. S. Masshtabirovanie sovershenstva: teoreticheskij aspekt = Scaling perfection: theoretical aspect / N. S. Svorob, E. V. Senchenko // Nauchnye issledovanija i razrabotki molodyh uchenyh. Jekonomika i biznes : materialy nauchnoj konferencii Novosibirsk : NGTU, 2016. S. 95-99.
16. Tehnologija politicheskogo vlijanija = Technology of political influence : monografija / I. A. Savchenko, V. Ju. Shpak, M. V. Jurchenko ; otv. red. V. Ju. Vereshhagin. Krasnodar : Kubanskij gos. un-t, 2007. 208 s.
17. Fadeeva V. N. Fenomen social'noj inzhenerii v koncepcii K. Poppera = The phenomenon of social engineering in the concept of K. Popper // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. 2008. T. 312, № 6. S. 107–110.
18. Shabalina O. L. Ideja formirovanija gotovnosti lichnosti k samoobrazovaniju v retrospektive otechestvennoj pedagogicheskoy mysli = The idea of forming a personality's readiness for self-education in a retrospective of domestic pedagogical thought / O. L. Shabalina, V. A. Svetlova // Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. 2014. №5. S. 116–119.

19. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* = Meaning and purpose of history. Moskva : Politizdat, 1991. 290 s.

20. Bretschneider S., Marc-Aurele F.J., Jr., Wu J. “Best Practices” Research: A methodological guide for the perplexed // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2005. № 15. Pp. 307-323.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 28.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-19-38

EDN: YBOYVD

Социально-политические аспекты реформирования российской академической науки

Татьяна Владимировна Наумова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН, г. Москва

naumova.tv.iphras@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8884-3891>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые направления реформы академической науки, а именно кардинальное изменение существующей формы академической научной деятельности, перестройка отечественной науки по западным моделям, кроме того, определенное внимание уделяется такому направлению реформы, как сокращение числа научно-исследовательских институтов и работающих в них ученых. В связи с этим на основе анализа важных составляющих науки показывается, что академическая наука ныне является самым эффективным сектором науки, основой научного потенциала страны. Что касается политики государства, направленной на оптимизацию научной деятельности, иначе говоря, реструктуризацию науки, то она негативно влияет на ее развитие. В статье дается оценка результатов реформы, выясняется ее влияние на состояние российской науки. В связи с этим оценивается уровень российских исследований по отдельным областям науки, выясняется место современной отечественной науки в мировой науке. Основное внимание при этом уделяется вопросу о том, в каких научных областях российские исследования находятся на уровне развития мировой науки или опережают ее, а в каких – в той или иной степени отстают от нее. Особое внимание уделяется рассмотрению мер по ускоренному развитию фундаментальной науки в нашей стране. В связи с этим анализируются проблемы повышения финансирования исследований, устранения вмешательства государства в процесс самоорганизации академического научного сообщества, модернизации инфраструктуры академической науки, обеспечения достойного положения научной элиты, особенно молодых ученых, от которых в значительной степени зависит будущее российской науки в третьем тысячелетии.

© Наумова Т. В., 2022

Ключевые слова: академическая наука; вузовская наука; сокращение численности; критерии уровня исследований; состояние исследований; влияние на мировую науку; место в мировом научном сообществе; меры по развитию

Для цитирования: Наумова Т. В. Социально-политические аспекты реформирования российской академической науки // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 19-38. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-19-38>. <https://elibrary.ru/yboyvvd>.

Original article

Socio-political aspects of reforming russian academic science

Taityana V. Naumova

Candidate of philosophical sciences, senior researcher, department of philosophy of culture, institute of philosophy, Russian academy of sciences, Moscow
naumova.tv.iphras@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8884-3891>

Abstract. The article considers some areas of reform of academic science, namely a radical change in the existing form of academic scientific activity, the restructuring of domestic science according to Western models, in addition, some attention is paid to such a direction of reform as reduction in the number of research institutes and scientists working there. In this regard, on the basis of the analysis of important components of science, it is shown that academic science is now the most effective sector of science, the basis of the country's scientific potential. As for the policy of the state aimed at optimizing scientific activity, in other words, restructuring science, it negatively affects its development. The article gives an assessment of the reform results, it turns out its impact on the state of Russian science. In this regard, the level of Russian research in certain fields of science is assessed, the place of modern domestic science in world science is being investigated. The main focus is on the question of in which scientific fields Russian research is at the level of development of world science or ahead of it, and where – to one degree or another lag behind it. Particular attention is paid to the consideration of measures to accelerate the development of fundamental science in our country. In this regard, the problems of increasing research funding, eliminating state interference in the process of self-organization of the academic scientific community, modernizing the infrastructure of academic science, ensuring the worthy position of the scientific elite, especially young scientists, whom the future of Russian science in the third millennium largely depends on, are analyzed.

Keywords: academic science; university science; reduction in numbers; criteria for the level of research; the state of research; influence on world science; a place in the global scientific community; development measures

For citation: Naumova T. V. Socio-political aspects of reforming Russian academic science. *Social and political researches*. 2022;2(15):19-38. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-19-38>. <https://elibrary.ru/yboyvvd>.

Введение

Почти десять лет назад государство начало реформу академической науки. Она ведется по разным направлениям. Цель реформы состояла в том, чтобы выработать модель эффективной организации в академической науке и тем самым повысить результативность исследований.

За годы реформы академической науки в ней произошли существенные изменения. Функционирование и развитие науки характеризуют как положительные, так и особенно негативные явления. Одни из них связаны с деятельностью самого научного сообщества, другие – с вмешательством государства в вопросы самоорганизации ученого сословия. На протяжении всех лет осуществления реформы академической науки ее социальные и культурные последствия и пути дальнейшего развития науки являются предметом острой дискуссии как среди исследователей, так и властных структур.

К числу наиболее часто обсуждаемых проблем реформы академической науки относятся ее разные направления, которые в основном оценивались критически [Рогов, 2013; Дашичев, 2016]. Значительное внимание уделялось причинам необходимых преобразований в науке, а главное – выработке критериев эффективности деятельности

ученых, занятых в академической науке [Полтерович, 2014]. В последнее время в научной литературе большое внимание уделяется наукометрическим показателям при оценке эффективности работы ученого. Причем свои суждения по этому вопросу высказывают не только представители академического сообщества, но и властных структур, люди, управляющие отечественной наукой.

Методы исследования

При рассмотрении данной темы мы опирались на фактический материал по проблемам функционирования отечественной науки, данные исследования, проведенного группой по приоритетам фундаментальных исследований Институтом социологии РАН, Институтом психологии РАН. В нем участвовали авторитетные ученые страны – академики, члены-корреспонденты и профессора Российской академии наук. Кроме того, мы опирались на анализ реальных процессов, происходящих в российском обществе.

Направления реформы Российской академии наук

Одним из направлений реформы академической науки стало кардинальное изменение существующей формы академической научной деятельности, иначе говоря, ее перестройка путем передачи исследовательских институтов, входящих в

состав Российской академии наук, высшей школы (университетам).

По этому поводу отметим, что в нашей стране у академического сектора науки и высшей школы различные задачи и правила функционирования. С самого начала создания Академия наук обеспечивала организацию и проведение научных исследований, а также подготовку научных кадров высшей квалификации, иначе говоря, образовательные функции, служила интеллектуальной базой для общения с Европой. В Академии наук были сосредоточены высококлассные профессионалы, вносящие существенный вклад в мировую науку. Сама Академия наук была незначительной по численности, состояла из одного единственного института, нескольких музеев, лабораторий и обсерватории. После 1917 года наука стала развиваться в основном в Академии наук, которая превратилась в гигантское министерство открытий с общенациональной сетью научных институтов, формировавшихся десятилетиями и включенных в академию наук лишь через 200 лет после ее учреждения. Ныне РАН определяет направления научно-технической политики государства и участвует в ее формировании.

Что касается российской высшей школы, то, согласно отечественной культурно-исторической традиции, исторически сложившемуся типу специализации, она была сосредоточена на процессах обучения научных кадров, являлась ос-

новным «поставщиком» кадров для фундаментальной науки и источником воспроизводства научных школ, обеспечивала наиболее полное распространение и использование новейших достижений академической науки.

Каким интеллектуальным потенциалом сегодня обладают академическая и вузовская наука? Важной составляющей науки является наличие высококвалифицированных научных кадров. По этому поводу отметим, что ныне Российская академия наук является единственной структурой, в которой сосредоточены ведущие ученые, занятые в различных отраслях науки, а также и самым эффективным сектором науки. Примером может служить число публикаций ученых РАН, которое является одним из немногих показателей, по которым оценивается результативность научной деятельности, а также влияет на материальное положение ученых, избрание в научное сообщество и в целом на авторитет в научном мире [Гуреев, 2019].

К тому же академическая наука вносит основной вклад в отечественную научную сферу. Согласно недавним данным, ученые РАН дают почти половину публикаций в журналах, индексируемых в Scopus [Полихина, 2018]. Притом, что здесь работают всего 14 % ученых страны, 30-40 % кандидатов и докторов наук.

Академический сектор науки имеет и авторитетные научные из-

дания. «Российская академия наук является учредителем 167 научных журналов, из которых 103 переводятся на английский язык и индексируются в международных базах данных Web of Science и Scopus» [Долгушкин, 2021, с. 65].

Что касается вузовской науки в нашей стране, то несколько лет назад по темпам роста научных публикаций вузы опережали темпы роста академической науки. Однако при этом надо учитывать тот важный факт, что основная часть публикаций вузов была выполнена при научном сотрудничестве с учеными академического сектора науки. Значительное количество публикаций дают такие всемирно известные отечественные вузы как МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ. В ведущих мировых рейтингах в той или иной мере занимают места большинство российских университетов [Кузьминов, 2021].

Если оценивать по количеству публикаций высшую школу в целом, то наука здесь серьезно отстает от академической науки. В определенной мере это вызвано состоянием самой системы образования, ныне превратившейся в одну из сфер бизнеса и рынка услуг, для которого преимущественно важна прибыль, достигаемая любыми способами. Особенно это касается негосударственных учебных заведений. Они далеко не всегда, и не в полной мере обеспечивают необходимое качество профессионального образования, соответствующее тре-

бованиям современных реалий и мировым стандартам. Не случайно эти вузы дают «облегченное высшее образование», иначе говоря, образование невысокого или низкого качества. Между тем качество подготовки специалистов в вузе, их конкурентоспособность на мировом уровне является одной из основных составляющих успешности высшего учебного заведения.

Говоря о причинах отставания вузовской науки от академической, стоит сказать о том, что специалисты высшей школы заняты в основном преподавательской деятельностью – учебной, учебно-методической, организационно-методической, в том числе в разных образовательных организациях. Кроме того, они вынуждены выполнять также и никому не нужную (кроме чиновников) бумажную работу. Поэтому преподаватели вузов далеко не всегда располагают временем для того, чтобы заниматься научными исследованиями. У них научно-исследовательская деятельность находится на втором плане, что, в свою очередь, сказывается не только на качестве преподавания, но и эффективности деятельности преподавателя.

Стоит учитывать и то, что работа преподавателя вуза и научного исследователя – это вещи разные. И каждый человек должен знать предел своих возможностей. Далеко не всякий преподаватель склонен к научной работе, как и не все те, кто преуспевают в научной сфере дея-

тельности, могут быть успешными в преподавании.

Нельзя отрицать того, что ныне негативные явления сопровождают развитие и академической науки. В обществе существуют неоднозначные оценки деятельности ученых, занятых здесь. Тем не менее, академическая наука представляет собой основу научного потенциала страны, а Российская академия наук – основное звено национальной организации научных исследований.

Нам представляется, что реформа академической науки, направленная на противостояние академической и вузовской науки, вряд ли будет способствовать цивилизационному развитию нашей страны. В этом убеждает то, что радикальное изменение существующей формы академической научной деятельности, в конечном счете, будет слишком обременительным для самого государства с точки зрения материальных затрат. К тому же в нашей стране, начиная с советского времени, академическая наука развивалась значительно активнее, чем вузовская. Поскольку в академической науке решались стратегические задачи развития науки. В то время как наука в вузах носила второстепенный характер [Кузьминов, 2021]. Стоит отметить и то, что именно академическая наука способствует фундаментализации и повышению качества системы высшего образования, определяет его направленность и содержание,

формы и методы подготовки специалистов.

Вне всякого сомнения, развитие науки в России предполагает использование общих тенденций мирового развития, научных и культурных традиций, которые носят универсальный характер. Поэтому для нашей страны представляет ценность опыт развития науки в ведущих западных странах. Вместе с тем у нас существуют свои традиционные ценности, характерные для российской цивилизации. Потому нам необходимо воспринимать практику развития науки в западных странах рационально, опираясь на собственный опыт, учитывая национальные особенности отечественной науки, ее самобытность, тесно связанную с нашей культурой.

Сегодня академическая и вузовская наука должны не противостоять друг другу, а сотрудничать, устанавливать разносторонние творческие отношения, чтобы стать важным фактором цивилизационного развития постсоветской России.

Еще одним из направлений реформы академической науки стала политика государства, направленная на оптимизацию научной деятельности с целью повышения эффективности научных исследований. Иначе говоря, ранжирования академических институтов в зависимости от их конкурентоспособности, а затем реструктуризации (сокращения) путем укрупнения институтов, входящих в состав Рос-

сийской академии наук и работающих в них ученых.

Нам представляется, что такая политика государства по отношению к науке может быть оправдана лишь в том случае, если это вызвано логикой развития науки. Однако в результате политики реструктуризации в России количество академических научных институтов сократилось с 901 в 2013 г. до 460 в настоящее время, то есть почти вдвое, а количество исследователей уменьшилось по сравнению с советским временем почти в 3 раза и продолжает сокращаться. Численность исследователей на 10 тысяч, занятых в экономике, составляет 49 человек, что ниже среднего значения по странам-членам ОЭСР. По данному показателю мы находимся на 34-м месте. В то время как в большинстве научно-ориентированных стран численность исследователей постоянно растет и составляет, к примеру, в США – 90 человек, Японии – 100, Германии – 92, Франции – 101. Еще больше по показателю численности исследователей Россия отстает от таких стран как Корея, Швеция и Израиль.

Вне всякого сомнения, сокращение численности исследователей, занятых в академической науке, негативно влияет на ее развитие. Ибо отечественная наука лишается своего главного богатства – интеллектуального потенциала, состояние которого олицетворяет интеллигенция, в том числе и занятая в науке. Между тем его восстановле-

ние потребует немало времени и материальных средств.

Как реформа академической науки сказалась на положении дел в науке, каковы результаты этой реформы и какое влияние она оказала на науку? Прежде всего, отметим, что реформа академической науки способствовала ее отставанию от науки в развитых странах Запада. Подтверждением этому может служить социологическое исследование, проведенное среди научного сообщества [Шесть лет реформы ... , 2019]. Оно показало, что подавляющее большинство ученых считает, что в результате реформы положение в науке в целом ухудшилось, а сама реформа сказалась на ней негативно. Лишь незначительная часть академического сообщества полагает, что реформа РАН оказала на науку как положительное, так и отрицательное влияние.

Говоря об оценке изменений, произошедших в тех научных областях, которыми занимаются ученые, то здесь тоже большинство ученых полагает, что положение в них ухудшилось или не произошло никаких изменений. Большинство ученых негативно оценивают и влияние реформы РАН на российские исследования в своей области науки. Только незначительная часть ученых полагает, что реформа академической науки положительно сказалась на их области знания.

Если сравнить уровень российских исследований в своей области знания с уровнем их зарубежных

коллег, то большинство отечественных ученых признают: российские исследования или находятся на одном уровне с исследованиями в развитых странах Запада (математические науки, физические науки и др.), или в той, или иной степени отстают от них. Согласно данным российской статистики, в рейтинге стран по числу публикаций в научных изданиях, индексируемых в Scopus в 2019 г., математические и физические науки занимали 7-е и 3-е места соответственно, а в Web of Science – 7-е и 4-е места.

Наиболее часто признают отставание российских исследований в своей области ученые, занятые в физиологических науках, глобальных проблем и международных отношений, медицинских науках и некоторых других. Что касается медицинских наук, то согласно уже упоминавшейся статистике, в научных изданиях, индексируемых в Scopus, мы занимали 24-е место. Лишь незначительная часть ученых считает, что в их научной области российские исследования опережают своих коллег в развитых странах. Речь идет об истории, археологии и филологических науках, где мы занимали 3-е место, социологических науках – 5-е место.

Каковы же причины того, что современная российская академическая наука оказывает очень незначительное влияние на мировую науку? По этому поводу отметим, что в течение многих лет большое внимание уделялось таким обла-

стям социального и гуманитарного знания, которые к подлинной науке никакого отношения не имели. Речь идет о «теории научного коммунизма», «диалектическом и историческом материализме». Ученые, занятые в этих областях знания обязаны были решать задачи по теоретическому обоснованию и руководству всеми сферами жизни. Кроме того, государство приспособило ученых-обществоведов к обслуживанию своих идеологических функций, подчиняло науку характеру и содержанию своей деятельности.

Стоит сказать и о том, что работы ученых-обществоведов в основном были направлены на теоретическую разработку сугубо отечественных проблем и нередко не интересовали зарубежных специалистов [Михайлов, 2016].

Весьма примечательно то, что за рубежом обычно публикуют представителей «сильной» науки, то есть той науки, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства научного знания в целом [Орехов, 2020, с. 114]. Поскольку их работы характеризует высокий профессионализм, фундаментальность, имеют научные достижения национального или международного уровня и признанные мировым научным сообществом.

Что касается российских ученых-обществоведов, то сегодня мы не всегда можем говорить о высоком уровне их работ. В России ко-

личество некачественных публикаций в 2016 г. достигло максимального уровня и выросло почти в 15 раз по сравнению с 2012 г. Особенно много их в социальных и гуманитарных науках. В мировой науке наша страна занимает 7-е место по количеству некачественных публикаций, а лидируют здесь страны Азии, такие как Индия и Китай [Юревич А., Юревич М., 2021].

Этому есть ряд причин. Одной из них является состояние самой системы образования. В 1990-е г. советская модель образования как процесс передачи опыта и знаний, накопленных в обществе, новым поколениям перестала существовать. И в условиях доминанты рыночных ценностей образование ставит своей целью подготовку «квалифицированного потребителя» [Степин, 2017, с. 21].

Кроме того, у нас с начала 1990-х гг. немало вузов получили статус университета. К концу 2017 г. названные университеты составляли 50 % всей совокупности вузов. Ведущими классическими университетами являются в нашей стране МГУ, СПбГУ и некоторые другие. Именно они ориентированы на получение фундаментального знания, по словам В. фон Гумбольдта, возвращают наиболее квалифицированные научные кадры и интеллектуальную элиту государства. К тому же ведущие российские университеты нацелены на подготовку специалиста как по гуманитарным,

так и естественно-научным дисциплинам, которые являются частями общего университетского образования [Миронов, 2021]. Между тем сегодня массовый университет далеко не всегда и не в полной мере выполняет свое предназначение.

Конечно, сегодня в нашей стране есть высшие учебные заведения, которые по своей фундаментальности, глубине, высоком уровне требований стоят наравне с лучшими вузами ведущих стран мира. Есть у нас и университет мирового класса – МГУ имени М. В. Ломоносова, правда, один единственный в нашей стране. Если говорить в целом, то надо признать, что «российские вузы не конкурентоспособны на международном рынке образовательных услуг, особенно на мировом рынке университетов мирового класса, где Россия представлена слабо» [Балацкий, 2020, с. 734].

Возвращаясь к вопросу об отставании российской науки от мировой, отметим, что этому способствует еще одно обстоятельство. Дело в том, что в нашем недавнем прошлом различные отрасли научного знания находились в разных условиях. У нас опережающими темпами шло развитие естественно-научных отраслей знания, в которых была занята основная масса ученых. И ныне (по данным 2019 г.) в естественных и технических науках занято 79 270 чел. и 21 942 чел. соответственно. В то время как в социальных и гуманитарных

науках – 19 466 чел. и 11 668 чел. [Индикаторы науки, 2021, с. 55].

Это определялось в значительной степени чисто прагматическими ценностями, в частности необходимостью осваивать сложные виды техники, от уровня развития которой зависит состояние российской цивилизации. В то время как науки, изучающие общество, социальные, особенно гуманитарные, практически не развивались. А если и развивались, то, пользуясь выражением академика А. А. Гусейнова, «во властно заданных и административно регулируемых идеологических рамках» [Гусейнов, 2021, с. 789]. В результате общественные науки серьезно отставали от уровня развития мировой науки.

И сегодня у нас система приоритетов в российской науке построена так, что главенствуют именно естественно-научные отрасли знания. Между тем для цивилизационного развития нашей страны необходимы высококвалифицированные специалисты – гуманитарии, люди, обладающие широкой культурой и мышлением.

Одним из важных показателей развития науки является уровень цитирования ученых, фиксируемый международными базами данных. Согласно российской статистике, в 2019 г. удельный вес цитирования публикаций российских авторов в общемировом потоке публикаций в Scopus составляет 2,04 %, а в Web of Science – 1,73 %. По показателю цитирования научных публикаций

мы находимся на последнем месте среди стран – основных поставщиков научной продукции. И в ближайшее время вряд ли стоит ожидать роста цитируемости отечественных ученых за рубежом. Особенно низкой является доля цитируемых публикаций ученых, занятых в социальных и гуманитарных науках. Исключение составляют лишь естественные науки – физика, химия, науки о космосе и особенно математика, в которых по показателю цитирования научных публикаций мы находимся в наиболее благоприятном положении.

Еще одним из важных показателей развития российской науки является доля молодых ученых (по традиции ими являются кандидаты наук в возрасте до 35 лет и доктора наук в возрасте до 40 лет [Пирожкова, 2021]), остающихся в отечественной науке и работающих в России. Между тем на протяжении последних тридцати лет приток молодых кадров в науку сокращается, поскольку престиж профессии ученого в нашей стране невысокий и не может конкурировать с другими видами деятельности. В науке значительно сложнее сделать карьеру, подняться по социальной лестнице, то есть иметь достойную оплату труда, высокое научное звание и авторитет в профессиональном сообществе.

Кроме того, у нас изменилась мотивация научно-исследовательской работы. Научная молодежь предпочитает работать не в академической

науке и не в высших учебных заведениях, а в области прикладной науки, которая более востребована со стороны бизнес-структур. К тому же немалая часть молодых ученых хотела бы работать в негосударственных компаниях.

Привлечению творчески ориентированной молодежи в науку может способствовать социальная программа поддержки молодых ученых. Речь идет о возможности повышения уровня образования в ведущих научных центрах России, и за рубежом с возвращением по истечении определенного периода времени в свою страну с высоким уровнем знаний и квалификации.

Между тем неблагоприятная ситуация, которая сложилась в современной академической науке, способствует эмиграции ученых из России и остановить этот процесс нам пока не удастся. По масштабам эмиграции мы занимаем 4-е место в мире. В значительной своей части нашу страну покидают молодые представители науки – в возрасте от 27 до 45 лет, те, кто склонен к творчеству, наделен высокой профессиональной активностью, способен развивать отечественную науку.

Еще одним из важных показателей развития науки является удельный вес статей ученых в общем мировом числе статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus. В 2019 г. в России он составлял 3,2 % (меньше только в Республике Корея, Бразилии и Иране). В то время как «в Китае – 23,7 %, США –

20,3 %, Великобритании – 6,4 %» [Индикаторы науки, 2021, с. 20]. Что касается числа публикаций российских ученых в 1 и 2 квартилях международных баз данных, Scopus и Web of Science, то за 2013–2017 гг. всего 27 % публикаций российских ученых публикуются в журналах первого квартиля. Тогда как в США – 60 %, Китае – 43 %. Что касается рейтинговых изданий, то из 350 российских журналов только 3 входят в первый квартиль и 7 – во второй.

Какие меры необходимо предпринять по ускоренному развитию академической науки в России? Прежде всего, речь идет о повышении финансирования исследований. В современном мире уровень науки тесно связан с уровнем социально-экономического развития страны. В России основным источником поддержания науки являются средства государства, которые до недавнего времени составляли 0,15 % национального дохода. В то время как в таких развитых странах, как Франция, США, Германия, затраты на исследования и разработки составляют 2,26, 2,74, 2,9 % ВВП. Несколько лет назад по объемам государственных инвестиций в научные исследования «Россия отставала от США в 28 раз, а ныне – в 33 раза, от Китая – в 18 раз, а сейчас – в 22 раза, от Германии – в 5 раз, а сегодня – в 8 раз» [Выступление... Никонова, 2020, с. 205]. И это отставание продолжается. Для того чтобы отечественная наука была

конкурентно способной на мировом уровне, нам необходимо увеличить затраты на нее до 0,45 % от ВВП.

Однако это вряд ли достижимо в ближайшее время. Ибо в течение последних лет экономика нашей страны не только не росла, но и находилась в состоянии стагнации. И мы только недавно восстановили экономику, по которой сильный удар нанес коронавирусный кризис. В последнее время к нему добавились санкции против России в связи с военной спецоперацией на Украине. В результате чего наша страна оказалась в режиме экономической блокады. Поэтому достичь запланированного уровня обеспечения науки нам не удастся.

При этом надо учитывать, что современная наука, так называемая большая наука (megascience) представляет собой чрезвычайно дорогостоящее, финансово емкое предприятие, и ее развитие связано с вложением значительных средств. Поэтому не всякое государство может себе позволить науку с экономической точки зрения. Иногда это требует объединения финансовых и технических усилий нескольких государств, лидирующих в научной сфере деятельности [Ракитов, 2020]. Видимо, в ближайшее время наше государство будет, прежде всего, ориентироваться на поддержку отраслей с максимальным экономическим эффектом, дающих прибыль, и финансировать науку в зависимости от текущей экономи-

ческой ситуации в стране, а также от ситуации в мировой экономике.

Еще одним из источников сохранения и развития отечественной науки являются научные фонды, выдающие ученым гранты, крупнейшими из которых являются РФФИ и РНФ. Они финансируются из государственного бюджета на науку.

Наша наука получает финансовую поддержку и со стороны негосударственного сектора экономики. Однако ныне участие бизнеса в финансировании российских научных исследований находится на стабильно низком уровне. Особенно это характерно для таких отраслей науки, как нанотехнологии, информационные технологии, а также и для общественных наук.

В определенной степени это можно объяснить отсутствием в обществе идеологии, направленной на сохранение и развитие отечественной науки со стороны бизнес – сообщества, его незаинтересованностью в проведении фундаментальных исследований, поскольку риски здесь большие и нет уверенности в том, что вложенные средства можно быстро окупить. К тому же весь капитал отечественного частного сектора находится не в России, а за рубежом. Не стоит отрицать тот факт, что в условиях рыночных отношений вряд ли возможно заставить бизнес-структуры поддерживать науку. К этому следует добавить и нестабильность в последнее время экономической обстановки в стране. Существенно

повысить заинтересованность бизнеса в финансировании науки нам пока не удастся. В научном сообществе высказывается мнение о необходимости дифференциации источников развития науки со стороны государства и частного сектора экономики, изменения самой структуры финансирования науки путем усиления его частно-государственного характера [Смирнов, 2019].

Определенную долю финансирования наука получает и из других источников, таких, как экспорт образовательных услуг, привлекая для учебы в российских вузах молодежь из других стран. «В советский период численность обучающихся в наших вузах определялась теми задачами, которые мы решали в сфере глобальной политики, а в постсоветской России – в основном экономическими проблемами. В современной России большинство иностранных студентов – из бывших советских республик, на долю которых приходится до 2/3 всего иностранного контингента обучающихся» [Арефьев А., Арефьев П., Дмитриев, 2019, с. 398, 405]. «Незначительную долю обучающихся в вузах современной России составляют выходцы из стран дальнего зарубежья – Китая, Индии, Вьетнама и стран Ближнего Востока» [Гурьев, 2021, с. 654]. В результате с начала 2000-х гг. доходы государства выросли в долларовом эквиваленте более чем в 5 раз, а в рублях – еще более значительно.

Одной из важных мер, способствующих ускоренному развитию академической науки, является снижение бюрократического давления на науку, устранение вмешательства государства в процесс самоорганизации научного сообщества, когда оно нормирует творческий труд ученых. Свидетельством этому может служить требование государства от ученых, занятых в академической науке, повысить эффективность их труда путем увеличения количества научных публикаций (в основном статей).

Если обратиться к западному опыту, то можно констатировать, что в гуманитарных и социальных науках основной формой публикации научных результатов, критерием оценки эффективности деятельности ученого является монография по тематике фундаментальной науки, индивидуальная или коллективная. Что касается России, то по этому вопросу в среде отечественных специалистов нет единого мнения, высказываются противоположные точки зрения, но в основном против системы оценки результативности работы ученого по указанному выше показателю.

Надо отметить и то, что, существующая у нас до недавнего времени система оценки труда ученого, построена на приоритете публикаций в профильных англоязычных журналах. Однако журналов по социальным и гуманитарным отраслям знания за рубежом выходит значительно меньше, чем по есте-

ственно-научным. Поэтому большинство российских ученых-обществоведов не в состоянии опубликоваться в узком круге ведущих западных изданий.

Что касается публикаций в российских научных журналах, то, чтобы соответствовать рейтинговым показателям, сформированным чиновниками, управляющими наукой, ученые, занятые в академическом секторе науки, вынуждены увеличивать количество публикаций в журналах с низким импакт-фактором, поскольку число изданий с приличной репутацией ограничено.

В связи с этим отметим, что в научной литературе высказываются противоположные суждения о необходимости наукометрических показателей при оценке эффективности работы ученого. Однако большинство специалистов полагает, что от них необходимо отказаться. Это объясняется тем, что наукометрические подходы никак не влияют на эффективность науки, и на то, чтобы она способствовала цивилизационному развитию нашей страны [Абанеев, 2020], ослабляют внимание к реальным проблемам, ведут к снижению качества публикаций, их излишней «научности» [Выступление ... Фалькова, 2021, с. 6], нанося большой ущерб стратегии развития национальных научных школ и традиций.

К тому же статьи российских ученых должны быть написаны только на английском языке (осо-

бенно это касается публикаций в области естественных наук и математики), являющемся в международной научной коммуникации интернациональным языком людей, занимающихся наукой. Можно согласиться с мнением, по которому ученому профессионально «выгодно» публиковать статьи на английском языке, поскольку результаты его исследования попадают в поле зрения как можно большего числа специалистов [Фрисман, 2021].

Между тем в социальных, особенно гуманитарных науках вряд ли стоит отдавать приоритет публикациям на иностранном языке. Ибо здесь, прежде всего, обсуждаются проблемы, касающиеся социального и культурного развития в нашей стране. Поэтому и публиковаться эти работы должны на русском языке [Смолин, 2021].

Наряду с английским языком статус международных языков сохраняют русский, немецкий, французский языки. В них имеется наибольшее количество разработанных в языках народов мира научных понятий, играющих большую роль в развитии науки. Вместе с тем статус международного языка сохраняют также и национальные языки. Поэтому современные исследования в гуманитарной области знания должны публиковаться на двух языках – одном из международных, который важен с научной точки зрения, и на национальном языке, публикации на котором способствуют развитию национальной

культуры, образования, сохраняют историческую память народа.

Для того чтобы российская академическая наука развивалась ускоренными темпами необходимо модернизировать ее инфраструктуру. От того, в каком состоянии находится материально-техническая база науки, в огромной степени зависит уровень научных исследований, которые ведутся в стране, конкурентоспособность науки как у нас, так и за рубежом. К тому же состояние исследовательской инфраструктуры определяет, насколько привлекательна научная деятельность для молодых ученых, поскольку от этого непосредственно зависят результаты исследования, а отсюда и его продвижение по карьерной лестнице.

Однако сегодня состояние инфраструктуры российской науки таково, что не позволяет говорить о работе ученого на современном исследовательском оборудовании. Финансирование материально-технической базы науки в нашей стране и в странах с развитой рыночной экономикой в расчете на одного ученого различается в десятки раз. На это негативно повлияли экономические санкции против России, ведущие к сокращению закупок научного оборудования за рубежом, за счет которого в течение длительного периода времени развиваются у нас отдельные научные направления.

Одной из важных мер, способствующих ускоренному развитию российской академической науки,

могла бы способствовать политика государства по обеспечению достойного положения лучших представителей научной элиты, особенно молодых, поскольку от них, являющихся субъектом воспроизводства науки как социального института, в значительной степени зависит будущее российской науки в XXI веке, ее роль в цивилизационном развитии страны.

Подводя итог, отметим, что последствия реформы академической науки для состояния научных исследований, проводимых российскими учеными, можно оценить как негативные. За годы реформы положение дел в отечественной науке ухудшилось. Что касается авторитета российских ученых, то он не вырос ни в стране, ни в мире. Таково мнение авторитетных российских ученых. «Снизилась роль и значимость Российской академии наук как самой эффективной научной организации не только в мире, но и в научной, научно-технической и социально-экономической жизни страны» [Вступительное слово... Сергеева, 2021, с. 3–4].

Вместе с тем реформа академической науки оказала и определенное положительное влияние на положении дел в науке. Свидетельством этому может служить то, что «на волне реформы произошла консолидация значительного количества ученых, был создан ряд общественных движений, независимых профсоюзов в области науки и образования, началось выдвижение

петиций в защиту науки и демократии» [Касавин, 2020, с. 12].

Для того чтобы российская фундаментальная наука, которая формирует образ России в мире, эффективно развивалась, необходимо предпринять ряд важных мер. Без этого наша страна не сможет включиться в состав государств – глобальных лидеров в новом мировом укладе, который образуется в результате перехода мира в стадию гуманитарно-технологической революции, и может оказаться на обочине мировой цивилизации. Этого необходимо избежать.

Результаты исследования и заключение

Анализируя влияние реформы на академическую науку, мы пришли к выводу: преодоление ее негативных последствий предполагает осуществление ряда мер как со стороны государства, так и самих ученых, которые как субъект науки в огромной степени определяют ее развитие. И еще. Необходимо создание такой модели развития отечественной науки, которая соответствовала бы национальным особенностям, самобытности, нашим культурно-историческим традициям. К тому же реформировать науку должно само академическое сообщество, потому что никто лучше него управлять наукой не может.

Библиографический список

1. Абанеев В. В. Выступления участников научной сессии общего собрания членов РАН «Фундаментальные проблемы развития современного российского общества» // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 294–295.
2. Арефьев А. Л. Стратегия России в экспорте образования / А. Л. Арефьев, П. А. Арефьев, Н. М. Дмитриев // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 388–410.
3. Балацкий Е. В. Глобальная конкуренция университетов в зеркале международных рейтингов / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 726–738.
4. Вступительное слово Президента РАН А. М. Сергеева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 1. С. 3–4.
5. Выступление министра науки и высшего образования РФ В. Н. Фалькова // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 1. С. 5–6.
6. Выступление председателя комитета государственной Думы РФ по образованию и науке В. А. Никонова // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 205–206.
7. Гуреев В. Н. Российские ученые в мировых научных миграционных процессах / В. Н. Гуреев, А. Е. Гуськов, Н. А. Мазов // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 648–659.

8. Гуреев В. Н. Карьерный рост ученых и публикационная этика / В. Н. Гуреев, Н. А. Мазов, А. А. Ильичев // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 3. С. 270–278.
9. Гусейнов А. А. Философия и общество. К 100-летию института философии РАН (1921–2021) // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 8. С. 779–792.
10. Дашичев В. И. Наука не может и не должна управляться чиновниками // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 222–243.
11. Долгушкин Н. К. О работе Президиума РАН за отчетный период. Доклад главного ученого секретаря Президиума РАН академика РАН Н. К. Долгушкина // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 1. С. 53–68.
12. Индикаторы науки: 2021 : Стат. сб. Москва : НИУ ВШЭ, 2021. 352 с.
13. Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
14. Кузьминов Я. И. Университеты в России: как это работает / Я. И. Кузьминов, М. М. Юдкевич. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
15. Миронов В. В. Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 19–23.
16. Михайлов О. В. О принципах и специфике цитируемости в естественных и гуманитарных науках // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 2. С. 189–192.
17. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. 2-е изд. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2020. 201 с.
18. Пирожкова С. В. Основные особенности социокультурного статуса молодого ученого // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 3. С. 243–252.
19. Полихина Н. А. Эффективность оценки деятельности университета через наукометрические показатели / Н. А. Полихина, И. Б. Тростянская // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 257–281.
20. Полтерович В. М. Реформа РАН: экспертный анализ // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 5–28.
21. Ракитов А. И. Структура науки и зримые перспективы ее развития // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 56–63.
22. Рогов С. М. Новая шоковая терапия и «реформа» РАН: реалии российской науки. Москва : Наука, 2013. 77 с.
23. Смирнов А. В. Выступления участников общего собрания членов РАН / А. Д. Каприн, А. И. Рудской, А. В. Смирнов [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 9. С. 950–951.
24. Смолин О. Н. Науки пользуют везде? Научно-инновационная политика в России и некоторые системные проблемы развития отечественной науки // Свободная Мысль. 2021. № 6. С. 139–154.
25. Степин В. С. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В. С. Степина / В. С. Степин, В. И. Аршинов, А. А. Гусейнов [и др.] // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 5–31.

26. Фрисман Е. Я. Куда эволюционирует национальная наука? // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 3. С. 283–288.

27. Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы преобразований. Краткий аналитический отчет по результатам опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН. Москва, 2019.

28. Юревич А. В. Мусор в науке / А. В. Юревич, М. А. Юревич // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 8. С. 724–733.

Reference list

1. Abaneev V. V. Vystuplenija uchastnikov nauchnoj sessii obshhego sobraniya chlenov RAN «Fundamental'nye problemy razvitija sovremennogo rossijskogo obshhestva» = Speeches of the participants of the scientific session of the general meeting of members of the Russian Academy of Sciences “Fundamental problems of the development in modern Russian society” // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90, № 3. S. 294–295.

2. Aref'ev A. L. Strategija Rossii v jeksporte obrazovanija = Russia's strategy in the export of education / A. L. Aref'ev, P. A. Aref'ev, N. M. Dmitriev // Obrazovanie i nauka v Rossii: sostojanie i potencial razvitija. 2019. № 4. S. 388–410.

3. Balackij E. V. Global'naja konkurencija universitetov v zerkale mezhdunarodnyh rejtingov = Global university competition in the mirror of international rankings / E. V. Balackij, N. A. Ekimova // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90, № 8. S. 726–738.

4. Vstupitel'noe slovo Prezidenta RAN A. M. Sergeeva = Opening remarks of the President of the Russian Academy of Sciences A. M. Sergeev // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 1. S. 3–4.

5. Vystuplenie ministra nauki i vysshego obrazovanija RF V. N. Fal'kova Speech by the Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation V. N. Falkov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 1. S. 5–6.

6. Vystuplenie predsedatelja komiteta gosudarstvennoj Dumy RF po obrazovaniju i nauke V. A. Nikonova = Speech by the Chairman of the State Duma Committee on Education and Science V. A. Nikonov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90, № 3. S. 205–206.

7. Gureev V. N. Rossijskie uchjonye v mirovyh nauchnyh migracionnyh processah = Russian scientists in the world's scientific migration processes / V. N. Gureev, A. E. Gus'kov, N. A. Mazov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 7. S. 648–659.

8. Gureev V. N. Kar'ernyj rost uchjonyh i publikacionnaja jetika = Career development of scientists and publication ethics / V. N. Gureev, N. A. Mazov, A. A. Il'ichev // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89, № 3. S. 270–278.

9. Gusejnov A. A. Filosofija i obshhestvo. K 100-letiju instituta filosofii RAN (1921–2021) = Philosophy and society. To the 100th anniversary of the institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences (1921–2021) // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 8. S. 779–792.

10. Dashichev V. I. Nauka ne mozhet i ne dolzhna upravljat'sja chinovnikami = Science cannot and should not be managed by officials // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2016. № 2. С. 222–243.
11. Dolgushkin N. K. O rabote Prezidiuma RAN za otchjotnyj period. Doklad glavnogo uchjonogo sekretarja Prezidiuma RAN akademika RAN N. K. Dolgushkina = On the work of the Presidium of the Russian Academy of Sciences for the reporting period. Report of the Chief Scientific Secretary of the Presidium of the Russian Academy of Sciences Academician of the Russian Academy of Sciences N. K. Dolgushkina // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 1. S. 53–68.
12. Indikatory nauki: 2021 = Science indicators: 2021 : Stat. sb. Moskva : NIU VShJe, 2021. 352 s.
13. Kasavin I. T. Nauka kak politicheskij sub#ekt = Science as a political subject // Sociologicheskie issledovanija. 2020. № 7. S. 3–14.
14. Kuz'minov Ja. I. Universitety v Rossii: kak jeto rabotaet = Universities in Russia: how it works / Ja. I. Kuz'minov, M. M. Judkevich. Moskva : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2021. 616 s.
15. Mironov V. V. Gumbol'dt, naturfilosofija i universitet kak universum = Humboldt, natural philosophy and university as a universum // Voprosy filosofii. 2021. № 2. S. 19–23.
16. Mihajlov O. V. O principah i specifike citiruемости v estestvennyh i gumanitarnykh naukah = On the principles and specifics of citation in the natural and human sciences // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 86, № 2. S. 189–192.
17. Orehov A. M. Social'nye nauki kak predmet filosofskogo i sociologicheskogo diskursa = Social sciences as a subject of philosophical and sociological discourse. 2-e izd. Moskva : NIC INFRA-M, 2020. 201 s.
18. Pirozhkova S. V. Osnovnye osobennosti sociokul'turnogo statusa mladogo uchjonogo = The main features of the sociocultural status of a young scientist // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91, № 3. S. 243–252.
19. Polihina N. A. Jeffektivnost' ocenki dejatel'nosti universiteta cherez naukometricheskie pokazateli = Effectiveness of assessing the university's activities through scientometric indicators / N. A. Polihina, I. B. Trostjanskaja // Obrazovanie i nauka v Rossii: sostojanie i potencial razvitija. 2018. № 3. S. 257–281.
20. Polterovich V. M. Reforma RAN: jekspertnyj analiz = RAS reform: expert analysis // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 1. S. 5–28.
21. Rakitov A. I. Struktura nauki i zrimye perspektivy ee razvitija = Structure of science and visible prospects for its development // Voprosy filosofii. 2020. № 1. S. 56–63.
22. Rogov S. M. Novaja shokovaja terapija i «reforma» RAN: realii rossijskoj nauki = New shock therapy and “reform” of the Russian Academy of Sciences: the realities of Russian science. Moskva : Nauka, 2013. 77 s.
23. Smirnov A. V. Vystuplenija uchastnikov obshhego sobranija chlenov RAN = Speeches of the participants of the general meeting of RAS members / A. D. Kaprin, A. I. Rudskoj, A. V. Smirnov [i dr.] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89, № 9. S. 950–951.
24. Smolin O. N. Nauki pol'zujut vezde? Nauchno-innovacionnaja politika v Rossii i nekotorye sistemnye problemy razvitija otechestvennoj nauki = Are sciences used

everywhere? Scientific and innovative policy in Russia and some systemic problems of the development of domestic science // *Svobodnaja Mysl'*. 2021. № 6. S. 139–154.

25. Stepin V. S. Analiz struktury i dinamiki nauki v sociokul'turnom kontekste. Materialy obsuzhdenija izbrannyh trudov V. S. Stjopina = Analysis of the structure and dynamics of science in a sociocultural context. Materials of discussion of selected works by V. S. Stopin / V. S. Stepin, V. I. Arshinov, A. A. Gusejnov [i dr.] // *Voprosy filosofii*. 2017. № 12. S. 5–31.

26. Frisman E. Ja. Kuda jevoljucioniruet nacional'naja nauka? = Where does national science evolve? // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2021. T. 91, № 3. S. 283–288.

27. Shest' let reformy Rossijskoj akademii nauk: rezul'taty i perspektivy preobrazovanij. Kratkij analiticheskij otchet po rezul'tatam oprosa akademikov, chlenov-korrespondentov i professorov RAN = Six years of reform of the Russian Academy of Sciences: results and prospects for transformations. A brief analytical report on the results of a survey of academicians, corresponding members and professors of the Russian Academy of Sciences. Moskva, 2019.

28. Jurevich A. V. Musor v nauke = Garbage in science / A. V. Jurevich, M. A. Jurevich // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2021. T. 91, № 8. S. 724–733.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 01.04.2022; approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-39-58

EDN: XIOVXI

**Государственная политика в сфере высшего образования в РФ:
аспекты ее реализации в вузах Центрального федерального округа**

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. В рамках представленного в статье социологического исследования изучаются приоритетные направления образовательной политики в Российской Федерации. В рамках исследования выборочно опрошены представители профессорско-преподавательского состава (доценты, профессора, заведующий кафедрами, деканы) из головных (базовых, классических) региональных вузов ЦФО. Изучены данные Федеральной службы государственной статистики России, результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками института социологии ФНИСЦ РАН, и нормативно-правовые и подзаконные акты, регулирующие сферу высшего образования. Кроме того, проанализированы расходы федерального бюджета на реализацию особо значимых мероприятий в сфере высшего образования. Установлено, что независимо от гендерных, возрастных, должностных особенностей отношение к сокращению (объединению) вузов негативное. Причем та часть преподавателей, которая работала в вузе, присоединенном (ликвидированном) в качестве институтов или факультетов, в большей степени не довольна объединением вузов, чем та часть преподавателей, работающих в вузе, к которому присоединили. Полагают, что главный критерий при оценке вуза – это проводимые преподавателями исследования (статьи, книги, монографии и т. д.) и количество докторов и кандидатов наук. Выявлено, что значительная часть респондентов негативно относится к присоединению РФ к болонскому процессу. Чем выше возраст и должность, занимаемая в вузе, тем более негативно отношение к двухуровневой системе обучения (бакалавр-магистр). Кроме того, установлено, что большинство, не зависимо от занимаемых должностей, гендерных и возрастных особенностей, а также специализации вуза

© Таланов С. Л., 2022

подрабатывают. Предлагаются мероприятия по совершенствованию российской государственной политики в сфере высшей школы.

Ключевые слова: конкурентное управление; интеллектуальный капитал; вложение в человеческий капитал; массовые университеты

Для цитирования: Таланов С. Л. Государственная политика в сфере высшего образования в РФ: аспекты ее реализации в вузах Центрального федерального округа // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 39-58. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-39-58>. <https://elibrary.ru/xiovxi>.

Original article

**State policy in the field of higher education in the Russian Federation:
aspects of its implementation in Central federal district universities**

Sergei L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher, sociology of deviant behavior sector, Center for the study of adaptation processes in changing society, Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences, Moscow talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. Within the framework of the sociological study presented in the article, priority areas of educational policy in the Russian Federation are studied. As part of the study, representatives of faculty (associate professors, professors, head of departments, deans) from head (basic, classical) regional universities of the Central Federal District were selectively interviewed. The data of the Federal State Statistics Service of Russia, the results of sociological research conducted by employees of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, and regulatory legal and by-laws governing the field of higher education were studied. In addition, the federal budget expenditures for the implementation of particularly significant measures in the field of higher education were analyzed. It was established that regardless of gender, age, job characteristics, the attitude towards the reduction (unification) of universities is negative. Moreover, that part of the teachers who worked at the university, annexed (liquidated) as institutes or faculties, is more satisfied with the unification of universities than that part of the teachers working at the university to which they joined. It is believed that the main criterion for assessing the university is the research conducted by teachers (articles, books, monographs, etc.) and the number of doctors and candidates of sciences. It was revealed that a significant part of the respondents have a negative attitude towards the accession of the Russian Federation to the Bologna process. The higher the age and position held at the university, the more negative the attitude towards the two-level training system (bachelor-master). In addition, it was established that the majority, regardless of their

positions, gender and age characteristics, as well as the specialization of the university, earn extra money. Measures are proposed to improve Russian state policy in the field of higher education.

Keywords: competitive management; intellectual capital; investing in human capital; mass universities

For citation: Talanov S. L. State policy in the field of higher education in the Russian Federation: aspects of its implementation in Central Federal District universities. *Social and political researches*. 2022;2(15):39-58. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-39-58>. <https://elibrary.ru/xiovxi>.

Актуальность исследования

Инновационная экономика предъявляет новые требования к качеству выпускников вузов. Последние десятилетия многие работодатели критикуют вузы за некачественную подготовку, особенно критикуется подготовка по инженерно-техническому профилю. По мнению работодателей, молодые бакалавры, специалисты, магистры не способны работать в соответствии с новыми вызовами, у них не развиты необходимые компетенции, имеются фрагментарные представления о технологических процессах, приходится выбирать из лучших выпускников самых лучших и затем повышать их квалификацию уже в рамках дополнительного образования. По мнению экспертов, это снижение качества подготовки стало наблюдаться после распада СССР.

Массовизация образования, открытие в каждом городе большого количества различных филиалов и представительств вузов, привели к

тому, что многие выпускники этих псевдообразовательных организаций стали отказываться работать по полученному направлению обучения. Одной из причин этого являлась не проблема, что мало платят, а потому что нет знаний, навыков и умений, необходимых для работы на производстве. В 2012 году наметилась еще одна негативная тенденция – оптимизация (сокращение) вузов, связанная с попыткой сэкономить бюджетные деньги на высшей школе. Образование относится к инвестиционной сфере, а не затратной, поэтому логично было бы увеличивать расходы на образование, а не сокращать их. Инвестиции в человеческий капитал, позволяют обеспечивать ежегодный рост ВВП на 4-5 %. Для того, чтобы высшее образование стало «драйвером» развития экономики, не обязательно его делать элитарным, достаточно поднять его качество на новый уровень. Помочь в этом может Правительство РФ. К сожалению, проведенный нами анализ документов показывает, что государ-

ственные расходы на высшее образование растут медленно (см. табл. 1-3).

Таблица 1.

Государственные расходы на высшее образование*
(миллиарды рублей)

	Год							
	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	24,4	125,9	377,8	517,1	511,0	554,2	585,2	644,3

*Федеральная служба государственной статистики РФ

Таблица 2.

Государственные расходы на высшее образование в процентах к ВВП*

Государственные расходы на высшее образование в процентах к ВВП							
	Год						
	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	0.6	0.8	0.6	0.6	0.5	0.5	0.6

*Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2021. 550 с.

Таблица 3.

Государственные расходы на высшее образование в расчете на одного обучающегося в текущих ценах* (тыс. руб.)

	Год							
	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	11,7	56,2	185,8	319,5	318,5	346,9	364,5	393,3

*Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2021. 550 с.

Учитывая вышеизложенное, особую значимость приобретает анализ государственной политики в сфере высшего образования в РФ в условиях динамики социальных изменений.

Постановка проблемы

Ученые из разных стран целенаправленно анализируют, как политика в сфере высшего образования в их странах влияет на качество высшего образования и развитие экономики в целом. Систему высшего образования как объект госу-

дарственной политики изучают педагоги, экономисты, социологи, политологи, то есть данная проблема является междисциплинарной [Borden, 2014; Delaney, 2014; Freeman, 2014].

Влияние глобальных тенденций развития образования на процесс реформирования высшего образования в Португалии активно изучают португальские ученые [Bruckmann, 2014].

Исследователи из США [Hillman, 2014; Lebeau, 2022] изучают проблемы финансирования

высшего образования в США. Они пришли к выводу, что система высшего образования в США разнообразна, свободна от государственного контроля, опирается на рыночные механизмы.

Пандемия COVID-19 привела к экономическим потрясениям в секторе высшего образования большинства стран мира [Asquer, 2020; Kelderman, 2020, McPherson, 2021]. В этой ситуации правительство разных стран принимает меры, направленные на поддержку вузов. Как показывают многочисленные исследования, этих мер явно недостаточно для исправления ситуации.

Зарубежные исследователи отмечают, что ученые гуманитарных и обществоведческих направлений проводят систематические исследования в сфере высшего образования, но, к сожалению, их выводы не востребованы государственными органами. В итоге решения, принимаемые в сфере высшего образования, не опираются на науку, что не способствует модернизации высшего образования [Browder, 2003; West, 2015].

В последние десятилетия на рынке образовательных услуг больших успехов добиваются вузы Китая. Все большее число абитуриентов из стран Европы, США, России и др. стран стремятся получить образование в Китае. Кроме того, все чаще в рейтингах вузов занимают престижные места вузы Казахстана. По этой причине нам было важно изучить, каким образом Ки-

таю и Казахстану удалось достичь высокой эффективности в сфере управления высшим образованием [Донецкая, 2022; Юнь, 2020].

Отечественные политологи и социологи также вносят определенный вклад в изучение государственной политики в сфере высшего образования. В частности, они активно изучают механизмы модернизации государственной политики в сфере высшего образования [Чучулина, 2019; Ваниева, 2021], факторы, препятствующие совершенствованию системы высшего образования [Таланов, 2020], проводят политологический анализ государственной образовательной политики [Коряковцева, 2021; Бугайчук, 2021], конкретизируют особенности реформ в сфере высшего образования, предлагают пути решения, что имеет значение для проводимого нами исследования.

Степень научной разработанности проблемы позволяет сделать вывод, что исследователям удалось актуализировать часть проблем, с которыми сталкивается система высшего образования в современных условиях. Вместе с тем не раскрыты основные механизмы реализации образовательной политики российского государства на уровне регионов.

Эмпирическая база исследования

В 2022 г. осуществлен опрос профессорско-преподавательского состава вузов ЦФО: РАНХиГС, РУДН, НИУ БелГУ, БГУ, ВлГУ, ВГУ, ИвГУ, КГУ, КГУ, ЛГПУ,

ОГУ, РГУ, СмолГУ, ТГУ, ТвГУ, ТулГУ, ЯГПУ.

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n=420$.

Переменные квотирования: учебное звание, ученая степень, вуз, должность.

В базе данных РИНЦ были взяты адреса электронной почты преподавателей, затем произведена рассылка анкет в прикрепленном файле на данные адреса. Если преподаватель (респондент) в течение недели не присылал анкету, или сразу после получения письма отвечал, что не сможет или не желает принять участие в опросе, то предложение пройти опрос направлялось на электронный адрес другому преподавателю, который подходил по всем необходимым параметрам для обеспечения репрезентативности опроса.

Проведена серия глубинных интервью с представителями профессорско-преподавательского состава, $n=10$.

Авторские гипотезы

Государственная политика в сфере высшего образования будет более эффективной в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий:

1. увеличится роль студента в формировании своей индивидуаль-

ной образовательной программы, то есть образование станет адаптивным;

2. изменится роль преподавателей. Преподаватели будут являться прежде всего наставниками/менторами/фасилитаторами сообществ;

3. образовательные программы, траектории обучения будут быстро адаптироваться к постоянно меняющейся реальности;

4. у студентов будет формироваться критическое мышление, способность эффективно взаимодействовать в команде и цифровые навыки;

5. параллельно освоению основной образовательной программы у студентов появится возможность получать знания, навыки и умения в рамках дополнительного образования за счет бюджетов вуза.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, какие по мнению преподавателей в настоящее время существуют тенденции, негативно влияющие на развитие высшего образования в России (см. табл. 4).

Таблица 4.
Тенденции, негативно влияющие на развитие высшего образования в России*

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Массовизация высшего образования, слабый уровень учебной подготовки значительной части абитуриентов	90	92	93	96
Копирование западного опыта, разрушение отечественных традиций высшего образования	84	87	91	92
Снижение статусной позиции преподавателей в обществе из-за низкой заработной платы	74	80	82	87
Усиление конкуренции в системе высшего образования	70	82	100	100
Коррупция в системе высшего образования	63	72	37	38
Низкая исследовательская и инновационная активность ВШ	52	74	83	91
Старение преподавательского корпуса	49	62	97	90
Увеличение экономической составляющей в деятельности ВШ	48	56	67	73
Несоответствие структуры подготовки специалистов потребностям рынка труда	37	46	59	71
Ослабление связей ВШ с производством	34	44	53	64
Затрудняюсь ответить	5	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Значительная часть опрошенных, независимо от занимаемых должностей, указали, что массовизация высшего образования, слабый уровень учебной подготовки значительной части абитуриентов негативно влияют на развитие высшего

образования. Респонденты имели возможность пояснить свои ответы. Так, заведующие выпускающих кадров и деканы факультетов пояснили, что с трудом набирают на некоторые направления обучения абитуриентов, что вследствие низ-

кой подготовки многие поступившие переводятся либо на заочную форму обучения, либо переходят на другое направление обучения, либо вообще забирают документы из вуза, что абитуриенты очень плохо знают русский язык и математику, что в 2021 году с трудом набрали на бюджетные места, не говоря уже о так называемых платниках. Кроме

того, большинство респондентов отметили, что переход с 1 сентября 2009 года на двухуровневую систему обучения также привел к проблемам в системе высшего образования.

Нам, как исследователям, было важно узнать мнение респондентов прежде всего относительно объединения вузов (см. табл. 5).

Таблица 5.
Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к объединению ряда вузов в стране (сокращению, оптимизации)?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Определенно положительно	—	—	—	—
Скорее положительно	—	—	—	—
Нейтрально	19	13	—	—
Скорее отрицательно	19	16	18	10
Определенно отрицательно	62	71	82	90

Как видно из ответов опрошенных, независимо от гендерных, возрастных, должностных особенностей отношение к сокращению (объединению) вузов негативное. Причем та часть преподавателей, которая работала в присоединенном (ликвидированном) вузе в большей степени не довольна объединением вузов, чем та часть преподавателей, которая работает в вузе, к которому присоединили.

Одним из инструментов государственной образовательной политики являются рейтинги вузов, поэтому нас, как исследователей,

интересовало, каким рейтингам доверяют респонденты.

Установили, что абсолютно все принявшие участие в опросе указали, что доверяют прежде всего рейтингу, составленному организацией QS. Очевидно, это связано с тем, что он на слуху, о нем часто пишут в СМИ и руководители вузов чаще всего ориентируются именно на этот рейтинг. Это один из престижнейших рейтингов в котором наши лучшие вузы должны занять позиции. Установили, что большинство опрошенных считают, что российские рейтинги не просто имеют право на существование, но и

должны иметь приоритет перед зарубежными.

Далее мы изучали, что именно должны оценивать эксперты при оценке того или иного вуза. Установили, что все опрошенные полагают, что главный критерий при оценке вуза – это проводимые преподавателями исследования. Если преподаватели вуза целенаправленно проводят исследования, публикуются в серьезных научных журналах, значит и подготовка в вузе идет на солидном уровне. Кроме того, большинство указали, что одним из важнейших критериев является количество докторов и кандидатов наук. Хотя определенная часть, прежде всего доцентов, отметила, что не справедливо давать преференции за докторскую

степень и звание профессора. Здесь уместно привести высказывание ряда доцентов. *«Несмотря на то, что я считаю не совсем объективным критерием оценки работы индекс Хирша, но я рад, что он есть, так как он заставляет профессоров что-то делать. К сожалению, многие как рассуждают, я внес определенный вклад и могу ничего больше не делать до пенсии. При этом доктора наук претендуют на должности декана, проректора, ректора. Считаю, что важно ориентироваться на публикационную активность, а не на былые заслуги».*

Далее мы изучали, как респонденты отнеслись к присоединению России к Болонскому процессу (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Как вы отнеслись к присоединению России к Болонскому процессу?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Определенно положительно	—	—	—	—
Скорее положительно	13	—	—	—
Нейтрально	10	10	18	—
Скорее отрицательно	77	81	82	90
Определенно отрицательно	—	9	—	10

Мы видим, что значительная часть респондентов негативно относятся к переходу на болонскую систему.

Далее мы изучали, как респонденты относятся к тому, что при оценке их деятельности публика-

ции в международных базах цитирования Web of Science или Scopus ценятся выше, чем в российских.

Установили, что в основном негативно относится к данным требованиям большая часть заведующих кафедрами и деканов, видимо

это связано с тем, что им все время приходится мотивировать преподавателей своих кафедр и факультетов на написание статей для журналов входящих в международные базы цитирования.

Далее мы изучали, успевают ли в условиях появления и широкого распространения Covid-19 выполнять учебную нагрузку (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Успеваете ли Вы выполнять нагрузку преподавателя (учебно-методическую работу, организационно-методическую и воспитательную работу)?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Да, в полном объеме	80	90	95	94
Нет	14	10	—	—
Воздержались от ответа	6	—	5	6

Значительная часть принявших участие в опросе респондентов отметили, что успевают выполнять нагрузку преподавателя в полном объеме. В анкете были предусмотрены открытые вопросы, чтобы любой желающий мог дать развернутые ответы. Так, около 20 % принявших участие в опросе доцентов отметили, что очень сложно осуществлять работу по формированию контингента студентов. Если сил еще хватает на то, чтобы прочитать лекции, провести семинары, принять зачеты и экзамены, то на остальные виды работ согласно индивидуального плана-отчета сил уже не хватает. Проблема также

возникает со стажировками и повышением квалификации. Профессора отметили, что стараются брать не больше ставки на кафедре, чтобы было время на написание монографии и статей, так как в конце года спрашивают показатели по публикационной активности. Если раньше достаточно было просто иметь степень доктора наук и работать до пенсии, то теперь необходимо все время демонстрировать свою эффективность.

Далее мы анализировали, подрабатывают ли официально преподаватели, чтобы получить дополнительный доход (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Подрабатываете ли вы официально, чтобы получить дополнительный доход?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Да, на своей кафедре	60	11	—	—
Да, на подготовительных курсах	47	—	—	—
Да, на программах дополнительного образования	38	42	34	47
Да, на других кафедрах в своем вузе	25	31	—	—
Нет, не подрабатываю внутри данного учебного заведения	15	28	32	34
Да, в форме хозрасчетных и других НИР	14	31	35	38
Да, в другой форме (школе и т. д.)	9	10	12	13

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, большинство, не зависимо от занимаемых должностей, гендерных и возрастных особенностей, а также специализации вуза подрабатывают. И это мы еще не уточняли сколько из опрошенных занимаются репетиторством, то есть имеют теневые доходы.

Мы изучали, есть ли среди респондентов те, кто желал бы перейти на какую-нибудь другую работу. Выявили, что большинство из доцентов (58 %), 36 % профессоров, 21 % заведующих кафедрой и 12 % деканов уже нашли новое место работы либо ищут новое место, либо желали бы уйти из вуза. Респонденты имели возможность пояснить

свои ответы. Основными причинами не удовлетворенности своей работой в вузе назвали: большая нагрузка, не понятный функционал обязанностей, нет условий для работы, использование на работе своего ноутбука, модема для интернета и подключения в Zoom, низкая зарплата, ненормированный день, не справедливое распределение наград, в основном приближенным и тем кто лоялен к руководству.

Далее мы изучали куда именно хотели бы перейти работать преподаватели. Установили, что большинство не желает идти снова работать в вуз. В основном пытаются уйти работать туда, где больше платят.

Далее мы анализировали, что необходимо сделать на уровне Правительства РФ для повышения эффективности функционирования высшего образования в России (см. табл. 9).

Таблица 9.

Возможные политические решения для повышения эффективности функционирования высшего образования в России*

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Должность			
	Доцент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Существенно увеличить заработную плату	100	100	100	100
Предоставлять квартиры преподавателям, сначала как служебные, после 10 лет работы в вузе передавать эти квартиры в собственность	100	100	100	100
У каждого преподавателя должен быть свой кабинет не зависимо от занимаемой должности в вузе	100	100	100	100
Перестать объединять вузы	81	87	95	97
Отменить привязку количества преподавателей к количеству студентов. Слабых студентов можно и нужно отчислять за академическую неуспеваемость	89	85	90	94
Привлекать университетских исследователей непосредственно к процессам разработки политики в сфере высшего образования	87	93	100	100
Уменьшить нагрузку преподавателей	85	90	92	93
Инвестировать больше средств в высшее образование (мебель, оснащение лабораторий, средства обучения, компьютеры и т. д.)	84	93	94	96
Оплачивать поездки на симпозиумы и конференции	78	80	83	81
Убрать из критерия оценивания эффективности вузов – количество иностранных студентов и количество заработанных средств	74	80	92	96
Учреждение университетами собственных компаний (спин-аутов)	70	43	70	82

Ответы	Должность			
	До-цент	Профессор	Заведующий кафедрой	Декан
Выполнение дипломных работ в форме стартапов	67	45	68	78
Предоставление грантов учреждениям для инновационного использования образовательных технологий	65	70	80	89
Ориентация на экспорт образования	65	79	89	100
Предоставление грантов учреждениям для обучения студентов, преподавателей и сотрудников эффективному использованию образовательных технологий	63	68	78	87
Увеличить стипендию студентам, магистрантам, аспирантам, докторантам	56	67	73	85
Больше самостоятельности вузам. Вузы сами назначают ректоров	54	65	79	87
Высшее образование должно быть не массовым, а элитарным	29	88	85	83
Расширение дистанционного образования	12	8	20	21
Другое	5	6	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Мы видим, что пожелания респондентов очень разнообразны: от квартиры до личного кабинета каждому преподавателю. Больше всего пожеланий связаны с увеличением финансирования. Респонденты указали, что хотели бы получать заработную плату в пределах:

- доценты от 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб;
- профессора от 70 тыс. руб. до 150 тыс. руб.
- заведующие и деканы указали примерно один и тот же диапазон цифр от 120 до 180 тыс. руб.

В рамках исследования прове-

дена серия глубинных интервью с преподавателями, n=10.

Далее мы приводим некоторые выдержки из интервью.

Декан, 50 лет

«Университет должен одновременно реализовать три миссии: образовательную, научно-исследовательскую, инновационную. На многих кафедрах низкая публикационная активность. Пишут статьи и пособия в основном та часть преподавателей, которая планирует получить звание доцента или профессора, или готовится к защите диссертации или избра-

нию (переизбранию). В итоге после получения звания доцента или профессора резко падает публикационная активность. Нагрузка большая, требования все время растут, посещение общежитий чаще всего только на бумаге, реальная воспитательная работа многими преподавателями не ведется и это только часть проблем. На оснащение материально-техническое и ресурсное обеспечение денег выделяют недостаточно».

Заведующий кафедрой, 66 лет

«Меня как заведующего кафедрой беспокоит старение кадров. Самый молодой доцент на кафедре в возрасте 48 лет. Кроме того, все время не хватает средств для повышения заработной платы вспомогательному персоналу. Например, у меня на кафедре частая смена лаборантов (методистов). Заработная плата у них маленькая, приходится брать студентов старших курсов, пока они учатся, они заинтересованы в лояльности преподавателей, плюс можно писать контрольные, распечатывать любое количество документов (курсовых и ВКР и т. д.), личное пространство (свой кабинет), так как преподаватели не так часто находятся на кафедре, особенно после 14:00. Необходимо повысить зарплаты лаборантам, старшим преподавателям, доцентам, профессорам».

Профессор, 75 лет

«Вузы должны стать инструментом экономического роста.

Возникает вопрос, как? Учебная нагрузка преподавателей огромная, работаем на износ. Когда готовиться к занятиям, когда успевать писать научные статьи, я не говорю уже о написании монографии. Мне рассказывали, что с 1929 по 1932 гг. совместительство по трем должностям и больше запрецалось. В настоящее время, чтобы получать более менее сносную заработную плату, многие вынуждены подрабатывать в нескольких вузах и читать лекции сразу по 15 дисциплинам. А это уже профанация».

Доцент, 38 года

«У преподавателя есть так называемая вторая половина дня, в рамках которой преподаватель должен заниматься учебно-методической, организационно-методической, воспитательной работой, а еще успевать проходить повышение квалификации, стажировки и т. д. Все что угодно можно назвать «воспитательной работой» и заставить преподавателя бесплатно работать. Много раз уже думал куда бы уйти. После появления Covid-19 в стране увеличилась в разы нагрузка, приходится с утра до вечера общаться со студентами в Zoom и по электронной почте. Хочу найти работу, где понятные обязанности, график работы и стабильная высокая зарплата».

Мы видим из типичных высказываний респондентов, независимо от их должностей и научных зва-

ний, что тревогу и озабоченность у всех вызывает большая загруженность, маленькая заработная плата и непонятные перспективы.

Заключение

Проведенное нами исследование демонстрирует, что проблемы в сфере высшего образования у преподавателей во всех вузах ЦФО, независимо от субъекта федерации, в котором они расположены, одинаковые, кроме, безусловно, вузов г. Москвы. Респонденты из московских вузов настроены более оптимистично, более комфортно себя ощущают, более мобильны и уверены в своем будущем.

Для повышения эффективности функционирования высшего образования в России необходимо:

- увеличить роль студента в формировании своей индивидуальной образовательной программы, то есть образование должно стать адаптивным;
- изменить роль преподавателей. Преподаватели – должны являться прежде всего наставниками/менторами/фасилитаторами сообществ;
- образовательные программы, траектории обучения должны быстро адаптироваться к постоянно меняющейся реальности;
- формировать у студентов критическое мышление, способность эффективно взаимодействовать в команде и цифровые навыки;
- параллельно освоению основной образовательной программы

давать студентам знания, навыки и умения в рамках дополнительного образования за счет бюджетов вуза;

- существенно повысить заработную плату, причем оклады преподавателей должны быть не меньше 30 тыс. руб, старших преподавателей не меньше 40 тыс. руб., оклады доцентов 50 тыс. руб, профессоров 70 тыс. руб.;

- предоставлять жилье преподавателям сначала как служебное, после 10 лет работы передавать в собственность;

- увеличить стипендию студентам, магистрантам, аспирантам, докторантам. Докторант должен получать оклад доцента, аспирант получать стипендию в размере оклада преподавателя;

- повысить заработную плату до 25 или 30 тыс. руб. лаборантам на кафедрах и деканатах;

- сократить нагрузку на преподавателя. Создать условия для научной и методической работы. Если нет возможности для отдельного кабинета, то хотя бы обеспечить компьютером и интернетом за счет вуза;

- убрать из критериев оценивания эффективности вузов – количество иностранных студентов и количество заработанных средств. Задача вуза заключается в подготовке квалифицированных кадров;

- отменить привязку количества преподавателей к количеству студентов. Слабых студентов можно и нужно отчислять за академическую неуспеваемость.

Библиографический список

1. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 4. С. 144-154.
2. Ваниева Э. А. Диджитализация образовательных технологий высшего учебного заведения как средство достижения конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг // Kant. 2021. № 1 (38). С. 10-14.
3. Донецкая С. С. Высшее образование в Китае: особенности системы управления в ведущих вузах страны / С. С. Донецкая, В. Бин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 1. С. 150-167.
4. Коряковцева О. А. «Плюсы и минусы» использования балльно-рейтинговой системы оценивания в вузах: результаты эмпирического исследования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 2. С. 55-65.
5. Кумаре И. Кадровый потенциал как объект маркетингового управления и фактор развития конкурентного преимущества вуза / И. Кумаре, О. С. Пескова, Т. Б. Борискина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2019. № 1 (235). С. 147-152.
6. МГУ – в топ-20 лучших вузов мира по образованию рейтинга THE // Ректор ВУЗа. 2021. № 11. С. 74-75.
7. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.01.2022) от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 24.12.2021).
8. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России). Распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р.
9. Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. Москва, 2021. 550 с.
10. Таланов С. Л. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / С. Л. Таланов, Ф. Ю. Кушнарев, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
11. Указ Президента РФ «Об Управлении Президента Российской Федерации по научно-образовательной политике» от 25.06.2012 N 882 (ред. от 15.03.2021).
12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ.
13. Чучулина Е. В. Разработка модели формирования человеческого капитала в условиях интеграции высшего образования России в мировое образовательное пространство / Е. В. Чучулина, А. А. Базеян // Финансовая экономика. 2019. №4. С. 236-241.
14. Юнь П. Сотрудничество России и Казахстана в области высшего образования в контексте единого (общего) образовательного пространства // Образование и право. 2020. № 4. С. 286-290.
15. Asquer A., and Alzahrani A. Public services reforms in neo-patrimonial systems: The commercialization of healthcare and education in Saudi Arabia // Public management review. 2020. 22 (2): 2020. P. 255-277.

16. Barley W. C., J. W. Treem, and T. Kuhn. Valuing Multiple Trajectories of Knowledge: A critical review and agenda for knowledge management research // Academy of management annals. 2018. 12 (1): 278-317.
17. Borden C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in higher education, 2014. 55(2), p. 196-217.
18. Bruckmann S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary education and management. 2014. 20(3), p. 193-206.
19. Delaney J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // Research in higher education, 2014. 55(5), p. 433-466.
20. Feiz D., M. Dehghani Soltani, and H. Farsizadeh. The effect of knowledge sharing on the psychological empowerment in higher education mediated by organizational memory // Studies in higher education. 2019. 44 (1): 3-19.
21. Freeman B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // Journal of higher education policy and management, 2014. 36(1), p. 74-87.
22. Hillman N., Tandberg, D. and J. Gross. Market-based higher education: does Colorado's voucher model improve higher education access and efficiency? // Research in higher education, 2014. 55(6), p. 601-625.
23. Iqbal A., F. Latif, F. Marimon, U. F. Sahibzada, and S. Hussain. From knowledge management to organizational performance: Modelling the mediating role of innovation and intellectual capital in higher education // Journal of enterprise information management. 2019. 32 (1): 36-59.
24. Kelderman E. We haven't begun to feel the real economic damage. The chronicle of higher education. 2020. URL: <https://www.chronicle.com/article/we-havent-begun-to-feel-the-real-economic-damage>. (Дата обращения: 15.04.2022).
25. Kianto A., M. Shujahat, S. Hussain, F. Nawaz, and M. Ali. The impact of knowledge management on knowledge worker productivity // Baltic journal of management. 2019. 14 (2): 178-197.
26. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy reviews in higher education. 2022. Volume 6, Issue 1. P. 6-26.
27. Lederman D. Learning during the pandemic. Inside higher education. 2020. URL: <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2020/04/15/unequal-access-learning-fall-without-students-and-another-mooc>. (Дата обращения: 15.04.2022).
28. Natow R. S. Research use and politics in the federal higher education rulemaking process. Educational policy. 2020.
29. Natow R. S., Reddy V., & Grant M. Technology use in developmental education: Experiences, challenges, and rationales // Community college journal of research and practice, 2020. 44(10-12), p. 738-756.
30. Sahibzada U. F., J. Cai F. Latif, and Z. Shafait. Development and validation of a multidimensional instrument for measuring internal marketing in chinese higher education // Journal of enterprise information management. 2019. 32 (3): 413-435.

31. Sahibzada U. F., J. Cai, K. F. Latif, and H. F. Sahibzada. Knowledge management processes, knowledge worker satisfaction, and organizational performance // *Aslib journal of enterprise information management*. 2020. 72 (1): 112-129.

32. Umar Farooq Sahibzada, Cai Jianfeng, Khawaja Fawad Latif, Zahid Shafaita, Hassam Farooq Sahibzada. Interpreting the impact of knowledge management processes on organizational performance in chinese higher education: mediating role of knowledge worker productivity // *Studies in higher education*. 2022. Volume 47, Issue 4. P. 713-730.

Reference list

1. Bugajchuk T. V. Stanovlenie grazhdanskoj indentichnosti rossijskoj molodezhi kak politicheskij fenomen = The formation of civil identity of russian youth as a political phenomenon // *Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2021. T. 12, № 4. S. 144-154.

2. Vanieva Je. A. Didzhitalizacija obrazovatel'nyh tehnologij vysshego uchebnogo zavedeniya kak sredstvo dostizheniya konkurentnogo preimushhestva na rynke obrazovatel'nyh uslug = Digitalization of educational technologies of a higher educational institution as a means of achieving a competitive advantage in the educational services market // *Kant*. 2021. № 1 (38). S. 10-14.

3. Doneckaja S. S. Vysshee obrazovanie v Kitae: osobennosti sistemy upravleniya v vedushhih vuzah strany = Higher education in China: features of the management system in the leading universities of the country / S. S. Doneckaja, V. Bin // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologija*. 2022. T. 22, № 1. S. 150-167.

4. Korjakovceva O. A. «Pljusy i minusy» ispol'zovaniya ball'no-rejtingovoj sistemy ocenivaniya v vuzah: rezul'taty jempiricheskogo issledovaniya = “Pros and cons” of using the score-rating system of assessment in universities: results of empirical research // *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2021. № 2. S. 55-65.

5. Kumare I. Kadrovyy potencial kak ob#ekt marketingovogo upravleniya i faktor razvitiya konkurentnogo preimushhestva vuza = Personnel potential as an object of marketing management and a factor in the development of the competitive advantage of the university / I. Kumare, O. S. Peskova, T. B. Boriskina // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jekonomika*. 2019. № 1 (235). S. 147-152.

6. MGU – v top-20 luchshih vuzov mira po obrazovaniju rejtinga THE = Moscow State University – in the top 20 best universities in the world by education rating THE // *Rektor VUZa*. 2021. № 11. S. 74-75.

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.01.2022) ot 26.12.2017 N 1642 (red. ot 24.12.2021) = Decree of the Government of the Russian Federation “On approval of the state program of the Russian Federation” Development of Education” (as amended and additional, came into effect 06.01.2022) from 26.12.2017 N 1642 (ed. From 24.12.2021).

8. «Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» (razrabotan Minjekonomrazvitiya Rossii). Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 06.10.2021 N 2816-r. = “Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030” (developed

by the Ministry of Economic Development of Russia). By order of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2021 N 2816-r.

9. Rossiya v cifrah. Kratkij statisticheskij sbornik = Russia in numbers. Brief statistical compendium. Rosstat. Moskva, 2021. 550 s.

10. Talanov S. L. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = Impact of COVID-19 on the higher education system / S. L. Talanov, F. Ju. Kushnarev, D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2020. № 10. S. 12-22.

11. Ukaz Prezidenta RF «Ob Upravlenii Prezidenta Rossijskoj Federacii po nauchno-obrazovatel'noj politike» ot 25.06.2012 N 882 (red. ot 15.03.2021) = Decree of the President of the Russian Federation “On the Office of the President of the Russian Federation for scientific and educational policy” of 25.06.2012 N 882 (ed. 15.03.2021).

12. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 N 273-FZ = Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012 N 273-FZ.

13. Chuchulina E. V. Razrabotka modeli formirovanija chelovecheskogo kapitala v uslovijah integracii vysshego obrazovanija Rossii v mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo = Development of a model for the formation of human capital in the context of the integration of higher education in Russia into the world educational space / E. V. Chuchulina, A. A. Bazejan // Finansovaja jekonomika. 2019. №4. S. 236-241.

14. Jun' P. Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v oblasti vysshego obrazovanija v kontekste edinogo (obshhego) obrazovatel'nogo prostranstva = Cooperation between Russia and Kazakhstan in the field of higher education in the context of a single (common) educational space // Obrazovanie i pravo. 2020. № 4. S. 286-290/

15. Asquer A., and Alzahrani A. Public services reforms in neo-patrimonial systems: The commercialization of healthcare and education in Saudi Arabia // Public management review. 2020. 22 (2): 2020. P. 255-277.

16. Barley W. C., J. W. Treem, and T. Kuhn. Valuing Multiple Trajectories of Knowledge: A critical review and agenda for knowledge management research // Academy of management annals. 2018. 12 (1): 278-317.

17. Borden C., Shaker G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in higher education, 2014. 55(2), p. 196-217.

18. Bruckmann S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary education and management. 2014. 20(3), p. 193-206.

19. Delaney J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // Research in higher education, 2014. 55(5), p. 433-466.

20. Feiz D., M. Dehghani Soltani, and H. Farsizadeh. The effect of knowledge sharing on the psychological empowerment in higher education mediated by organizational memory // Studies in higher education. 2019. 44 (1): 3-19.

21. Freeman B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // Journal of higher education policy and management, 2014. 36(1), p. 74-87.

22. Hillman N., Tandberg D. and J. Gross. Market-based higher education: does Colorado's voucher model improve higher education access and efficiency? // Research in higher education, 2014. 55(6), p. 601-625.

23. Iqbal A., F. Latif F., Marimon, U. F. Sahibzada, and S. Hussain. From knowledge management to organizational performance: Modelling the mediating role of innovation and intellectual capital in higher education // *Journal of enterprise information management*. 2019. 32 (1): 36-59.
24. Kelderman E. We haven't begun to feel the real economic damage. The chronicle of higher education. 2020. URL: <https://www.chronicle.com/article/we-havent-begun-to-feel-the-real-economic-damage>. (Data obrashheniya: 15.04.2022).
25. Kianto A., Shujahat M., Hussain S., Nawaz F., and M. Ali. The impact of knowledge management on knowledge worker productivity // *Baltic journal of management*. 2019. 14 (2): 178-197.
26. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // *Policy reviews in higher education*. 2022. Volume 6, Issue 1. P. 6-26.
27. Lederman D. Learning during the pandemic. Inside higher education. 2020. URL: <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2020/04/15/unequal-access-learning-fall-without-students-and-another-mooc>. (Data obrashheniya: 15.04.2022).
28. Natow R. S. Research use and politics in the federal higher education rulemaking process. *Educational policy*. 2020.
29. Natow R. S., Reddy V., & Grant, M. Technology use in developmental education: Experiences, challenges, and rationales // *Community college journal of research and practice*, 2020. 44(10-12), p. 738-756.
30. Sahibzada U. F., J. Cai, F. Latif, and Z. Shafait. Development and validation of a multidimensional instrument for measuring internal marketing in chinese higher education // *Journal of enterprise information management*. 2019. 32 (3): 413-435.
31. Sahibzada U. F., J. Cai, K. F. Latif, and H. F. Sahibzada. Knowledge management processes, knowledge worker satisfaction, and organizational performance // *Aslib journal of enterprise information management*. 2020. 72 (1): 112-129.
32. Umar Farooq Sahibzada, Cai Jianfeng, Khawaja Fawad Latif, Zahid Shafaita, Hassam Farooq Sahibzada. Interpreting the impact of knowledge management processes on organizational performance in chinese higher education: mediating role of knowledge worker productivity // *Studies in higher education*. 2022. Volume 47, Issue 4. P. 713-730.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.
The article was submitted on 18.03.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья

УДК 323.21

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-59-75

EDN: WSYEDW

**Проблема институциональной эффективности системы
патриотического воспитания в регионах
Сибирского федерального округа**

Татьяна Анатольевна Асеева

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

tatulyasolar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

Аннотация. В статье предпринята попытка оценки некоторых аспектов системы патриотического воспитания молодежи двух регионов Сибирского федерального округа (СФО) – Красноярского края (КК) и Иркутской области (ИО). Целью работы является сопоставление количественных результатов патриотической работы регионов с представлениями школьников старших классов об организации данной деятельности. В связи с этим анализируется характер патриотических организаций и институтов, осуществляющих патриотическое воспитание молодежи. Выявляются ключевые мероприятия патриотической направленности. Сопоставляются финансовые ресурсы, обеспечивающие реализацию патриотических программ и проектов. Осуществляется сравнительный анализ численности участников патриотических организаций, их вовлеченность в интернет-коммуникации посредством социальных сетей.

Результаты анализа показывают, что система патриотического воспитания изучаемых регионов находится в неравнозначных финансовых условиях. Вместе с этим количество мероприятий патриотической направленности достаточно велико и соответствует задачам федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Однако, несмотря на усилия, прилагаемые субъектами патриотического воспитания, школьники показывают слабую информированность и включенность в реализацию патриотических проектов. Отдавая предпочтение классическим агентам патриотического воспитания, школьники все же считают, что патриотизм должен формироваться без лишнего давления со стороны институционализированных субъектов. В качестве желаемого способа воздействия предпочитают просмотр игрового

© Асеева Т. А., 2022

кино и чтение патриотической литературы, хотя больше всего имеют опыт посещения музеев разного уровня. Для повышения эффективности системы патриотического воспитания и увеличения патриотических настроений среди молодежи следует вносить инновации в патриотическую работу с учетом ценностей и ожиданий молодого поколения.

Ключевые слова: молодежь; школьники; патриот; патриотизм; патриотическое воспитание; региональный политический процесс; Сибирский федеральный округ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00346

Для цитирования: Асеева Т. А. Проблема институциональной эффективности системы патриотического воспитания в регионах Сибирского федерального округа // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 59-75. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-59-75>. <https://elibrary.ru/wsyledw>.

Original article

The issue of institutional effectiveness of the system of patriotic education in the regions of Siberian federal district

Tatiana A. Aseeva

Candidate of political sciences, associate professor, department of philosophy and political science, Altai state university, Barnaul

tatulyasolar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

Abstract. The article attempts to assess some aspects of the system of patriotic education of young people in two regions of the Siberian federal district (SFD) – Krasnoyarsk krai (KK) and Irkutsk oblast (IO). The aim of the paper is to compare the quantitative results of the patriotic education work in the regions with the ideas of high-school children about the way such work should be organized. Thus, the nature of patriotic organizations and institutions engaged in patriotic education of young people is analyzed. The key patriotic activities are identified. The financing of patriotic programs and projects is compared. A comparative analysis of the number of participants of patriotic organizations, their involvement in Internet communications, through social networks is carried out.

The results of the analysis show that the systems of patriotic education in the studied regions have different funding. At the same time, the number of patriotic education events is quite large and meet objectives of the “Patriotic education of citizens of the Russian Federation” federal project. However, despite the efforts made by the subjects of patriotic education, schoolchildren show poor awareness and involvement in patriotic events. Giving preference to the classical agents of patriotic education, schoolchildren still believe that

patriotism should be developed without pressure from institutionalized subjects. They opt for watching feature films and reading patriotic literature as desired impact, while their experience is mostly limited by visiting museums of different levels. Innovations providing for values and expectations of the younger generation should be introduced to increase the effectiveness of the system of patriotic education and boost patriotic feelings among young people.

Keywords: the youth; school students; patriot; patriotism; patriotic education; regional political process, Siberian Federal District

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 20-011-00346

For citation: Aseeva T. A. The issue of institutional effectiveness of the system of patriotic education in the regions of Siberian federal district. *Social and political researches*. 2022;2(15):59-75. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-59-75>. <https://elibrary.ru/wsyedw>.

Введение

С начала 2006 года в нашей стране реализованы три государственные программы патриотического воспитания, что должно было способствовать формированию целостной системы, повышающей уровень патриотических настроений граждан. Был взят курс на совершенствование методов работы и увеличение включенности, особенно детей и молодежи, в деятельность патриотических организаций [Государственная программа ... , 2015; Федеральный проект ... , 2021].

На протяжении всего времени реализации программ и проектов патриотической направленности перед исследователями, в основном политологами, социологами и педагогами встает вопрос анализа эффективности методов патриотического воспитания.

В процессе оценки эффективности реализации программ патриотического воспитания, наряду с количественными (количество проводимых мероприятий, процент участия граждан, масштаб мероприятий, объем финансирования и т. д.) и качественными (уровень организационно-методического обеспечения, отношение участников мероприятия к результатам работы и т. д.) показателями, важное значение имеет анализ настроений, отношений и представлений участников проектов, выявить которые возможно только с использованием опросного метода [Лутовинов, 2006; Литвинов, 2018].

Исследователи подчеркивают, что при увеличивающемся количестве форм работы с молодежью, актуализируется потребность в модельном аппарате входной и итоговой диагностики настроений и ожиданий молодежи, участвующей

в патриотических мероприятиях [Ефанова, 2018]. С одной стороны, стоит согласиться с вышеуказанными авторами, которые подчеркивают необходимость оперативной обратной связи с участниками, а с другой стороны, следует отметить важность повторных исследований по истечению времени, так как респонденты, уже не находясь под влиянием эмоций, могут дать более объективные ответы.

Государственные программы патриотического воспитания предполагают некоторую систему оценок и показателей, по которым оценивается реализация проектов. В современной научной литературе также предпринимаются попытки анализа как эффективности реализации отдельных аспектов патриотического воспитания, так и представлений о патриотизме молодежи отдельных регионов РФ [Патриотическое воспитание молодежи ... , 2019].

Исследователи констатируют более низкий уровень патриотических настроений среди молодежи в отличие от старшего поколения, говорят о кризисе патриотического воспитания и ведущей роли молодежи в преодолении данного кризиса [Флорья, 2018], о психологических аспектах патриотичности у старших школьников [Шурухина, 2015].

В зарубежной литературе вопрос анализа современного состояния и перспектив патриотического воспитания также не обходится без внимания исследователей. Авторы говорят о новых потребностях, возникающих

в системе патриотического воспитания, обусловленных развитием современного общества [Curtin, 2018; Zhang, 2021; Gu, 2021]. Зарубежные авторы активно изучают деятельность субъектов патриотического воспитания [Laruelle, 2015] и динамику патриотизма в связи с трансформацией территориальных границ в России [Goode, 2018].

Анализ патриотических настроений молодежи, региональных особенностей реализации системы патриотического воспитания, а также указание на то, что молодежь в настоящее время должна стать равноправным субъектом формирования патриотических установок социума представлен в работах С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова [Ивченков, 2019].

Группы российских исследователей проводят сравнительный анализ патриотической самоидентификации сибирской молодежи и показывают специфику молодого поколения, а также и важную роль образовательных учреждений в сохранении системы идентичностей [Иванова, 2017; Иванова, 2019; Фонталова, 2019; Карнышева, 2020]. Исследователи дают характеристику деятельности различных институтов патриотического воспитания [Вальянова, 2019] и анализируют эффективность реализации проектов патриотических организаций СФО [Асеев, 2021].

Принимая во внимание актуализированные исследователями проблемы анализа реализации патрио-

тического воспитания в регионах Российской Федерации, следует проанализировать деятельность ключевых институтов, участвующих в реализации целей и задач патриотического воспитания в Красноярском крае и Иркутской области, а также соотнести результаты их деятельности с данными массового опроса школьников старших классов, как одних – потребителей услуг, оказываемых патриотическими организациями. Данный анализ позволит выявить проблемы эффективности системы патриотического воспитания.

В статье анализируется эмпирический материал массового опроса молодежи, проведенного исследовательским коллективом Алтайского государственного университета в регионах Сибирского федерального округа, в том числе Красноярском крае и Иркутской области. Объем выборки составил 2 050 учащихся 8-11 классов; выборка квотная с контролем признаков пола, возраста, типа населенного пункта и региона проживания. Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS.

**Характеристика
функционирования системы
патриотического воспитания
в Красноярском крае
и Иркутской области**

В связи с тем, что государство обозначает патриотическое воспитание граждан одной из приоритетных задач, в регионах предприни-

маются меры по обеспечению данного направления деятельности и закреплению системного подхода в работе по патриотическому воспитанию молодежи.

Так, в принятом в 2021 г. законе Красноярского края «О патриотическом воспитании» (статья 19) содержится перечень тематических мероприятий среди детей и молодежи в сфере патриотического воспитания, проводимых на территории области, которые можно объединить в следующие блоки:

- международные фестивали игрового, документального и анимационного кино;
- краевые фестивали: исполнителей народной песни; фольклорных ансамблей; команд семейных талантов; умельцев в области народных художественных ремесел, декоративно-прикладного и любительского изобразительного искусства; школьных музеев и клубов патриотической направленности;
- краевые олимпиады среди творческих коллективов и отдельных исполнителей любительского народного творчества;
- краевые конкурсы социальных инициатив, исследовательских краеведческих работ;
- региональные этапы всероссийских военно-спортивных игр и др. [Закон Красноярского края ... , 2021].

В Иркутской области региональный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ» является подпрограммой государственной програм-

мы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019-2024 годы. В проекте более детально были описаны планируемые мероприятия на 2021 год, но их также можно сгруппировать в следующие направления:

- оборонно-массовая и военно-патриотическая работа;
- оказание содействия региональному отделению Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы», поисковым отрядам, региональной системе патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи;
- оказание содействия молодежи для участия в межрегиональных и всероссийских соревнованиях, форумах, семинарах, конференциях и иных мероприятиях патриотической направленности;
- проведение областных военно-спортивных игр;
- проведение областного слета организаций, занимающихся военно-патриотическим и гражданско-патриотическим воспитанием молодежи;
- проведение митингов, посвященных дням воинской славы и т. д. [Региональный проект, 2021].

Следует отметить, что регионы находятся в различной экономической ситуации и объем финансирования системы патриотического воспитания значительно отличается. Так, в Иркутской области для реализации программы патриотического воспитания в 2021–2024 г. заложено финансирование в объеме 80 107,90 тыс. руб., в то время как

реализованная программа «Патриотическое воспитание граждан в Красноярском крае на 2017–2020 годы» уже имела бюджет в 29 7313,6 тыс. рублей, что существенно превосходит показатели в сопоставимых по численности населения регионах СФО [Региональная программа ... , 2016].

Координация деятельности в области патриотического воспитания в муниципальных образованиях региона возложена на «Агентство молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края». Весь спектр мероприятий и их участников представлен на региональном информационном портале Красноярского края «Мы гордимся», на котором освещаются мероприятия и проекты патриотической направленности, деятельность патриотических объединений и меры поддержки деятельности в сфере патриотического воспитания. Свою роль в повышении эффективности их работы вносит и созданная в крае «Ассоциация военно-патриотических клубов». В реестр субъектов патриотического воспитания включены 115 патриотических объединений, большинство из которых составляют местные отделения и отряды «Юнармии», дополняемые военно-патриотическими и военно-спортивными клубами на базе образовательных организаций или функционирующих в автономном режиме.

В Иркутской области координацию системы патриотического воспитания осуществляет областное

Министерство по молодежной политике. Информационная координация обеспечивается на региональном портале информационно-методической и образовательной поддержки патриотического воспитания в Иркутской области «Патриотическое воспитание Иркутской области». На страницах данного ресурса содержится актуальная информация об организациях и проводимых мероприятиях, а также методическая и нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию системы.

Немаловажную роль в привлечении молодежи играет и наличие у патриотических объединений современной материально-технической базы. В 2020 году Губернатором Красноярского края принято решение о создании на территории региона круглогодичного учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард», на базе которого будут проходить подготовку по основам военной службы с летними военно-патриотическими сменами «Юнармии» и патриотических клубов. Значимую деятельность в крае по военно-патриотическому воспитанию молодежи и подготовке к службе в Вооруженных Силах РФ ведет молодежная оборонно-спортивная техническая региональная общественная организация «Патриот» (с 1996 по 2003 гг. назывался «Военно-спортивный технический клуб «Патриот»).

По данным на начало сентября 2021 года в «Юнармии» Красноярского края состоят 16 949 юношей и девушек, сформированы 594 юнармейских отрядов, создано 61 местное отделение. В Иркутской же области по данным на 20 августа 2021 года 13 416 юношей и девушек являются членами всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия», которое насчитывает 42 местных отделения в регионе. Однако обращают на себя внимание страницы региональных отделений «Юнармия» в социальной сети «ВКонтакте». При незначительном разрыве членства в юноармейском движении в этих двух регионах на страницу в Красноярском крае подписаны 3 619 человек, а в Иркутской области всего 366 человек.

В рассматриваемых регионах среди военно-патриотических клубов и центров успешно работают организации, получающие поддержку ветеранов силовых ведомств, в том числе ВПЦ «Вымпел»: ВПЦ «Вымпел-Байкал» (г. Иркутск), ВПК «Вымпел» им. А. П. Гриболева» (г. Красноярск), ВПК «Вымпел-Северный» (г. Красноярск), ВПЦ «Вымпел» (Красноярский край Богучанский район, с. Богучаны).

В структуру патриотических организаций Иркутской области входят и НКО, связанные с казачеством, которое исторически значимо в данном регионе. Можно выделить казачий подростковый Центр традици-

онного военно-патриотического воспитания «Дружина Ермака», центр традиционного военно-патриотического воспитания «Илимское воеводство» и ВПК «Острог», Иркутская региональная детско-юношеская патриотическая общественная организация «Древо» и ее центр «Ладья» (г. Братск).

О роли финансирования патриотических объединений говорит и тот факт, что несмотря на существование зарегистрированных некоммерческих фондов, ориентированных на поддержку патриотических инициатив («Фонд духовно-нравственного и патриотического воспитания имени В. Г. Распутина», «Патриот Прибайкалья», «Держава», «Фонд поддержки духовно-патриотических сил Отечества»), их активность носит ограниченный характер и не отмечается в информационной среде регионов.

В рамках военно-патриотического направления в каждом регионе ведется активная деятельность: проводятся военно-патриотические акции, фестивали и конкурсы; выставки, онлайн-квизы, онлайн-тестирования; вахты памяти; молодежь принимает участие во всероссийских военно-спортивных играх и форумах и т. д. В условиях ковидных ограничений большее количество мероприятий проводилось преимущественно в онлайн-формате.

Согласно государственным направлениям развития патриотического воспитания волонтерство является одним из ключевых звень-

ев, способствующих формированию межпоколенческих связей и ответственного отношения к обществу и государству. Данное направление также активно развивается в субъектах СФО и их деятельность отражается на Интернет-страницах – Красволонтер РФ, Добро.ру. Страницы волонтерского движения Красноярского края имеет 6 742 подписчика, в Иркутской области – 6 843 подписчика, что говорит о результативности деятельности данного проекта.

Восприятие системы патриотического воспитания школьниками Красноярского края и Иркутской области

Система патриотического воспитания двух субъектов СФО организована в соответствии с федеральными программами и проектами, имеет разветвленную структуру организаций, обеспечивающих реализацию целей и задач патриотического воспитания. Но, кроме количественных показателей, которые составляют систему оценки эффективности данной деятельности, как мы уже говорили выше, – следует методом опроса в изучаемых регионах оценить отношение старших школьников к патриотическому воспитанию. Так, 63,3 % респондентов Красноярского края и 45,3 % – Иркутской области отметили, что патриотизм – это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям – человек сам определяет, что патриотично, а что нет. 14,7 % респондентов Краснояр-

ского края и 33,2 % – Иркутской области посчитали, что патриотизм надо воспитывать с детства: в семье, в школе; его необходимо пропагандировать на телевидении, в кино, в литературе. 21,1 % и 19,4 % соответственно – затруднились определить основных субъектов формирования патриотизма.

При этом, рассуждая о способах формирования патриотизма у молодежи, респонденты Иркутской области продемонстрировали приверженность системе патриотического воспитания. Респонденты же Красноярского края акцентировали внимание на необходимости создания условий для саморазвития (см. табл. 1).

Таблица 1.

Способы формирования патриотических ценностей среди молодежи по мнению школьников*, % по столбцу

Что, на Ваш взгляд, необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи?	Красноярский край	Иркутская область
Улучшение условий жизни населения, создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья	50,2	48,3
Патриотическое воспитание в школе, институте, в семье	46,2	67,7
Поднятие престижа страны в мире	34,7	28,0
Создание патриотических кружков, организаций, клубов, проведение зарниц, военно-патриотических игр	18,7	38,4
Больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен	19,1	31,5
Повысить авторитет армии	16,7	25,9
Организация досуга молодежи	14,7	19,0
Патриотические и историко-культурные центры и музеи	9,6	14,2
Больше тем патриотической направленности в СМИ	7,6	17,2
Финансирование мероприятий патриотической направленности, людей, занятых в них	8,8	9,1
Другое	0,8	0,4
Патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании	15,5	3,9
Затрудняюсь ответить	11,6	9,9

**В таблице представлены результаты ответов на закрытый вопрос с множественным выбором, то есть респондентам была представлена возможность указывать несколько вариантов ответов.*

В связи с этим сумма значений по столбцу превышает 100 %

В некотором противоречии с мнением школьниками механизмов патриотического воспитания нахо-

дится их представление о его субъектах. Однако, если сопоставить его со списком референтных для моло-

дежи лидеров мнений, то данные ответы можно интерпретировать как констатирующие сложившуюся ситуацию, то есть большинство школьников называли тех агентов, которые сейчас осуществляют патриотическое воспитание, а не тех,

кого они желали бы видеть в качестве таковых. Их список включает традиционных агентов социализации: семью, учреждения образования, государство, патриотические организации, армию и СМИ (см. табл. 2).

Таблица 2.

Субъекты патриотического воспитания по мнению школьников*, % по столбцу

Кто, на Ваш взгляд, должен заниматься патриотическим воспитанием?	Красноярский край	Иркутская область
Семья	51,8	56,9
Школа, вуз	39,0	46,1
Государство	35,5	52,6
Патриотические организации	23,5	37,1
Армия	16,3	49,1
СМИ	16,3	14,2
Партии, общественные организации	10,4	16,4
Церковь, религиозные организации	5,2	10,3
Другое	0,0	0,0
Никто	14,3	3,9
Нет ответа	2,4	2,6

**В таблице представлены результаты ответов на закрытый вопрос с множественным выбором, то есть респондентам была представлена возможность указывать несколько вариантов ответов. В связи с этим сумма значений по столбцу превышает 100 %*

В качестве наиболее эффективного направления патриотического воспитания школьники двух регионов назвали создание фильмов и литературы патриотической

направленности. При этом в целом уровень одобрения всех остальных методов также превысил 50 % (см. табл. 3).

Таблица 3.
Распределение ответов на вопрос: «Оцените степень эффективности следующих направлений формирования патриотизма?», % по столбцу

	Красноярский край	Иркутская область
Деятельность историко-культурных, патриотических клубов и центров		
Эффективно	61,4	66,8
Не эффективно	25,9	19,8
Выставки патриотической направленности		
Эффективно	57,8	67,7
Не эффективно	29,5	21,6
Военно-патриотические вахты и игры		
Эффективно	56,6	70,2
Не эффективно	28,7	17,7
Литература, фильмы патриотической направленности		
Эффективно	70,6	77,6
Не эффективно	19,2	11,2
Фестивали, конкурсы патриотической направленности		
Эффективно	62,5	71,9
Не эффективно	25,5	17,7

Представляет интерес тот факт, что меньше половины школьников Красноярского края (37,1 %) и чуть более половины школьников Иркутской области (56,9 %) имеют хоть какое-то представление о программах патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Так, 6,8 % (КК) и 21,1 % (ИО) ответили, что хорошо знают о программах патриотического воспитания. 30,3 % (КК) и 35 % (ИО) – что-то об этом слышали. 42,2 % (КК) и

23,3 % (ИО) ответили, что впервые слышат об этом. А 20,7 % (КК), 19,8 % (ИО) вообще затруднились ответить на вопрос «Слышали (знаете) ли Вы что-либо о программах патриотического воспитания граждан РФ?»

В связи с низкой информированностью школьников следует также уточнить наличие опыта участия респондентов в мероприятиях патриотической направленности (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях патриотической направленности Вы принимали участие за последние два года»*, % по столбцу

В каких мероприятиях патриотической направленности Вы принимали участие за последние два года?	Красно- ярский край	Иркут- ская об- ласть
Посещал историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений	42,6	49,1
Принимал участие в военно-спортивных играх	13,9	34,5
Посещал выставки патриотической направленности	11,2	24,6
Участвовал в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике	10,8	17,2
Участвовал в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных	8,8	14,2
Приобретал в течение года книги патриотической направленности	8,0	11,2
Участвовал в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания	2,4	4,7
Ни в каких подобных мероприятиях не участвовал	46,6	36,6

**В таблице представлены результаты ответов на закрытый вопрос с множественным выбором, то есть респондентам была предоставлена возможность указывать несколько вариантов ответов.
В связи с этим сумма значений по столбцу превышает 100 %*

На фоне выявленной опросом низкой степени вовлеченности школьников в систему патриотического воспитания, закономерным выступает их отрицательное отношение к введению обязательного патриотического воспитания в школах и вузах – положительно или скорее положительно эту идею оценили 24,3 % (КК) и 54,8 % (ИО) респондентов, отрицательно или скорее отрицательно – 48,2 % (КК) и 19,8 % (ИО). 27,5 % (КК) и 25,4 % (ИО) ответили, что им это безразлично.

Выводы

Несмотря на разные ресурсные возможности институтов и субъектов патриотического воспитания, регионы СФО показывают высокий уровень интенсивности мероприятий патриотической направленности. В региональной отчетности присутствуют все блоки и направления патриотического воспитания, предусмотренные на федеральном уровне. Но все же следует констатировать, что при оценке эффективности реализации проектов патриотического воспитания показательным является и оценка мероприятий данного направления мо-

лодежью (в нашем случае старших школьников). В результате анализа массового опроса выяснилось, что на фоне слабой информированности, молодежь демонстрирует низкую заинтересованность и слабую включенность в реализацию патриотических проектов, высказывается против принудительного участия в патриотических мероприятиях. Это

может свидетельствовать о недостаточном соответствии методов и форм патриотической работы представлениям молодежи об этом. Следовательно, для повышения качества данной работы следует изучать настроения и интересы молодежи, а также их приоритетные формы коммуникации.

Библиографический список

1. Асеев С. Ю. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа / С. Ю. Асеев, Д. А. Качусов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 97-106.
2. Вальянова О. С. Деятельность школьных музеев Красноярска и их участие в формировании исторической памяти / О. С. Вальянова, А. П. Дворецкая // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 3(37). С. 82-88.
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы», принятая Правительством РФ постановлением № 1493 от 30 декабря 2015 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>. (Дата обращения: 01.11.2021).
4. Ефанова О. А. Подходы к оценке мероприятий в сфере патриотического воспитания / О. А. Ефанова, А. М. Базаркулова // Интерактивная наука. 2018. № 4 (28). С. 57-60.
5. Закон Красноярского края «О патриотическом воспитании» № 11-5188 от 17.06.2021 г. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/77077>. (Дата обращения: 16.10.2021).
6. Иванова Е. А. К вопросу о личностных характеристиках современной молодежи Сибири с гражданско-патриотической позицией // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 19. С. 19-29.
7. Иванова Е. А. Отношение к феномену патриотизма и его уровень представленности в современной молодежи Сибири / Е. А. Иванова, О. А. Карнышева // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN619.pdf>. (Дата обращения: 20.11.2021).
8. Ивченков С. Г. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения / С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова // Вестник института социологии. 2019. Т.10, № 1. С. 104-119.
9. Карнышева А. Д. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму / А. Д. Карнышева., Е. А. Иванова, О. А. Карнышева // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196-214.

10. Литвинов В. А. Об оценке эффективности патриотического и нравственного воспитания // Педагогика и психология образования. 2018. № 4. С. 51-58.
11. Лутовинов В. И. Критерии и основы методов оценки работы по патриотическому воспитанию. Москва : ООО «Армпресс», 2006. 69 с.
12. Патриотическое воспитание молодежи в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию организации поискового движения на Белгородчине / отв. ред. З. З. Мухина, С. В. Канныкин. Старый Оскол : СТИ НИТУ «МИСиС», 2019. 289 с.
13. Региональная программа «Патриотическое воспитание граждан в Красноярском крае на 2017–2020 годы», утвержденная распоряжением Правительства Красноярского края № 1163-р от 23 декабря 2016 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444958332>. (Дата обращения: 27.11.2021).
14. Региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021-2024 гг.). URL: <https://irkobl.ru/region/priority/education/page.php>. (Дата обращения: 21.10.2021).
15. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» на 2021-2024 гг. URL: http://cpvrb.ru/programmy/federalnyj_proekt_patrioticheskoe_vospitanie_grazhdan_rossijskoj_federacii_nacionalnogo_proekta_obrazovanie_na_20212024_gg/. (Дата обращения: 20.11.2021).
16. Флоря В. М. Патриотическое воспитание студенческой молодежи как объект социологического анализа / В. М. Флоря, Д. Н. Безгодов, О. А. Волкова // Вопросы управления. 2018. № 3 (52). С. 105-109.
17. Фонталова Н. С. Особенности патриотического самосознания современной молодежи / Н. С. Фонталова, Г. Э. Турганова, О. Е. Ермоченко // Baikal Research Journal : электронный научный журнал. 2019. Т. 10. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-patrioticheskogo-samosoznaniya-sovremennoy-molodezhi/viewer>. (Дата обращения 27.11.2021).
18. Шурухина Г. А. Психологический анализ проявления патриотичности у старших школьников / Г. А. Шурухина, Л. А. Жданова // Вестник РУДН, серия Педагогика и психология. 2015. № 3. С. 45-50.
19. Curren R., Dorn Ch. Patriotic education in a global age. University of Chicago Press. 2018. URL: <https://www.bibliovault.org/BV/landing.epl?ISBN=9780226552422>. (Дата обращения: 01.11.2021). DOI: 10.7208/chicago/9780226552422.001.0001.
20. Goode J. P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. Russia before and after Crimea: Nationalism and identity, 2010-2017. Ed. by B. Kosto and Helge Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018. P. 258-281.
21. Gu C. The connotation and requirements of patriotism // Learning & Education. 2021. Vol. 9. Issue 4. Pp. 121-123.
22. Laruelle M. Patriotic youth clubs in Russia. Professional niches, cultural capital and narratives of social engagement // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. №1. P. 8-27.

23. Zhang L., Lv P. Research on the path of patriotic education for college students in the new era // Asian Education Studies 2021. №. 6 (2). Pp. 20-23. DOI:10.20849/aes.v6i2.974.

Reference list

1. Aseev S. Ju. Ocenka jeffektivnosti programm patrioticheskogo vospitaniya starshimi shkol'nikami regionov Sibirskogo federal'nogo okruga = Assessment of the effectiveness of patriotic education programs by senior schoolchildren of the regions in the Siberian federal district / S. Ju. Aseev, D. A. Kachusov // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2021. № 1. S. 97-106.

2. Val'janova O. S. Dejatel'nost' shkol'nyh muzeev Krasnojarska i ih uchastie v formirovanii istoricheskoy pamjati = The activities of school museums in Krasnoyarsk and their participation in the formation of historical memory / O. S. Val'janova, A. P. Dvoreckaja // Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2019. № 3(37). S. 82-88.

3. Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody», prinjataja Pravitel'stvom RF postanovleniem № 1493 ot 30 dekabrja 2015 g. = State program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020”, adopted by the Government of the Russian Federation by Resolution No. 1493 December 30, 2015. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>. (Data obrashhenija: 01.11.2021).

4. Efanova O. A. Podhody k ocenke meroprijatij v sfere patrioticheskogo vospitaniya = Approaches to assessing measures in the field of patriotic education / O. A. Efanova, A. M. Bazarkulova // Interaktivnaja nauka. 2018. № 4 (28). S. 57-60.

5. Zakon Krasnojarskogo kraja «O patrioticheskom vospitanii» № 11-5188 ot 17.06.2021 g. = Law of the Krasnoyarsk Territory “On patriotic education” No. 11-5188 of 17.06.2021. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/77077>. (Data obrashhenija: 16.10.2021).

6. Ivanova E. A. K voprosu o lichnostnyh harakteristikah sovremennoj molodezhi Sibiri s grazhdansko-patrioticheskoy poziciej = On the issue of personal characteristics of modern youth of Siberia with a civil-patriotic position // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija. 2017. T. 19. S. 19-29.

7. Ivanova E. A. Otnoshenie k fenomenu patriotizma i ego uroven' predstavlenosti v sovremennoj molodezhi Sibiri = Attitude to the phenomenon of patriotism and its level of representation in modern youth of Siberia / E. A. Ivanova, O. A. Karnysheva // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2019. №6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN619.pdf>. (Data obrashhenija: 20.11.2021).

8. Ivchenkov S. G. Patriotizm kak komponent obshhestvennogo soznaniya: pokolencheskij rakurs izmereniya = Patriotism as a component of public consciousness: a generational dimension view / S. G. Ivchenkov, E. V. Sajganova // Vestnik instituta sociologii. 2019. T.10, № 1. S. 104-119.

9. Karnysheva A. D. Bajkal i psihologicheskie resursy podtalkivaniya k jekologicheskomu patriotizmu = Baikal and psychological resources of pushing for environmental patriotism / A. D. Karnysheva, E. A. Ivanova, O. A. Karnysheva // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2020. № 77. S. 196-214.

10. Litvinov V. A. Ob ocenke jeffektivnosti patrioticheskogo i nravstvennogo vospitaniya = On assessing the effectiveness of patriotic and moral education // Pedagogika i psihologija obrazovaniya. 2018. № 4. S. 51-58.
11. Lutovinov V. I. Kriterii i osnovy metodov ocenki raboty po patrioticheskomu vospitaniju = Criteria and fundamentals of methods for evaluating work on patriotic education. Moskva : OOO «Armpress», 2006. 69 s.
12. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennoj Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 50-letiju organizacii poiskovogo dvizheniya na Belgorodchine = Patriotic education of young people in modern Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 50th anniversary of the organization of the search movement in the Belgorod region / otv. red. Z. Z. Muhina, S. V. Kannykin. Staryj Oskol : STI NITU «MISiS», 2019. 289 s.
13. Regional'naja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan v Krasnojarskom krae na 2017–2020 gody», utverzhdannaja rasporyazheniem Pravitel'stva Krasnojarskogo kraja № 1163-r ot 23 dekabrya 2016 goda = Regional program “Patriotic education of citizens in the Krasnoyarsk Territory for 2017 – 2020”, approved by order of the Government of the Krasnoyarsk Territory No. 1163-r of December 23, 2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444958332>. (Data obrashheniya: 27.11.2021).
14. Regional'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii» (2021-2024 gg.) = Regional project “Patriotic education of citizens of the Russian Federation” (2021-2024). URL: <https://irkobl.ru/region/priority/education/page.php>. (Data obrashheniya: 21.10.2021).
15. Federal'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii» nacional'nogo proekta «Obrazovanie» na 2021-2024 gg. = Federal project “Patriotic education of citizens of the Russian Federation” of the national project “Education” for 2021-2024. URL: http://cpvrb.ru/programmy/federalnyj_proekt_patrioticheskoe_vospitanie_grazhdan_rossijskoj_federacii_nacionalnogo_proekta_obrazovanie_na_2021_2024_gg/. (Data obrashheniya: 20.11.2021).
16. Florja V. M. Patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodezhi kak ob#ekt sociologicheskogo analiza = Patriotic education of student youth as an object of sociological analysis / V. M. Florja, D. N. Bezgodov, O. A. Volkova // Voprosy upravleniya. 2018. № 3 (52). S. 105-109.
17. Fontalova N. S. Osobennosti patrioticheskogo samosoznaniya sovremennoj molodezhi = Features of the patriotic self-awareness of modern youth / N. S. Fontalova, G. Je. Turganova, O. E. Ermochenko // Baikal Research Journal : jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2019. T. 10. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-patrioticheskogo-samosoznaniya-sovremennoy-molodezhi/viewer>. (Data obrashheniya 27.11.2021).
18. Shuruhina G. A. Psihologicheskij analiz projavleniya patriotichnosti u starshih shkol'nikov = Psychological analysis of the manifestation of patriotism in high school students / G. A. Shuruhina, L. A. Zhdanova // Vestnik RUDN, serija Pedagogika i psihologija. 2015. № 3. S. 45-50.

19. Curren R., Dorn Ch. Patriotic education in a global age. University of Chicago Press. 2018. URL: <https://www.bibliovault.org/BV/landing.epl?ISBN=9780226552422>. (Data obrashhenija: 01.11.2021). DOI: 10.7208/chicago/9780226552422.001.0001.
20. Goode J. P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. Russia before and after Crimea: Nationalism and identity, 2010-2017. Ed. by B. Kosto and Helge Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018. P. 258-281.
21. Gu C. The connotation and requirements of patriotism // Learning & Education. 2021. Vol. 9. Issue 4. Pp. 121-123.
22. Laruelle M. Patriotic youth clubs in Russia. Professional niches, cultural capital and narratives of social engagement // Europe-Asia Studies. 2015. Vol.67. №1. P. 8-27.
23. Zhang L. Lv P. Research on the path of patriotic education for college students in the new era // Asian Education Studies 2021. №. 6 (2). Pp. 20-23. DOI:10.20849/aes.v6i2.974.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 20.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication on 12.05.2022

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК 37.091.3

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-76-92

EDN: WQEUP

Результаты реализации игровой технологии как педагогического средства формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера

Ангелина Викторовна Золотарева^{1✉}, Ирина Евгеньевна Сарафанова²

¹Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогического
и психолого-педагогического образования
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», г. Сочи

²Старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль

¹ang_gold@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7096-1005>

²iraipp944@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7704>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования реализации игровой технологии как педагогического средства формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера в образовательной организации высшего образования. Раскрыта сущность понятия «средство обучения»; обоснована актуальность применения педагогических средств в процессе профессионального образования; показана степень разработанности проблемы применения игр в процессе обучения и профессионального развития управленческих кадров. Представлены компетентностный и контекстный подходы как методологическая основа исследования; раскрыты особенности применения компетентностного подхода для организации процесса формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера; раскрыты понятие, сущность, структура и инструментарий оценки организационно-управленческой компетентности будущего менеджера; показана возможность применения контекстного подхода для формирования организационно-управленческой компетентности менеджера в деятельности, в том числе в процессе игровой деятельности как способа обучения; описаны

принципы реализации игр, направленных на формирование данной компетентности – субъектности, проблемности, профессиональной ориентированности, диалогичности, совместной деятельности участников игры. В статье представлен комплекс игр, реализованный в процессе исследования и включающий в себя следующие игровые технологии: деловая игра «Целеполагание как основа планирования», имитационная игра «Эффективные коммуникации», ролевая игра «Делегирование полномочий», деловые игры «Эффективный контроль», «Организация планирования», «Организация контроля». Для подтверждения эффективности внедрения игровых технологий в процессе обучения студентов, будущих менеджеров, показаны результаты, полученные в контрольных и экспериментальных группах, приведены данные обработки результатов на основе U-критерия Манна-Уитни; сделаны выводы о том, что применение игровых технологий доказало свою результативность.

Ключевые слова: педагогическое средство; компетентностный подход; контекстный подход; игровая технология; принципы реализации игр; профессиональная компетентность; формирование организационно-управленческой компетентности будущего менеджера

Для цитирования: Золотарева А. В., Сарафанова И. Е. Результаты реализации игровой технологии как педагогического средства формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 76-92. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-76-92>. <https://elibrary.ru/wqeupl>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Results of implementation of gaming technology as a pedagogical means of forming the organizational and managerial competence of a future manager

Angelina V. Zolotarova^{1✉}, Irina E. Sarafanova²

¹Doctor of pedagogical sciences, professor of department of pedagogical and psychological- pedagogical education, Sochi state university, Sochi

²Senior lecturer department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

[✉]ang_gold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7096-1005>

²iraipp944@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7704>

Abstract. The article presents the results of a study of the implementation of gaming technology as a pedagogical means of forming the organizational and managerial competence of a future manager at a university. The essence of the

*Результаты реализации игровой технологии как педагогического средства
формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера* 77

“means of learning” concept is revealed; the relevance of the use of pedagogical means in the process of vocational education is substantiated; the degree of development of the problem of using games in the process of training and professional development of managerial personnel at the university is shown. The competence-based and contextual approaches are presented as the methodological basis of the study; the features of the application of the competence-based process for the organization of the formation of the organizational and managerial competence of the future manager are disclosed; the concept, essence, structure and tools for assessing the organizational and managerial competence of a future manager are disclosed; the possibility of using the contextual approach for the formation of organizational and managerial competence of a manager in activities, including in the process of playing activities as a way of learning is shown; the principles of the implementation of games aimed at the formation of this competence are described - subjectivity, problematicity, professional orientation, dialogue, joint activity of game participants. The article presents a set of games implemented in the research process and includes the following game technologies: business game “Goal-setting as a basis for planning”, simulation game “Effective Communications”, role-playing game “Delegation of Authority”, business game “Effective Control”, “Organization of planning”, “Organization of control”. To confirm the effectiveness of the introduction of gaming technologies in the process of training student managers at the university, the results obtained in the control and experimental groups are shown, the results of processing the results based on the Mann-Whitney U-criterion are given; conclusions are drawn that the use of gaming technologies has proven its effectiveness.

Keywords: pedagogical tool; competence approach; contextual approach; gaming technology; principles of game implementation; professional competence; formation of organizational and managerial competence of the future manager

For citation: Zolotariova A. V., Sarafanova I. E. Results of implementation of gaming technology as a pedagogical means of forming the organizational and managerial competence of a future manager. *Social and political researches*. 2022;2(15):76-92. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-76-92>. <https://elibrary.ru/wqeupl>.

Введение

В педагогике до настоящего времени нет более важной категории для развития педагогической теории и образовательной практики, какой является категория «сред-

ство обучения», «педагогическое средство». Понятие «средство» указывает на существование определенного способа педагогического воздействия на обучающегося в процессе достижения какой-либо образовательной цели. К средствам

обучения относятся виды деятельности (игровая, учебная, трудовая), педагогические техники, а также технические средства обучения, дидактические материалы и т. п. [Иванова, 2013; Why Game-Based Learning, 2022].

Педагогические средства применяются в процессе обучения на разных этапах жизненного и профессионального развития человека. В нашем исследовании рассматривается практика применения педагогических средств профессионального образования, в частности, формирования организационно-управленческой компетентности будущего менеджера в образовательной организации высшего образования. Анализ ситуации в науке и педагогической практике, проведенный нами, показал, что вопрос выбора педагогических средств для формирования организационно-управленческой компетентности менеджера проработан недостаточно. Среди средств формирования профессиональных компетенций некоторые ученые выделяют игру и геймификацию.

Анализ диссертационных работ российских ученых показал, что разные виды игр применяются в процессе обучения и профессионального развития как средство профессиональной подготовки студентов (Т. И. Бочарова, С. Н. Масликова, В. Н. Ляменков, Н. И. Герасимова, А. Б. Гуляниц, Б. В. Куприянов, М. А. Доможирова, М. М. Бочкарева, Е. В. Семенова,

С. А. Арзуханова, О. Г. Груздова, А. Л. Колзина, Н. К. Метинбоева); средство развития гностических способностей у студентов (Г. В. Карева); средство развития коммуникативной компетенции и умений (И. Р. Петерсон, Е. В. Семенова, Л. Р. Вартанова, А. О. Бударина, Л. С. Юрова, Е. М. Решетникова); средство формирования, управления познавательной активностью обучающихся и развития познавательного интереса (Е. В. Коробова, А. В. Аполлонский, С. А. Бизяева); активизации учебно-познавательной и речевой деятельности студентов (О. А. Артемьева, О. В. Сониная, Н. В. Еремина, Ю. А. Попова). Встречаются работы, рассматривающие игровые технологии как средство формирования готовности будущего менеджера к кризисным экономическим ситуациям (А. В. Силкин) [Научная электронная библиотека ... , 2021].

Таким образом, актуальность использования игры как средства формирования профессиональных компетенций подтверждается тем, что, во-первых, мало встречается работ, посвященных применению игры или игровой технологии для профессионального обучения и развития менеджеров, во-вторых, недостаточно изучен вопрос применения игры для формирования их профессиональной компетенции, в-третьих, проблема формирования организационно-управленческой компетентности менеджера средствами игровых технологий в педа-

гогической теории и практике в настоящее время практически не разработана.

Методы исследования

Методологическую основу исследования, представленного в данной статье, составили подходы к проблеме формирования организационно-управленческой компетентности менеджера: компетентностный подход (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, А. К. Маркова, Б. И. Хасан, Д. А. Иванов, Л. О. Филатова, Э. Зеер, Э. Сыманюк, О. Е. Лебедев и др.) [Бочарникова, 2009; Зимняя, 2022; Иванов, 2008; Лебедев, 2004; Ульянина, 2018] и контекстный подход (А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова, Н. В. Борисова, В. Ф. Тенищева) [Вербицкий, 1991; Вербицкий, 2020; Котова, 2014; Тенищева, 2014].

Анализ компетентностного подхода позволил определить сущность и понятие организационно-управленческой компетентности менеджера как интегральной характеристики, под которой понимается способность и готовность менеджера организовывать и осуществлять управленческие функции, принимать и реализовывать обоснованные управленческие решения задач организационного характера (проектирование структуры управления и взаимодействия элементов, построение коммуникаций, рациональное распределение задач, прав, ресурсов и обеспечение ими людей) для достижения целей организации.

Анализ компетентностного подхода к формированию организационно-управленческой компетентности позволил определить ее структуру и критерии оценки сформированности компетенций.

Структура организационно-управленческой компетентности менеджера включает следующие компоненты и содержание:

- когнитивный компонент представлен комплексом организационно-управленческих знаний по организации выполнения управленческих функций, организации разработки, оценки, выполнения управленческих решений (и их последствий);
- деятельностный компонент включает организационно-управленческие умения менеджера организовывать реализацию управленческих функций; организовывать разработку, оценку, выполнение управленческих решений (и их последствий);
- мотивационно-ценностный компонент предполагает наличие у менеджеров стремления заниматься организационно-управленческой деятельностью, стремления к совершенствованию себя и организации (управляемого коллектива), потребности в познании; ценностей организационно-управленческой деятельности – ответственность за предлагаемые решения, действия и результат деятельности группы работников, гуманизм как основа воздействия на подчиненных, самоконтроль.

Критериально-диагностический инструментарий, позволяющий

оценить сформированность организационно-управленческой компетентности у студентов – будущих менеджеров, включает критерии и показатели (когнитивный, деятельностный, мотивационно-ценностный критерии), уровни (низкий, средний, повышенный, высокий), оценочные средства (компетентностные тестовые задания, методики для оценки ценностей и мотивов).

О формировании профессиональной компетентности специалиста в процессе обучения говорит и *контекстный подход* (А. А. Вербицкий), применение которого позволяет с помощью всей системы дидактических форм, методов и средств осуществить моделирование предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста. Контекст жизни и деятельности, профессионального будущего наполняют учебно-познавательную деятельность обучающихся личностным смыслом, определяют уровень их активности, меру включенности в процессы познания и преобразования действительности. Социальный контекст позволяет преодолеть разрыв между обучением и воспитанием, достичь целей профессионального, общего личностного развития будущего специалиста. Воссоздать контекст можно с помощью активных форм и методов обучения, в том числе и посредством игры. В рамках данного подхода игровые технологии долж-

ны воссоздавать предметное (система учебных, проблемных профессиональных ситуаций и задач) и социальное содержание (следование нравственным нормам учебного и профессионального коллектива) будущей профессиональной организационно-управленческой деятельности менеджера, которая предполагает множество социальных контактов, совместную деятельность (с персоналом, партнерами, инвесторами), и в данных условиях контекстный подход становится особенно актуальным и полезным [Вербицкий, 1991; Вербицкий, 2020].

Таким образом, компетентности формируются и проявляются в деятельности, в том числе в процессе игровой деятельности как способа обучения [Hernández-Lara, 2018]. Наши исследования показали, что применение игровых технологий в образовательном процессе создают следующие возможности для формирования элементов организационно-управленческой компетентности менеджера:

- проблемность, творческий характер, временной регламент выполнения заданий в игре способствуют формированию знаний и умений выявлять, анализировать проблемы, разрабатывать нестандартные управленческие решения в ситуации ограниченности времени, развивать профессиональное и творческое мышление и др.;
- роли и правила в игре воссоздают контекст будущей реальной

деятельности, что позволяет формировать опыт выполнения профессиональных ролей, реализации управленческих функций, следования социальным и профессиональным нормам поведения в управленческой деятельности;

- групповая работа, способствует формированию знаний и умений по организации совместной работы людей;

- внутригрупповое, межгрупповое общение позволяют приобретать опыт правильного проектирования и осуществления коммуникации;

- формирование и развитие профессиональной мотивации, профессиональной направленности и интереса к выбранной профессиональной деятельности создают предпосылки для формирования стремления заниматься управленческой деятельностью;

- система оценивания в игре обеспечивает формирование игровой, познавательной, профессиональной мотивации участников; сравнивая свои результаты с достижениями участников, учащиеся получают новые стимулы для роста и начинают прилагать к этому больше усилий;

- в игровых технологиях происходит изменение личностных ценностных ориентаций;

- соревновательность в игре повышает ответственность участников за принятые решения и осуществляемые действия [Вербицкий, 1991; Панфилова, 2003; Подласый, 2012; Leeson, 2022; Hernández-Lara, 2018].

Наши исследования показали, что разработку комплекса игровых технологий необходимо осуществлять с учетом структуры организационно-управленческой компетентности, а также с учетом следующих принципов реализации игр, направленных на формирование данной компетентности:

- принцип «субъектности» в игровых технологиях направлен на самостоятельный анализ профессиональной задачи, определения способов ее решения, на осуществление поиска информации, разработки авторских игровых технологий и т. д.; в игровых технологиях обязательным является правило уважительного отношения ко всем участникам для установления субъектно-субъектных (партнерских) отношений;

- принцип «проблемности» предполагает применение в процессе игр учебных проблемных ситуаций, их анализ и поиск возможных вариантов решений;

- принцип «профессиональной ориентированности» способствует формированию актуальных профессиональных организационно-управленческих знаний, умений, навыков в соответствии со структурой компетентности, сущностью управленческой и организационной деятельности, требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, действующими профессиональными стандартами и др.; в игровых технологиях должны вос-

создаваться элементы реальной профессиональной организационно-управленческой деятельности менеджера (условия, ситуации, содержание, формы, роли);

– принцип «диалогичности» предполагает подготовку и принятие согласованных групповых решений учебной задачи, возможность высказывать свою точку зрения относительно ее решения, участие обучающихся в коллективных дискуссиях и др.;

– принцип «совместной деятельности участников игры» способствует организации общения и взаимодействия для обсуждения позиций и принятия общего группового решения.

К игровым технологиям для формирования организационно-управленческой компетенции будущих менеджеров мы отнесли деловую, организационно-деятельностную, имитационную, ролевую игры (А. П. Панфилова, Н. В. Бордовская, А. А. Реан, Г. К. Селевко, В. П. Беспалько и др.) [Панфилова, 2003; Селевко, 2022; Зайцев, 2019; Михайленко, 2011; Чернявская, 2017].

Результаты исследования

В 2013–2018 годах в исследовании участвовали студенты-бакалавры 1-го, 3-го, 4-го курсов направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (68 студентов). Были сформированы 4 экспериментальные и 4 контрольные группы. В экспериментальных группах проводились игровые техноло-

гии, в контрольных группах – традиционные практические занятия.

Комплекс игр включил в себя следующие игровые технологии: деловая игра «Целеполагание как основа планирования», имитационная игра «Эффективные коммуникации», ролевая игра «Делегирование полномочий», деловая игра «Эффективный контроль», деловая игра «Организация планирования», деловая игра «Организация контроля».

Деловая игра «Целеполагание как основа планирования» нацелена на формирование и закрепление теоретических знаний, умений и навыков осуществления целеполагания и планирования в деятельности менеджера. Все участники выполняют профессиональную роль руководителя организации (лицо принимающее решение) и игровую роль аналитика. Студентам необходимо сформулировать миссию для определенной организации, определить недостающие требования к цели и скорректировать, представленную цель по данным требованиям, а затем для скорректированной цели разработать рабочий план ее достижения, соблюдая при этом этапы процесса планирования и основные разделы плана.

В имитационной игре «Эффективные коммуникации» моделируется процесс эффективных коммуникаций руководителя в форме переговоров. Игра ориентирована на развитие умения и навыков осуществления эффективных коммуникаций в практике управленческой

деятельности. Участники в ходе игры выполняют несколько профессиональных ролей: лицо, принимающее решение; лицо, проектирующее и осуществляющее эффективные коммуникации и игровые роли – член экипажа судна, потерпевшего кораблекрушение; аналитик. Участникам необходимо выработать общее решение по проблемной ситуации, соблюдая этапы и рекомендации по эффективным коммуникациям и провести анализ эффективности собственных переговоров.

В ролевой игре «Делегирование полномочий» моделируется процесс делегирования полномочий. Применяется реальная ситуация из практической, организационно-управленческой деятельности любого руководителя, когда нужно подготовить отчет по работе подразделения за текущий квартал, а из-за большой загруженности руководитель делегирует задание сотруднику. Непосредственное делегирование полномочий осуществляется в ходе беседы руководителя с подчиненным, где руководитель должен, соблюдая этапы, правила делегирования замотивировать сотрудника и получить его согласие на передачу полномочий. Игра нацелена на формирование знаний и умений осуществлять делегирование полномочий, мотивировать персонал, применять знания для решения практических задач и др. Участники выполняют профессиональную роль – «руководитель отдела», а также игровые роли –

«подчиненный», «эксперт», «аналитик». Исполнители ролей «руководитель» и «подчиненный» должны создать модель поведения, характерную для реальной жизни: уважительно, соблюдая субординацию, вести беседу; если предложения руководителя по-настоящему заинтересовали исполнителя роли «подчиненный», то он согласится на выполнение задания.

В деловой игре «Эффективный контроль» моделируется процесс осуществления контроля. Игра нацелена на формирование и закрепление знаний в области контрольной деятельности менеджера, формирование и развитие умений по осуществлению контроля и др. Участники в ходе игры выполняют определенную профессиональную роль – лицо, принимающее решение, разработчик программы контроля и контролер (или лицо, осуществляющее контроль) и игровую роль – член независимой комиссии по дополнительному контролю над качеством работ, аналитик. Участникам необходимо проанализировать пример и определить, описанные в нем виды контроля; разработать программу контроля над качеством работ своих подчиненных, выполняя при этом все этапы контроля и соблюдая условия эффективности; после оценки программы необходимо скорректировать ее, устраняя появившиеся риски и проблемы.

В деловой игре «Организация планирования» моделируется процесс организации планирования в

подразделении организации. Игра нацелена на формирование и закрепление знаний, умений и навыков по организации целеполагания и планирования деятельности и др. Все участники исполняют профессиональную роль руководителя (лицо принимающее решение), организатора и игровую роль аналитика. Применяется реальная ситуация из практической организационно-управленческой деятельности руководителя отдела, когда нужно организовать совместную работу с подчиненными по разработке плана, направленного на повышение результативности работы отдела. Участникам необходимо на основе ситуации определить схему взаимодействия людей в отделе, определить и распределить права, обязанности, ответственность, ресурсы между работниками отдела для разработки плана, разработать правила взаимодействия сотрудников, скорректировать свою первоначально созданную структуру управления коллективом, основываясь на позже определенных и распределенных правах и обязанностях участников.

В деловой игре «Организация контроля» моделируется процесс организации контроля. Игра нацелена на формирование и закрепление знаний, умений и навыков по организации контрольной деятельности. Все участники исполняют профессиональную роль руководителя (лицо принимающее решение), организатора и игровую роль аналитика. Участникам необходимо проанали-

зировать реальную профессиональную ситуацию и принять ряд организационно-управленческих решений: разработать структуру управления комиссией по контролю над качеством работ, определить и распределить обязанности, права, ответственность среди работников комиссии; определить режим деятельности комиссии; разработать схему коммуникаций членов комиссии для эффективного контроля; определить и распределить ресурсы между работниками; разработать правила взаимодействия членов комиссии для осуществления эффективного контроля, скорректировать свою первоначально созданную структуру управления коллективом, основываясь на определенных правах и обязанностях участников игры.

При проведении игровых технологий использовались педагогические *приемы* погружения и выгрузки из игрового взаимодействия, а также комплекс *средств обучения*, обладающих наибольшим личностно-развивающим эффектом (проблемные ситуации, упражнения, задачи с жизненно-практическим содержанием и др.).

Для определения эффективности внедрения игровых технологий в процессе обучения студентов менеджеров в образовательной организации высшего образования мы *сравнили результаты контрольных и экспериментальных групп по U-критерию Манна-Уитни* и получили следующие результаты.

Игровая технология (ролевая игра «Делегирование полномочий») оказала более сильное влияние на формирование когнитивного компонента компетентности у экспериментальной группы (ЭГ1), чем практическое занятие у контрольной группы (КГ1), так как между группами обнаружены различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,10$). Спустя время после проведения занятий экспериментальная группа № 1 стала превосходить контрольную группу на уровне значимости $p < 0,10$ по деятельностному (после деловой игры «Целеполагание как основа планирования») и ценностному компоненту компетентности (деловая игра «Эффективный контроль»). Таким образом, данные тенденции достоверных различий доказывают, что игровые технологии (ролевая игра «Делегирование полномочий», деловая игра «Целеполагание как основа планирования», «Эффективный контроль») оказали наиболее сильный эффект на формирование когнитивного, деятельностного, ценностного компонента компетентности у ЭГ1, чем практические занятия у КГ1.

Деловая игра «Эффективный контроль» у ЭГ2 привела к статистически значимому увеличению эффективности формирования когнитивного (на уровне значимости $p < 0,01$) и деятельностного компонентов (на уровне статистической тенденции $p < 0,10$) компетентности, чем практическое занятие у КГ2. Имитационная игра «Эффективные

коммуникации» привела к статистически значимому увеличению эффективности формирования деятельностного компонента компетентности (на уровне значимости $p < 0,05$). Игровые технологии у ЭГ2 оказали более сильное, значимое влияние на уровне статистической тенденции ($p < 0,10$) на формирование когнитивного (ролевая игра «Делегирование полномочий») и деятельностного компонентов компетентности (деловая игра «Целеполагание как основа планирования»), чем практические занятия у КГ2. Спустя время после проведения занятий игровые технологии (деловая игра «Целеполагание как основа планирования» и имитационная игра «Эффективные коммуникации») у ЭГ2 дали максимально устойчивый эффект при формировании деятельностного компонента компетентности, так как между группами обнаружены различия на уровне значимости $p < 0,05$. Таким образом, данные результаты доказывают, что игровые технологии (деловая игра «Целеполагание как основа планирования», имитационная игра «Эффективные коммуникации», ролевая игра «Делегирование полномочий», деловая игра «Эффективный контроль») у ЭГ2 привели к значимому увеличению эффективности формирования когнитивного и деятельностного компонентов компетентности, оказали более сильное влияние, чем практические занятия у КГ2. Вместе с тем игровые технологии и практи-

ческие занятия у данных респондентов не привели к статистически значимому увеличению эффективности формирования мотивационно-ценностного компонента организационно-управленческой компетентности.

Деловая игра «Организация планирования» у ЭГЗ оказала более сильное, значимое положительное влияние на формирование деятельностного компонента компетентности на уровне статистической тенденции ($p < 0,10$), чем практическое занятие у КГЗ. Также деловые игры «Организация планирования» и «Организация контроля» у ЭГЗ привели к статистически значимому (на уровне $p < 0,01$ и $p < 0,05$) увеличению эффективности формирования стремления совершенствовать свой уровень профессиональной подготовки, чем практические занятия у КГЗ. Спустя время после проведения занятий игровые технологии оказали у ЭГЗ устойчивый эффект при формировании когнитивного и деятельностного компонентов компетентности (ролевая игра «Делегирование полномочий» на уровне значимости $p < 0,05$); когнитивного компонента компетентности (имитационная игра «Эффективные коммуникации» в виде тенденции достоверных различий на уровне значимости $p < 0,10$); мотивационного компонента компетентности: стремлений заниматься организационно-управленческой деятельностью и совершенствовать свой уровень профессиональной

подготовки (деловая игра «Организация планирования», деловая игра «Организация контроля» на уровне значимости $p < 0,01$).

Таким образом, данные результаты доказывают, что игровые технологии (имитационная игра «Эффективные коммуникации», ролевая игра «Делегирование полномочий», деловая игра «Организация планирования», деловая игра «Организация контроля») у ЭГЗ привели к значимому увеличению эффективности формирования когнитивного и деятельностного компонентов компетентности, стремления совершенствовать свой уровень профессиональной подготовки, чем практические занятия у КГЗ. Однако ценностный компонент по уровню сформированности у экспериментальной и контрольной групп значимо не отличается.

Игровые технологии у ЭГ4 привели к статистически значимому (уровень значимости $p < 0,05$) увеличению эффективности формирования когнитивного компонента (имитационная игра «Эффективные коммуникации») и деятельностного компонента компетентности (деловая игра «Целеполагание как основа планирования»). Деловая игра «Организация контроля» оказала более сильное, значимое влияние (в виде тенденции достоверных различий на уровне значимости $p < 0,10$) на формирование когнитивного компонента компетентности, чем практические занятия у КГ4. Спустя время после проведе-

ния занятий данные значимые отличия между группами сохранились, то есть данные игровые технологии дали максимально устойчивый эффект. По остальным компонентам группы значимо не различаются.

Таким образом, у ЭГ4 игровые технологии (деловая игра «Целеполагание как основа планирования», имитационная игра «Эффективные коммуникации», деловая игра «Организация контроля») оказали более сильное влияние (сильный эффект) на формирование элементов компетентности, чем практические занятия у КГ4. Игровые технологии и практические занятия у данных респондентов не привели к статистически значимому увеличению эффективности формирования мотивационно-ценностного компонента организационно-управленческой компетентности.

Выводы

Проведя сравнительный анализ среди всех контрольных и экспериментальных групп (по приросту баллов и процентов в рамках каждой темы отдельно), было установлено:

- игровые технологии результативнее формируют когнитивный, деятельностный, мотивационный критерии сформированности организационно-управленческой компетентности менеджера, чем практические занятия;
- по сумме баллов компонентов компетентности на любом курсе по теме «Целеполагание как основа планирования», «Делегирование

полномочий», «Эффективный контроль», «Организация планирования», «Организация контроля» эффективнее проводить игровую технологию, чем практическое занятие, так как она обеспечила больший прирост компетентности. По теме «Эффективные коммуникации» эффективнее проводить имитационную игру, чем практическое занятие, но на первом курсе по данной теме результативнее проводить практическое занятие;

– наибольшая результативность у игровых технологий (деловая игра «Целеполагание как основа планирования», имитационная игра «Эффективные коммуникации», ролевая игра «Делегирование полномочий», деловая игра «Эффективный контроль») наблюдается на 3-м курсе, когда студенты уже имеют знания по данной теме. А игровые технологии, направленные на формирование интегральной сути организационно-управленческой компетентности (деловая игра «Организация планирования», «Организация контроля»), нужно проводить на 4-м курсе бакалавриата или в магистратуре, так как темы сложны для восприятия и одного занятия недостаточно, лучше провести несколько занятий;

– у деловых игр и практических занятий ценностный компонент сильнее формируется на 3-м курсе, затем на 1-м и 4-м курсах; мотивы лучше формируются на 3-м курсе, чем на 4-м.

Таким образом, осуществление комплекса игровых технологий способствовало формированию всех компонентов организационно-управленческой компетентности у

экспериментальных групп. Игровые технологии доказали свою результативность более, чем практические занятия.

Библиографический список

1. Бочарникова М. А. Компетентностный подход: история, содержание, проблемы реализации // Начальная школа. 2009. № 3. С. 86-92.
2. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: методическое пособие. Москва : Высшая школа, 1991. 207 с.
3. Вербицкий А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. Москва : Логос, 2020. 336 с.
4. Зайцев В. С. Игровые технологии в профессиональном образовании: учебно-методическое пособие. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. 23 с.
5. Зимняя И. А. Компетентностный подход в образовании // Психологический институт Российской Академии образования : сайт. 2022. 25 февр. URL: <https://www.pirao.ru/community-projects/text/kompetentnostnyy-podkhod-v-obrazovanii/>. (Дата обращения: 25.02.2022).
6. Иванова В. А. Педагогика : электронный учебно-методический комплекс / В. А. Иванова, Т. В. Левина. URL: http://www.kgau.ru/distance/mf_01/ped-asp/08_01.html. (Дата обращения: 23.02.2022).
7. Иванов Д. А. Компетенции и компетентностный подход в современном образовании // Управление современной школой. Завуч. 2008. № 1. С. 4-24.
8. Котова Е. М. Знаково-контекстное обучение в военном вузе как средство повышения качества профессиональной подготовки курсантов // Наукovedenie : интернет – журнал. 2014. № 1 (20). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/60PVN114.pdf>. (Дата обращения: 24.02.2022).
9. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. №5. С. 3-12.
10. Михайленко Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий // Педагогика: традиции и инновации. Т. I : материалы международной научной конференции. Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 140-146.
11. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов : сайт. URL: <https://www.dissercat.com>. (Дата обращения: 30.09.2021).
12. Панфилова А. П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала: учебное пособие. Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, Знание, 2003. 536 с.
13. Подласый И. П. Педагогика: учебник для бакалавров. Москва : Юрайт, 2012. 574 с.
14. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. Игровые технологии : сайт. 2022. 17 февр. URL: <http://moi->

rang.ru/publ/metodicheskie_materialy/pedagogicheskie_tekhnologii/igrovye_tekhnologii/12-1-0-48#.V6mavtKLTIU. (Дата обращения: 17.02.2022).

15. Тенищева В. Ф. Формирование эмоционально-волевой устойчивости морского специалиста в условиях межкультурной коммуникации / В. Ф. Тенищева, Е. Н. Цыганко, Ю. С. Кузнецова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1. С. 228-232.

16. Ульянина О. А. Компетентностный подход в научной парадигме российского образования // Психолого-педагогические исследования: электронный журнал. 2018. Т. 10, № 2. С. 135–147.

17. Чернявская А. П. Технологии педагогической деятельности. Часть 1. Образовательные технологии : учебное пособие / А. П. Чернявская, Л. В. Байбородова, И. Г. Харисова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 313 с.

18. Hernández-Lara Ana Beatriz. Do business games foster skills? A cross-cultural study from learners' views / Ana Beatriz Hernández-Lara, Enric Serradell-Lopez, Àngels Fitó-Bertran // Intangible capital. 2018. Том 14. № 2. URL: <https://www.intangiblecapital.org/index.php/ic/article/view/1066/713>. (Дата обращения: 25.02.2022).

19. Leeson Jerry. Games as a professional development option for workplace training // thinkspace.csu.edu.au : сайт. 2022. 25 февр. URL: <https://thinkspace.csu.edu.au/gblcompendium/part-1-motivation/games-as-a-professional-development-option-for-workplace-training/>. (Дата обращения: 25.02.2022).

20. Why game-based learning? // thelearningcounsel.com : сайт. 2022. 25 февр. URL: <https://thelearningcounsel.com/article/why-game-based-learning>. (Дата обращения: 25.02.2022).

Reference list

1. Bocharnikova M. A. Kompetentnostnyj podhod: istorija, sodержanie, problemy realizacii = Competency approach: history, content, implementation problems // Nachal'naja shkola. 2009. № 3. S. 86-92.

2. Verbickij A. A. Aktivnoe obuchenie v vysshej shkole: kontekstnyj podhod = Active higher education: contextual approach: metodicheskoe posobie. Moskva : Vysshaja shkola, 1991. 207 s.

3. Verbickij A. A. Lichnostnyj i kompetentnostnyj podhody v obrazovanii: problemy integracii = Personal and competency approaches in education: integration challenges / A. A. Verbickij, O. G. Larionova. Moskva : Logos, 2020. 336 s.

4. Zajcev V. S. Igrovye tehnologii v professional'nom obrazovanii = Gaming technology in vocational education: uchebno-metodicheskoe posobie. Cheljabinsk : Biblioteka A. Millera, 2019. 23 s.

5. Zimnjaja I. A. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii = Competency approach in education // Psihologicheskij institut Rossijskoj Akademii obrazovanija : sajt. 2022. 25 fevr. URL: <https://www.pirao.ru/community-projects/text/kompetentnostnyy-podkhod-v-obrazovanii/>. (Data obrashhenija: 25.02.2022).

6. Ivanova V. A. Pedagogika = Pedagogics : jelektronnyj uchebno-metodicheskij kompleks / V. A. Ivanova, T. V. Levina. URL: http://www.kgau.ru/distance/mf_01/ped-asp/08_01.html. (Data obrashhenija: 23.02.2022).
7. Ivanov D. A. Kompetencii i kompetentnostnyj podhod v sovremennom obrazovanii = Competencies and competency approach in modern education // Upravlenie sovremennoj shkoloj. Zavuch. 2008. № 1. S. 4-24.
8. Kotova E. M. Znakovo-kontekstnoe obuchenie v voennom vuze kak sredstvo povyshenija kachestva professional'noj podgotovki kursantov = Sign-contextual training at a military university as a means of improving the quality of professional training of cadets // Naukovedenie : internet – zhurnal. 2014. № 1 (20). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/60PVN114.pdf>. (Data obrashhenija: 24.02.2022).
9. Lebedev O. E. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii = Competency approach in education // Shkol'nye tehnologii. 2004. №5. S. 3-12.
10. Mihajlenko T. M. Igrovyje tehnologii kak vid pedagogicheskikh tehnologij = Game technologies as a type of pedagogical technology // Pedagogika: tradicii i innovacii. T. I : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Cheljabinsk : Dva komsomol'ca, 2011. S. 140-146.
11. Nauchnaja jelektronnaja biblioteka dissertacij i avtoreferatov = Scientific electronic library of dissertations and abstract: sajt. URL: <https://www.dissercat.com>. (Data obrashhenija: 30.09.2021).
12. Panfilova A. P. Igrotehnicheskij menedzhment. Interaktivnye tehnologii dlja obuchenija i organizacionnogo razvitija personala = Game management. Interactive technologies for training and organizational development of personnel : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : IVJeSJeP, Znanie, 2003. 536 s.
13. Podlasyj I. P. Pedagogika = Pedagogics : uchebnik dlja bakalavrov. Moskva : Jurajt, 2012. 574 s.
14. Selevko G. K. Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii. Igrovyje tehnologii = Modern educational technologies. Gaming technology : sajt. 2022. 17 fevr. URL: http://moi-rang.ru/publ/metodicheskie_materialy/pedagogicheskie_tekhnologii/igrovyje_tekhnologii/12-1-0-48#.V6mavtKLTIU. (Data obrashhenija: 17.02.2022).
15. Tenishheva V. F. Formirovanie jemocional'no-volevoj ustojchivosti morskogo specialista v uslovijah mezhkul'turnoj kommunikacii = Formation of emotional and volitional stability of a marine specialist in conditions of intercultural communication / V. F. Tenishheva, E. N. Cyganko, Ju. S. Kuznecova // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. № 1. S. 228-232.
16. Ul'janina O. A. Kompetentnostnyj podhod v nauchnoj paradigme rossijskogo obrazovanija = Competency approach in the scientific paradigm of Russian education // Psihologo-pedagogicheskie issledovanija: jelektronnyj zhurnal. 2018. T. 10, № 2. S. 135-147.
17. Chernjavskaia A. P. Tehnologii pedagogicheskoi dejatel'nosti. Chast' 1. Obrazovatel'nye tehnologii = Technologies of pedagogical activity. Part 1. Educational technologies : uchebnoe posobie / A. P. Chernjavskaia, L. V. Bajborodova, I. G. Harisova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 313 s.
18. Hernández-Lara Ana Beatriz. Do business games foster skills? A cross-cultural study from learners' views / Ana Beatriz Hernández-Lara, Enric Serradell-

Lopez, Àngels Fitó-Bertran // Intangible capital. 2018. Tom 14. № 2. URL: <https://www.intangiblecapital.org/index.php/ic/article/view/1066/713>. (Data obrashhenija: 25.02.2022).

19. Leeson Jerry. Games as a professional development option for workplace training // thinkspace.csu.edu.au : sajt. 2022. 25 fevr. URL: <https://thinkspace.csu.edu.au/gblcompendium/part-1-motivation/games-as-a-professional-development-option-for-workplace-training/>. (Data obrashhenija: 25.02.2022).

20. Why game-based learning? // thelearningcounsel.com : sajt. 2022. 25 fevr. URL: <https://thelearningcounsel.com/article/why-game-based-learning>. (Data obrashhenija: 25.02.2022).

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 15.03.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-93-106

EDN: WNXFLK

Общественное участие в управлении общеобразовательной организацией

Николай Александрович Шобонов

Доктор педагогических наук, доцент кафедры экономики и права Павловского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», г. Нижний Новгород
Shobonov_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1439-6996>

Аннотация. Общественное участие в управлении образовательной организацией, имеющее традиции в российской образовательной практике с XVIII века, – составная часть ее управленческой деятельности. Одним из основополагающих принципов взаимоотношений государства с его гражданами является право общества на участие в управлении. Государство в Национальном проекте «Образование» рассматривает вопросы формирования государственно-общественного управления образовательной организацией как приоритетное направление в своей деятельности, понимая значимость участия общественности в управлении образованием. На федеральном уровне определены права и обязанности участников образовательных отношений. В статье дается несколько определений понятия государственно-общественное управление образованием, которые раскрывают сущность данного процесса. Большинство российских ученых понимают под государственно-общественным управлением образованием постоянное участие в управлении и взаимодействие двух субъектов, выражающих политику как государства, так и интересы общества, населения. Автором проанализирован исторический опыт управления образованием с участием общественности, отмечено, что недостаточное развитие демократических институтов в России до второй половины XIX века препятствовало установлению диалога власти с обществом в вопросах образования. Катализатором процесса общественного участия в управлении образованием стала земская реформа 1864 года. Автор характеризует деятельность общественных органов управления общеобразовательными организациями, таких как Совет школы, управляющий совет, попечительский совет и др. В статье представлено теоретическое

© Шобонов Н. А., 2022

осмысление форм общественного управления, приведены примеры успешных образовательных практик. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определил требования учета общественного мнения при принятии ряда управленческих решений руководителями образовательных организаций, предоставил право педагогическим работникам, обучающимся и их родителям на участие в управлении. Сделан акцент на перечне ряда причин, затрудняющих развитие участия общественности в управлении общеобразовательной организацией, предложены направления оптимизации управленческого процесса.

Ключевые слова: общеобразовательная организация; управление; общественное участие; права и обязанности; исторический опыт управления; образовательная практика

Для цитирования: Шобонов Н. А. Общественное участие в управлении общеобразовательной организацией // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 93-106. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-93-106>. <https://elibrary.ru/wnxflk>.

Original article

Public participation in general educational organization management

Nikolay A. Shobonov

Doctor of pedagogical sciences, associate professor department of economics and law, pavlovsky office, National research Nizhny Novgorod state university named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod
Shobonov_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1439-6996>

Abstract. Public participation in the management of an educational organization, which has a tradition in Russian educational practice since the XVIII century, is an integral part of its management activities. One of the fundamental principles of the relationship between the state and its citizens is the right of society to participate in governance. The state in educational policy, the National project “Education” considers the formation of state-public management of an educational organization as a priority in its activities, understanding the importance of public participation in education management. At the federal level, the rights and obligations of participants in educational relations are defined.

The article gives several definitions of the concept of state-public management of education, which reveal the essence of this process. Most Russian scientists understand the state-public management of education as constant participation in the management and interaction of two subjects expressing the interests, policies of both the state and the interests of society and the population. The author analyzes the historical experience of managing

education with public participation, noting that the insufficient development of democratic institutions in Russia until the second half of the XIX century prevented the establishment of a dialogue between the authorities and society in matters of education. The Zemstvo reform of 1864 became the catalyst for the process of public participation in the management of education. Further, the author characterizes the activities of public governing bodies of educational organizations, such as the School Council, the governing council, the board of trustees, etc. The article presents a theoretical understanding of the forms of public administration, examples of successful educational practices are given. The federal law “On Education in the Russian Federation” defined the requirements for taking into account public opinion when making a number of managerial decisions by the heads of educational organizations, granted the right to teachers, students and their parents to participate in management.

Emphasis is placed on a list of a number of reasons that impede the development of public participation in the management of a general educational organization, and directions for optimizing the management process are proposed.

Keywords: educational organization; control; public participation; rights and obligations; historical management experience; educational practice

For citation: Shobonov N. A. Public participation in general educational organization management. *Social and political researches*. 2022;2(15): 93-106. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-93-106>. <https://elibrary.ru/wnxflk>.

Сегодня государственная политика в сфере образования рассматривает государственно-общественный характер образования ключевым механизмом повышения эффективности управленческого процесса в образовании. Во всем мире, в его образовательных системах, как правило, общественное участие в управлении образованием является неотъемлемым атрибутом построения и развития гражданской школы, и это право не подвергается сомнению ни в научном педагогическом сообществе, ни

в исследованиях смежных с педагогикой дисциплин.

На сегодняшний день всесторонне изучены различные направления государственно-общественного управления образованием (В. И. Бочкарев, А. М. Моисеев, А. А. Пинский, Т. И. Пуденко, Н. М. Федорова, А. М. Цирульников и др.).

Можно привести несколько определений понятия «государственно-общественное управление образованием», каждое из которых раскрывает сущность данного процесса и может быть взято за основу

управленцами-практиками. Отметим, что существует большое количество определений сущности, форм данного понятия [Седельников, 2011].

По мнению А. М. Моисеева, государственно-общественное управление образованием – такой тип управления, характерной чертой которого является постоянное ответственное участие и взаимодействие в управлении образованием субъектов, органов государственной власти, выражающих интересы, политику, гарантии и компетенцию государства в области образования, с одной стороны, и органов, выражающих интересы общества, населения, с другой стороны [Моисеев, 2008].

Государственно-общественное управление, по мнению М. А. Гончарова, – это разновидность «управления», которое определяется как «свойство организованных систем различной природы» [Гончаров, 2013, с. 38].

Многие авторы определяют государственно-общественное управление как сочетание совместной деятельности двух субъектов (государства и общества), которое служит развитию общеобразовательной организации [Пинский, 2004].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает права и обязанности учащихся, педагогических и руководящих работников, родителей, общественности в принятии управленческих решений в общеобразо-

вательных организациях, тем самым подчеркивая демократический, государственно-общественный характер управления [Федеральный закон ... , 2012].

Таким образом, управление общеобразовательной организацией не может основываться только на деятельности единоличного органа власти (руководителя) и ее учредителя. Не случайно закон, перечисляя принципы управления, говорит об открытости и учете общественного мнения при принятии управленческих решений.

Вовлечение общественности в процесс управления общеобразовательной организацией – это не только создание, формирование и деятельность коллегиальных органов управления с участием общественности, но и взаимодействие с партнерами, родителями; организация публичной отчетности, информационной открытости и прозрачности; развитие кооперации и интеграции с другими образовательными организациями, учреждениями культуры и спорта, учреждениями реального сектора экономики; активизация деятельности ученического самоуправления [Шобонов, 2021].

Большинство из направлений работы предусматривает широкое взаимодействие образовательной организации с внешними субъектами. Эти субъекты имеют свои цели и интересы, которые могут разнопланово влиять на образовательную организацию.

Эффективное взаимодействие государства и общества в инновационном развитии российского образования, повышении его качества и доступности, в поиске новых эффективных управленческих механизмов требует теоретического осмысления, анализа, прежде всего, отечественного исторического опыта управления образованием с участием общественности [Акинфиева, 2012].

Длительное время, вплоть до во второй половины XIX в., в российской образовательной системе государственно-общественные взаимоотношения не получали особого развития, не устанавливался диалог власти с обществом по вопросам образования, государство оставалось господствующей силой в данной сфере, решая образовательные вопросы самостоятельно. Активному участию общественности в образовании препятствовало отсутствие в России демократических институтов, низкий уровень развития социально-экономических отношений [Реморенко, 2005].

Во второй половине XIX в. земская реформа способствовала формированию нормативно-правовой базы государственного управления, тем самым вызывая у общественности неподдельный интерес к участию в управлении образованием, к влиянию на образовательную политику. Появляются советы при епархиальных училищах, попечительские советы гимназий и реальных училищ, благотворительные обще-

ства и др., которые можно назвать первыми механизмами общественного влияния на образование. Благодаря деятельности данных советов, общественных органов увеличивалось многоканальное финансирование образовательных учреждений, предъявлялись новые требования к содержанию образования, заставляя образовательные учреждения перестраиваться, находиться в поиске новых форм и методов обучения.

Во время проведения земской реформы во второй половине XIX в. общественность интересовалась не только организационными, материально-финансовыми, техническими вопросами образования, но и содержательно-управленческими образовательными аспектами деятельности городских и земских, сельских школ, активно влияя на их развитие [Гусаров, 2006].

Тем не менее, к началу XX в. ситуация мало изменилась. По мнению П. Ф. Каптерева, выступавшего в 1912 г. на Первом всероссийском съезде учителей, «общество далеко не так влиятельно в постановке образования, как ему подобает быть; физическая сила на стороне государства, а оно до сих пор стремится рассматривать народное образование как простого служащего государства и ставит его далеко не на первое место» [Каптерев, 2004, с. 16].

В советское время социально-педагогическое явление управления

образовательной организацией с привлечением общественности возникло на состоявшемся в феврале 1988 года Пленуме ЦК КПСС, где было указано на необходимость создания в учреждениях общественных советов из числа педагогов, учащихся, их родителей, представителей производства.

Положение о совете школы 1989 года предоставляло школьным советам широкие полномочия от утверждения плана развития школы до контроля за расходованием бюджетных средств и требованием отчетов о работе педагогических и руководящих работников. Часть данных полномочий оказалась непосильной для общественных управляющих, другие полномочия были блокированы властными административными структурами.

В 1992 году Закон Российской Федерации «Об образовании» снял излишние функции с общественного совета, но и лишил его важной роли и значительного места во внутришкольном управлении. Устав образовательного учреждения стал разграничивать полномочия между руководителем и советом школы, это привело к потере властных полномочий общественности в управленческом процессе, что означало усиление единовластия директора школы [Бочкарев, 2001]. Руководители могли не создавать условия для деятельности общественных советов из учителей, обучающихся, их родителей, не

наделять их реальными полномочиями.

Кроме этого, ФЗ 273 дает возможность не принимать Устав на общем собрании школы, директор школы предоставляет его учредителю на утверждение, не согласуя Устав ни с одним из коллегиальных или общественных органов управления. Таким образом, Устав находится вне досягаемости участников образовательных отношений на этапе разработки и утверждения. Исследования по оценке общественного участия в деятельности школы показывают, что руководители не считают родителей компетентными в образовательном процессе и стараются ограничить их управленческое влияние [Вачков, 2018].

Национальный проект «Образование» нацеливает на создание модели вовлечения и участия общественно-деловых объединений и представителей работодателей в управлении образовательными организациями, принятии ими решений по вопросам образования. Планируется, что 70 % общеобразовательных организаций к 2024 году внесут такие изменения в свои управленческие структуры, что может способствовать повышению уровня общественной активности в управлении образованием [Федеральный проект ... , 2018].

Реализовать инновационное направление государственной политики невозможно без грамотного

теоретического обоснования, научно-го осмысления и анализа практики.

Образовательная практика свидетельствует, что для проектирования эффективных механизмов общественного участия в области управления общеобразовательной организацией в современных условиях можно предположить, что целесообразно привлечение общественности к реализации стратегических и контрольных функций [Федорова, 2010].

В последние годы управляющий совет является одним из эффективно действующих коллегиальных органов управления с участием общественности, позволяющий учащимся, их родителям, педагогическим работникам и другим заинтересованным лицам участвовать в управлении общеобразовательной организацией [Рябова, 2016]. Так, например, на сегодняшний день обозначена ориентация перехода на конкурсную основу отбора руководителей общеобразовательных организаций. На практике, в ряде муниципалитетов коллегиальным органам предоставляется возможность участвовать в конкурсных процедурах при назначении на должность руководителя, рассмотрения кандидатуры руководителя общеобразовательной организации, что, несомненно, стимулирует усиление роли органов управления, и усиление ответственности директора за свою деятельность перед общественностью. Управляющий совет, попечительский совет, или

иной коллегиальный орган управления с участием общественности может давать аргументированные рекомендации учредителю по поводу заключения контракта с руководителем [Феофанова, 2015].

Идея развития различных форм участия общественности в управлении образованием находит отражение в региональных и муниципальных нормативных актах, программах, проектах по развитию территорий.

Регионы Российской Федерации находятся в разной степени готовности к принятию коллегиальных форм управления образовательными организациями. Первым был Ханты-Мансийский национальный округ, в котором принят специальный закон об общественно-государственном управлении (Закон «О ГОУ в сфере общего образования ХМАО – Югры»).

В ряде других субъектов Российской Федерации разработаны и реализуются программы внедрения общественного участия в управлении образованием, развития попечительского движения, часть субъектов сформировали нормативную базу государственно-общественного управления. В большинстве субъектов Российской Федерации утверждены Положения об органах государственно-общественного управления, публичной отчетности в сфере образования, общественном наблюдении.

Общественные органы, государственно-общественные органы

управления образовательной организацией сегодня организованы повсеместно, осуществляется переход к широкой институционализации механизмов общественного участия в управлении образованием на всех уровнях.

Примером успешной практики является разработанная эффективная модель деятельности государственно-общественного управления образовательными организациями Москвы, где органы коллегиального управления с участием родителей и представителей местного сообщества наделяются широким кругом полномочий, активно работают, решая важные вопросы образовательной деятельности.

Результаты анализа научно-педагогической литературы по проблематике государственно-общественного управления, анализ опыта практик общественного участия в управлении, ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности, систематическое наблюдение за деятельностью ряда общеобразовательных организаций, организации инновационных площадок в восьми муниципальных районах Нижегородской области свидетельствуют о том, что наиболее востребованными моделями в практике общественного управления являются модели информационной открытости, общественно-активной школы и реализации государственно-общественного управления через организацию социального партнер-

ства, через деятельность ученического и родительского самоуправления [Шобонов, 2016].

Важно понимать, что сегодня необходимо продолжать работу по развитию системы государственно-общественного управления с учетом имеющейся практики и региональных особенностей, по созданию коллегиальных органов управления для повышения качества работы образовательных организаций в целях повышения доступности качественных образовательных услуг.

В условиях информационной открытости целесообразно использовать опыт, накопленный в образовательных организациях, не пытаясь создавать муниципальную модель государственно-общественного управления заново. Информационная открытость общеобразовательной организации, публичная деятельность в сети Интернет являются важным ресурсом расширения общественного участия в управлении. Информационная политика направлена на информирование участников образовательных отношений, профессионального сообщества на предоставление широкого спектра открытой информации, а также формирование целевых аудиторий и на создание условий для формирования социального и профессионального доверия к деятельности общеобразовательной организации. Грамотная информационная политика закладывает основы социального и профессионального интерактивного

взаимодействия в совместном решении задач организации.

Год от года не иссякает интерес к практике расширения общественного участия в управлении не только системой образования, но и образовательными организациями. Отдельные успешные практики сегодня существуют, но от прецедентов к эффективной массовой практике перейти пока не удастся. Не смотря на декларирование государственно-общественного управления, на сегодняшний день можно обозначить трудности, проблемы при реализации общественной составляющей управленческого процесса. Не так оптимистично выглядит дело с эффективной практикой общественного управления, так как коллегиальные органы зачастую создаются административным путем и выполняют, в лучшем случае, совещательные функции, управленческие решения такие общественные органы не принимают, властные полномочия их ограничены. Как правило, такие общественные советы имеют номинальный характер, ограниченную возможность оказывать реальное воздействие на политику образовательной организации, ее стратегию и тактику.

Кроме того, в силу целого ряда объективных (отсутствие правовой, технологической подготовки) и субъективных (неспособность общества «управлять» в силу неразвитости гражданского общества) причин на сегодняшний день значительная часть общества не

только не может, но и не хочет быть полноценным субъектом общественного управления в общеобразовательной организации [Реморенко, 2018].

Перечислим несколько причин низкой активности общественных управляющих:

- низкий уровень управленческих компетенций директоров общеобразовательных организаций в вопросах демократизации управления;
- авторитарный стиль управления многих руководителей общеобразовательных организаций, которые не хотят и не могут делегировать часть властных полномочий органам общественного управления;
- низкий уровень правовой культуры значительной части участников образовательного процесса, не позволяющий им осознать свои права на участие в управлении общеобразовательными организациями;
- отсутствие социально-экономических стимулов у педагогических работников для развития общественной инициативы, самодеятельности и самоуправления обучающихся и их родителей (законных представителей) в сфере образования, и др.

Эффективность государственно-общественного управления муниципальной общеобразовательной организацией предполагает формирование определенных отношений между властью и обществом. Органы местного самоуправления, учредитель, наделяя властными полно-

мочиями руководителя общеобразовательной организации (власть), отражают это в Уставе. То же самое учредитель должен сделать, как минимум, по отношению к педагогам и родителям, фиксируя в Уставе перечень коллегиальных и общественных органов управления с участием других заинтересованных сторон в образовательной деятельности (общество) и уровень их властных полномочий. Таким образом, каждый из участников образовательных отношений и стейкхолдеров выступает или может выступать в образовательном пространстве субъектом таких отношений.

Быть полноправным участником процесса управления образованием, наладить субъектно-субъектные отношения можно благодаря договорным отношениям между руководителем общеобразовательной организации и представителями социума, общества в лице родительской, педагогической общественности и иных стейкхолдеров образовательного пространства. Самостоятельность, автономность каждого субъекта, если таковая действительно имеется, не должна вступать в противоречие, быть причиной конфликтных ситуаций в управлении. Такие договорные отношения конкретизируют условия образования. Вопрос в том, существуют ли такие договорные отношения, имеют они подлинный, а не мнимый характер. Довольно типична проблема существования формальных взаимоотношений

между руководителем общеобразовательной организации и членами коллегиального общественного органа управления, между коллегиальными органами управления. Школьное общественное управление может быть эффективным тогда, когда каждый субъект будет обладать не «мифическими», а реальными взаимными обязательствами, установленными в результате переговорного процесса. Переговороспособность директора выступает на первый план в создании соответствующих управленческих структур, умении взаимодействовать с общественными управляющими, а также в закреплении в правовом поле функций, полномочий и ответственности участников государственно-общественного управления образованием [Хасан, 2016].

Определение дальнейших путей развития общественного участия в управлении общеобразовательной организацией, демократизация образовательного процесса зависит, прежде всего, от субъектности всех участников органов государственно-общественного управления, от руководства, педагогического коллектива общеобразовательной организации, их готовности и способности взаимодействовать в управлении с общественностью и устанавливать реальные договорные отношения.

Для перехода от авторитарного к демократическому характеру управления школой необходимо, чтобы все участники образователь-

ных отношений имели мотивацию, желание, необходимый объем знаний, уровень компетенций для включения в управленческую деятельность [Реморенко, 2017].

Реальное, деятельное общественное участие в управлении общеобразовательной организацией могло бы развиваться интенсивнее в случае более эффективного школьного менеджмента. По нашему мнению, руководители общеобразовательных организаций должны акцентировать внимание на развитии у себя важного управленческого потенциала, таких компетенций как умение создавать команду, включать в функционирование команды всех ее членов, делегировать обязанности и полномочия. Не менее важными являются коммуникационные и презентационные умения, умение брать ответственность

на себя и умение делегировать ответственность.

Муниципальная образовательная система, обладающая мощным потенциалом развития, с учетом экономических, социокультурных условий может также сформулировать и предложить некие концептуальные основы и механизмы государственно-общественного управления. Задача органов управления образованием на муниципальном уровне с учетом автономности общеобразовательных организаций заключается в том, чтобы создавать условия для мотивации, развития компетенций как руководителей, так и педагогов, учащихся и их родителей, других заинтересованных сторон для повышения уровня управления современной общеобразовательной организацией.

Библиографический список

1. Акинфиева Н. В. Становление государственно-общественного управления образовательными системами как необходимое условие стратегического развития // Управление образованием. 2012. № 4. С. 30–35
2. Бочкарев В. И. Государственно-общественное управление образованием: каким ему быть? // Педагогика. 2001. №2. С. 9–13.
3. Вачков И. В. Общественное участие в деятельности образовательных организаций: оценка родителей и директоров школ / И. В. Вачков, С. Н. Вачкова // Проблемы современного образования. 2018. № 4. С. 102–112.
4. Гончаров М. А. Государственно-общественное управление педагогическим образованием в России в XVIII - начале XX века. Москва : Пробел, 2013. 399 с.
5. Гусаров В. И. Государственно-общественное образование : монография. Самара : НТЦ. 2006. 496 с.
6. Каптерев П. Ф. История русской педагогики. Санкт-Петербург : Алетей, 2004. 560 с.
7. Моисеев А. М. Учебно-методические материалы по организации деятельности Управляющих Советов / под общей редакцией А. М. Моисеева. Москва : МГОУ, 2004. 176 с.

8. Пинский А. А. Общественное участие в управлении школой: на пути к школьным управляющим советам // Вопросы образования. 2004. № 2. С. 12–45.
9. Реморенко И. М. Теоретические основы взаимодействия гражданского общества и государства в истории педагогической мысли // Философия образования. 2018. № 76. Вып. 3. С. 91–97.
10. Реморенко И. М. Разное управление для разного. Москва : Агентство образовательного сотрудничества, 2005. 368 с.
11. Реморенко И. М. Государственно-общественные механизмы регулирования образования. Москва : Перо, 2017. 482 с.
12. Рябова И. Г. Формирование социально-экономической компетентности педагога в сфере общественного управления школой / И. Г. Рябова, Н. В. Гуляева // Интеграция образования. 2016. Т. 20, № 1. С. 20–28.
13. Седельников А. А. Деятельность управляющего совета в условиях реформы бюджетных учреждений // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2010. № 11. С. 26-35.
14. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
15. Федеральный проект «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
16. Федорова Н. М. Становление государственно-общественного управления школьным образованием в России : монография. Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2010. 265 с.
17. Феофанова О. А. Государственно-общественное управление образованием: результаты и перспективы / О. А. Феофанова, Е. М. Шимуткина // Народное образование. 2015. № 8. С. 14-19.
18. Хасан Б. И. Подлинные и мнимые договорные отношения в образовании // Материалы XXII научно-практической конференции «Практики развития: новые отношения в образовании, их реализация и возможности управления». Красноярск : Институт психологии практик развития, 2016. С. 7-21.
19. Шобонов Н. А. Государственно-общественное управление в условиях реализации федерального закона «Об образовании в РФ» // Народное образование. 2016. №9-10. С. 46-51.
20. Шобонов Н. А. Общественное участие в управлении сельской школой как условие создания психологически комфортной образовательной среды // Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды в сельской школе: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 523-531.

Reference list

1. Akinfieva N. V. Stanovlenie gosudarstvenno-obshhestvennogo upravlenija obrazovatel'nyimi sistemami kak neobhodimoe uslovie strategicheskogo razvitija = The formation of state-public management of educational systems as a prerequisite for strategic development // Upravlenie obrazovaniem. 2012. № 4. S. 30–35

2. Bochkarev V. I. Gosudarstvenno-obshhestvennoe upravlenie obrazovaniem: kakim emu byt'? = Public administration of education: what should it be?// Pedagogika. 2001. №2. S. 9–13.
3. Vachkov I. V. Obshhestvennoe uchastie v dejatel'nosti obrazovatel'nyh organizacij: ocenka roditel'ev i direktorov shkol = Public participation in the activities of educational organizations: assessment of parents and school principals / I. V. Vachkov, S. N. Vachkova // Problemy sovremennogo obrazovanija. 2018. № 4. S. 102–112.
4. Goncharov M. A. Gosudarstvenno-obshhestvennoe upravlenie pedagogicheskim obrazovaniem v Rossii v XVIII – nachale XX veka = State-public administration of pedagogical education in Russia in the XVIII – early XX centuries. Moskva : Probel, 2013. 399 s.
5. Gusarov V. I. Gosudarstvenno-obshhestvennoe obrazovanie = Public education : monografija. Samara : NTC. 2006. 496 s.
6. Kapterev P.F. Istorija russkoj pedagogii = History of Russian pedagogy Sankt-Peterburg : Aleteija, 2004. 560 s.
7. Moiseev A. M. Uchebno-metodicheskie materialy po organizacii dejatel'nosti Upravljajushhih Sovetov = Educational and methodological materials on the organization of the activities of the Governing Councils / pod obshhej redakciej A. M. Moiseeva. Moskva : MGOU, 2004. 176 s.
8. Pinskij A. A. Obshhestvennoe uchastie v upravlenii shkolaj: na puti k shkol'nyh upravljajushhim sovetam = Community involvement in school management: on the way to school governing boards // Voprosy obrazovanija. 2004. № 2. S. 12–45.
9. Remorenko I. M. Teoreticheskie osnovy vzaimodejstvija grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva v istorii pedagogicheskoj mysli = Theoretical foundations of interaction between civil society and the state in the history of pedagogical thought // Filosofija obrazovanija. 2018. № 76. Vyp. 3. S. 91–97.
10. Remorenko I. M. Raznoe upravlenie dlja raznogo = Different controls for different Moskva : Agentstvo obrazovatel'nogo sotrudnichestva, 2005. 368 s.
11. Remorenko I. M. Gosudarstvenno-obshhestvennye mehanizmy regulirovanija obrazovanija = Public mechanisms for regulating education. Moskva : Pero, 2017. 482 s.
12. Rjabova I. G. Formirovanie social'no-jekonomicheskoj kompetentnosti pedagoga v sfere obshhestvennogo upravlenija shkolaj = Formation of socio-economic competence of the teacher in the field of public administration of the school / I. G. Rjabova, N. V. Guljaeva // Integracija obrazovanija. 2016. T. 20, № 1. S. 20–28.
13. Sedel'nikov A. A. Dejatel'nost' upravljajushhego soveta v uslovijah reformy bjudzhetnyh uchrezhdenij = Activities of the governing council in the context of reform of budgetary institutions // Spravochnik rukovoditelja obrazovatel'nogo uchrezhdenija. 2010. № 11. S. 26-35.
14. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» = Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation”.
15. Federal'nyj proekt «Uspeh kazhdogo rebenka» nacional'nogo proekta «Obrazovanie», utverzhdennyj prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nyh proektam (protokol ot 24 dekabrya 2018 g. № 16) = The federal project “Success of every child” of the national project

“Education”, approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of the Russian Federation (Protocol No. 16 of December 24, 2018).

16. Fedorova N. M. Stanovlenie gosudarstvenno-obshhestvennogo upravlenija shkol'nym obrazovaniem v Rossii = The formation of public administration of school education in Russia : monografija. Sankt-Peterburg : LEMA, 2010. 265 s.

17. Feofanova O. A. Gosudarstvenno-obshhestvennoe upravlenie obrazovaniem: rezul'taty i perspektivy = State-public education management: outcomes and perspectives / O. A. Feofanova, E. M. Shimutina // Narodnoe obrazovanie. 2015. № 8. S. 14-19.

18. Hasan B. I. Podlinnye i mnimye dogovornye otnoshenija v obrazovanii = Genuine and imaginary contractual relationships in education // Materialy XXII nauchno-prakticheskoi konferencii “Praktiki razvitija: novye otnoshenija v obrazovanii, ih realizacija i vozmozhnosti upravlenija”. Krasnojarsk : Institut psihologii praktik razvitija, 2016. S. 7-21.

19. Shobonov N. A. Gosudarstvenno-obshhestvennoe upravlenie v uslovijah realizacii federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v RF» = Public administration in the context of the implementation of the federal law “On Education in the Russian Federation” // Narodnoe obrazovanie. 2016. №9-10. S. 46-51.

20. Shobonov N. A. Obshhestvennoe uchastie v upravlenii sel'skoj shkoloj kak uslovie sozdanija psihologicheskoi komfortnoj obrazovatel'noj sredy = Public participation in the management of a rural school as a condition for creating a psychologically comfortable educational environment // Formirovanie psihologicheskoi komfortnoj i bezopasnoj obrazovatel'noj sredy v sel'skoj shkole: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 523-531.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 01.04.2022; approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья

УДК 37.01

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-107-123

EDN: UROFBF

Педагогические условия профилактики рискованного поведения старшеклассников средствами нравственного закаливания

Жанна Анатольевна Захарова^{1✉}, Вадим Николаевич Якунин²

¹Доктор педагогических наук, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома

²Заместитель начальника факультета радиотехнического обеспечения полетов авиации ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО», г. Ярославль

¹janna_z@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8795-1535>

²vadim_yakunin@bk.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования продиктована озабоченностью государства и общества, ученых, педагогов-практиков, родителей проблемами взросления детей и молодежи, их физическим, психическим, социальным здоровьем в ситуации трансформации социально-экономического развития страны, результаты которого затронули жизненно важные сферы и социальные институты.

В периоды трансформации общественных отношений и жизненных укладов подрастающие поколения из-за недостатка опыта ориентации в изменениях, происходящих в микросоциуме и макросреде, очень часто оказываются в группе социального риска, подвергаются влияниям деструктивных факторов, демонстрируют различные варианты рискованного поведения.

Цель исследования – выявить и обосновать совокупность педагогических условий и методику использования нравственного закаливания обучающихся старшего школьного возраста в процессе профилактики их рискованного поведения.

Задачи исследования: раскрыть сущность понятия «рискованное поведение» и охарактеризовать его особенности в старшем школьном возрасте; проанализировать современные подходы и способы профилактики рискованного поведения несовершеннолетних; рассмотреть нравственное закаливание с позиции педагогического средства превенции рискованного поведения старшеклассников; разработать комплекс предупредительных мер и логику их реализации для обеспечения

минимизации причин и факторов рискованного поведения с использованием нравственного закаливания; определить эффективность использования нравственного закаливания как средства профилактики рискованного поведения обучающихся.

Практическая значимость исследования определяется тем, что теоретический материал, эмпирические данные, выводы и обобщения могут выступать основой для разработки методических рекомендаций, инновационных технологий превентивной деятельности, обогащения фактами и методиками дисциплин психолого-педагогического цикла в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования.

Адаптированные диагностические методики могут быть использованы при разработке профилактических и мониторинговых программ в образовательных организациях различных типов и видов, во внеурочной деятельности, в подготовке и повышении квалификации классных руководителей, социальных педагогов, педагогов-психологов, преподавателей основ безопасности жизнедеятельности.

Ключевые слова: нравственное закаливание; старшеклассники; профилактика; средство; рискованное поведение; педагогические условия; методика профилактики рискованного поведения

Для цитирования: Захарова Ж. А., Якунин В. Н. Педагогические условия профилактики рискованного поведения старшеклассников средствами нравственного закаливания // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 107-123. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-107-123>. <https://elibrary.ru/UROFBF>.

Original article

Pedagogical conditions for the prevention of risky behavior of high school students by means of moral hardening

Zhanna A. Zakharova^{1✉}, Vadim N. Yakunin²

¹Doctor of pedagogical sciences, head of department of psychological and pedagogical education, Kostroma state university, Kostroma

²Deputy head of faculty of radio engineering aviation flights, Yaroslavl higher military school of air defense, Yaroslavl

¹janna_z@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8795-1535>

²vadim_yakunin@bk.ru

Abstract. The relevance of the research topic is dictated by the concern of the state and society, scientists, teachers, practitioners, parents with the problems of growing up children, adolescents, youth, their physical, mental,

social health in a situation of transformation of the country's socio-economic development, the results of which affected vital areas and social institutions.

During periods of transformation of social relations and lifestyles, the younger generations, due to a lack of experience in orienting themselves in the changes taking place in the micro-society and the macro-environment, very often find themselves in a group of social risk, become exposed to the influence of destructive factors, demonstrate various options for risky behavior.

The purpose of the study is to identify and substantiate a set of pedagogical conditions and methodology for using the moral hardening of older students in the prevention of their risky behavior.

Research objectives are to reveal the essence of the concept of “risk behavior” and to characterize its features in senior school age; to analyze modern approaches and methods to prevent risky behavior of minors; consider moral hardening from the position of a pedagogical means of preventing risky behavior of high school students; develop a set of preventive measures and the logic of their implementation to ensure the minimization of the causes and factors of risky behavior using moral hardening; to determine the effectiveness of the use of moral hardening as a means of preventing risky behavior of students.

The practical significance of the study is determined by the fact that the theoretical material, empirical data, conclusions and generalizations can serve as the basis for the development of methodological recommendations, innovative technologies for preventive activities, enrichment with facts and methods of the disciplines of the psychological and pedagogical cycle in colleges and universities.

Adapted diagnostic methods can be used in the development of preventive and monitoring programs in educational institutions of various types and kinds, in extracurricular activities, in the training and advanced training of class teachers, social teachers, educational psychologists, and life safety teachers.

Keywords: moral hardening; high school students; prevention; means; risky behavior; pedagogical conditions; method of risky behavior prevention

For citation: Zakharova Zh. A., Yakunin V. N. Pedagogical conditions for the prevention of risky behavior of high school students by means of moral hardening. *Social and political researches*. 2022;2(15):107-123. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-107-123>. <https://elibrary.ru/UROFBF>.

Введение

Актуальность темы исследования продиктована озабоченностью государства и общества, ученых,

педагогов-практиков, родителей проблемами взросления детей, подростков, молодежи, их физическим, психическим, социальным здоро-

всем в ситуации трансформации социально-экономического развития страны, результаты которого затронули жизненно важные сферы и социальные институты.

В периоды трансформации общественных отношений и жизненных укладов подрастающие поколения из-за недостатка опыта ориентации в изменениях, происходящих в макросреде и микросоциуме, очень часто оказываются в группе социального риска, попадают под влияние деструктивных факторов, демонстрируют различные варианты рискованного поведения, которое в педагогике трактуется как действия, поступки личности в условиях выбора в ситуациях неопределенности и ведет к угрозе благополучия человека, представляет опасность для его физического, психологического и социального развития.

Методы исследования

Для решения поставленных задач, проверки исходных научных положений использовался комплекс методов исследования: теоретические – сравнительно-сопоставительный анализ литературы по проблеме, моделирование; эмпирические – наблюдение, изучение документации, обобщение педагогического опыта, акцентирование, тестирование, опытно-экспериментальная работа.

Результаты исследования

Термин «профилактика» широко используется в различных сферах (в

технике, медицине, экономике, юриспруденции, психологии, педагогике) и означает *совокупность предупредительных действий, направленных на недопущение отклонений в развитии социализации человека, поддержание благоприятных условий и нейтрализацию (минимизацию) факторов, мешающих нормальному становлению личности.*

Профилактика рискованного поведения несовершеннолетних – комплексная система превентивных действий, призванная снизить или нейтрализовать негативное влияние факторов, ведущих к поступкам, несущим опасности для их жизни, здоровья, социализации.

Нравственное закаливание – комплекс социальных и психолого-педагогических мер, направленных на совершенствование умений старшеклассников противостоять негативным влияниям внешних обстоятельств и актуализацию личностных ресурсов для преодоления жизненных трудностей.

Нравственное закаливание несовершеннолетних предполагает расширение их социального опыта, формирование у них умений и навыков поддержания жизнеспособности в специально создаваемых или спонтанно возникающих ситуациях с негативной эмоциональной насыщенностью, действия в условиях альтернативности выбора.

Нравственное закаливание может осуществляться в различных видах деятельности. При этом особая роль принадлежит ему в про-

филактике разного рода отклонений в поведении человека.

Профилактика рискованного поведения представляет собой сложный, многоплановый, крайне противоречивый процесс, требующий больших усилий со стороны всех заинтересованных лиц, но не всегда приносящий ожидаемые результаты в силу многообразия его форм, видов, типов и многосторонности самих результатов, которые могут быть на личностном и индивидуальном уровне касаться изменений в поведенческой (в модели поведения), отношенческой (ровные, адекватные), мотивационной (осознанные выборы), ценностной (социально одобряемые ориентации, нормы, правила) сферах (И. А. Колесникова, В. А. Сластенин и др.) [Залетов, 2006; Колесникова, 2007]. Этим объясняется, что в каждом конкретном случае следует рассматривать научно-обоснованный комплекс обстоятельств, способствующих достижению намеченной цели или действующих нейтрально. Поэтому, вводя новое средство, целесообразно раскрыть и те условия, при которых возможен положительный результат.

Педагогическое условие – это внешнее обстоятельство, оказывающее существенное влияние на протекание процессов воспитания, обучения, социализации, закономерно предполагающее, гарантирующее определенный результат [Борытко, 2007]. Педагогическое условие в той или иной мере созна-

тельно конструируется педагогом (экспериментатором) с учетом цели, возраста обучающихся (воспитанников), имеющегося в распоряжении диагностического и методического инструментария, иных ресурсов.

Применительно к теме нашего исследования к таким условиям мы отнесли:

- наличие системной подготовки старшеклассников к преодолению трудных жизненных ситуаций;
- укрепление у обучающихся старшего школьного возраста социального иммунитета;
- расширение социокультурного пространства жизнедеятельности старшеклассников, его насыщение разноплановым организованным досугом;
- развитие у педагогов конфликтологической компетентности.

Подготовка подразумевает формирование и обогащение установок, знаний, умений и навыков, необходимых человеку для адекватного реагирования на происходящие изменения вокруг, для эффективного выполнения специальных задач, для каждодневных действий и выборов в жизни.

Следовательно, подготовка как педагогический феномен призвана обеспечить приобретение несовершеннолетними конструктивных стратегий поведения в ситуациях разногласий с педагогами и родителями; сформировать готовность к конструктивному поведению в

условиях неопределенности позиций, мотивов, ресурсов, целей участников взаимодействия; способствовать развитию ценностных ориентаций, принятых в обществе, укреплению установки на здоровый образ жизни, повышению стрессоустойчивости.

В психолого-педагогической литературе [Безрукова, 2013; Белкин, 2000; Дивногорцева, 2004; Четверик, 2015 и др.] подчеркивается ряд моментов:

а) типы таких ситуаций могут быть представлены несколькими группами: в деятельности они подразделяются на параллельные (необходимость решения новой задачи), критические (угроза безопасности личности и среды ее обитания), экстремальные (опасность жизни и здоровью, благополучию окружающих); во взаимодействии они могут быть разного уровня сложности: проблемной (вызревшее и осознаваемое противоречие, отсутствие желания идти на компромисс); в бытовой сфере они могут рождаться неизвестностью (не знаю, как поступить), потерей (ориентиров), опасностью (угрозой для жизни и здоровья); во внутриличностном развитии могут выражаться в затруднениях (сомнениях, нерешительности), конфликтах (внутренних противоречиях), кризисах (продолжительных переживаниях с некоторыми психическими изменениями);

б) алгоритм развития такой ситуации включает несколько шагов:

социальные изменения – ситуация – поведение – отражение – преодоление – стабилизация поведения; неуспешное решение – рискованное поведение.

Новые изменения будут запускать данный процесс вновь. Поэтому смысл профилактики будет состоять в том, чтобы подготовить человека к столкновению с аналогичными ситуациями, к пониманию естественности их возникновения в повседневной жизни, к информированности о способах развития имеющегося противоречия, снятия напряженности, восстановления нарушенного баланса;

в) провоцирует трудные ситуации чаще всего комплекс факторов: когнитивный (недостаток знаний, умений, навыков для нормальной жизнедеятельности, успешного функционирования в обществе в целом, в конкретном сообществе, в частности); витальные (ощущение безвыходности, невозможности существования при данном стечении обстоятельств, с одной стороны, и непониманием перспектив, с другой); поведенческий (отсутствие сформированных моделей поведения в аналогичных ситуациях); прогностический (отсутствие навыков просчета последствий собственных действий). Поэтому профилактика рискованного поведения, задачами которой являются минимизация влияния перечисленных факторов и одновременно укрепление жизнестойкости несовершеннолетних, требует системности

(взаимосвязи элементов, взаимодействия методов и форм) и продуманности превентивных действий;

г) трудные жизненные ситуации становятся инициаторами рискованного поведения в подростковом и раннем юношеском возрасте из-за неуравновешенности в системе отношений человека с окружающим миром, неготовности противостоять давлению со стороны других, внешних обстоятельств, преследующих неудач, поэтому важную роль играют средства нравственного закаливания, которые обеспечивают формирование психологической и нравственной устойчивости, преодоление фобий, прогнозирование возможных вариантов действий при решении личных, межличностных, социальных проблем.

Таким образом, в целях профилактики рискованного поведения трудные жизненные ситуации становятся платформой для расширения опыта выбора адекватного действия, проверки мнения окружающих по поводу правильности решения, для отработки умений и навыков определения последствий предлагаемых шагов. Сложность заключенных в них дилемм выступает средством нравственного закаливания старшеклассников.

Системность подготовки понимается нами как упорядоченность элементов, выстраивание их в определенной логике, способствующей формированию и обогащению у обучающихся (воспитанни-

ков) установок, знаний и навыков, позволяющих им действовать адекватно возникающим ситуациям неопределенности.

Такая подготовка предполагает включение ряда ситуаций, вызывающих особенно сильные переживания, рождающие психологический дискомфорт (ситуации поиска, новизны, непредсказуемости, ограничения, давления, многомерности, конфликта, утраты), и проблемных сфер («Моя внешность», «Мои отношения», «Мои успехи и неудачи», «Мои планы, интересы, потребности», «События в моей жизни», « Мои затруднения»).

Основу содержания подготовки составляет развитие физических и познавательных сил старшеклассников, их практических действий при помощи совокупности сведений, ориентирующих на ценностное отношение к себе и другим людям, к окружающему миру, к творческой деятельности, к самостоятельному конструктивному решению жизненных трудностей, помогающих сформировать представления о риске, его причинах, формах, видах и последствиях влияния на личность при деструктивных стратегиях поведения (агрессивность, мнительность, конфликтность и т. п.).

Содержательными блоками выступают:

а) просвещение, под которым понимается распространение знаний, иных достижений культуры, способствующих правильному пониманию жизни в целом или ее от-

дельных сторон, пропаганда идей в целях привлечения и участия в их воплощении [Мардахаев, 2002]:

- проблемы нравственно-правовой культуры (знакомство с общечеловеческими и возрастными нормами морали и законом, с понятиями «безопасность», «самосохранное», «саморазрушительное», «рискованное» поведение, «потенциальная» и «реальная» угроза, «компромисс», «осторожность», «уравновешенность»);

- вопросы рационального использования свободного времени, занятости, заинтересованности (знакомство с понятиями активного отдыха, релаксации, рекреации, способами проведения свободного времени, развития творческих способностей, хобби разных людей) с использованием цикла занятий «люди и судьбы», встреч «Портрет интересного человека», экскурсий в музеи, посещение тематических выставок с последующим обсуждением;

б) обучение – специально организуемая, педагогически направляемая деятельность, в центре внимания которой находится формирование определенных знаний, умений и навыков, опыта поведения и целенаправленных действий у старшеклассников для решения задач профилактики возникновения негативных событий в их жизни и отклонений в развитии, социализации.

Результатом обучения должно стать наличие у обучающихся ин-

теллектуальной, психологической и социальной готовности к эффективному взаимодействию с разными людьми в ситуациях неопределенности, с одной стороны, и, с другой стороны, на предупреждение возможных трудностей, ведущих к агрессивной, асоциальной, саморазрушительной позиции.

Такое обучение будет иметь специфическое содержание, включающее теоретические знания, развитие коммуникативных умений, коррекцию социальных установок, превенцию стрессогенных ситуаций.

Способами реализации данного содержания являются мини-лекции («Простые истины», «Секреты эффективного общения», «Искусство держать удар», «Опасные люди», «Стресс и борьба с ним» и др.), анализ конкретных ситуаций, генерация идей, тренинги («Как находить общий язык с любым человеком», «Как завоевать доверие окружающих», «Выход из лабиринта» и др.), ролевые игры («Я и он», «Воля-разум-любопытство», «Встречное движение», «Твоя безопасность в твоих руках» и др.).

Следовательно, обучение дополняет и рассматривает, с одной стороны, акцентирует внимание на детали и конкретизирует взаимосвязи (обстоятельство – человек – его действия – их последствия), стимулирует накопление знаний, помогающих правильно действовать при столкновениях с трудностями, с другой стороны;

в) практика – целенаправленная педагогически инструментированная чувственно-предметная деятельность, ориентированная на формирование и развитие определенных навыков, их закрепление в процессе выполнения определенных видов заданий. Это обучающая деятельность, расширяющая, во-первых, границы ранее усвоенных знаний, имеющегося личного опыта поведения в трудных жизненных ситуациях; во-вторых, обогащающая представления старшеклассников о правилах и нормах поведения, целесообразных действиях в том или ином случае; в-третьих, стимулирующая освоение новых, «отработку» имеющихся социальных навыков, познание не внешней стороны трудной жизненной ситуации, а внутренней, не бросающейся в глаза, неочевидной, проживание ее, «пропускание» через себя; в-четвертых, учитывающая склонность, стремление старшеклассников к экспериментированию при разном стечении обстоятельств, из чего, как в мозаике, складывается у них многомерный образ трудности, риска, угрозы, опасностей и возможности противодействия им.

Реализовать эти идеи позволяет использование упражнений типа: «Алфавит», «Да – нет», «Калейдоскоп желаний», «Движение по лабиринту» и др., анализ или моделирование их в контексте техник «Истории», «Варианты развития событий», «Портрет пострадавшего»,

тренинг «Примирения с открытыми глазами», «Учимся говорить: “Нет”!», «ролевые игры» («Уходят» в «Дрейф», «Первые-лучшие?»), дискуссии («Синдром Робин Гуда», «Смотреть или действовать» и др.).

Таким образом, данное условие предполагает логику: узнал (Что такое? Что происходит? Почему? Чем грозит? Что делать?), проверил целесообразность предмета разговора в ходе обсуждения или размышлений (анализ, синтез, доводы «за» и «против»), с помощью моделирования и имитаций примерил к своим обстоятельствам, сформировал свое отношение, занял определенную позицию.

Другое условие – укрепление социального иммунитета старшеклассников.

Термин «иммунитет» в последние годы получил широкое использование в естественно-научной и гуманитарной литературе. Наиболее распространенная и простая классификация иммунитета включает два вида: врожденный (пассивный, наследуемый) и приобретенный (активный, появившейся после перенесенной болезни), естественный и искусственный (сформировавшийся в результате вакцинации).

В юриспруденции иммунитет – это защищенность, обеспечивающая предписания определенного поведения, разрешения и запрещения некоторых действий в определенных ситуациях.

Следовательно, иммунитет – это система реакций организма при столкновении человека с различными чужеродными внешними и внутренними воздействиями, призванная его защищать. Иммунитет бывает индивидуальным и коллективным, о последнем чаще всего говорят в периоды эпидемии.

Во многом по аналогии с естественно-научной трактовкой иммунитета дается определение социальному иммунитету как способности общества противостоять социальным рискам и угрозам внешнего характера, проникновению чужеродных элементов (ценностей, норм, культурных образцов), разрушающих его целостность (З. А. Жалуев); как механизм невосприятия обществом юных аномалий его естественно-исторического развития, отклонений, способных переродиться в социально-патологические формы (Л. Штейн и др.). В данном случае речь идет о коллективном виде социального иммунитета.

Как индивидуальный вид социальный иммунитет, отражая интересы большинства членов общества (сообщества), также выполняет ряд функций, к которым относят:

а) оптимальный уровень защищенности личности, который вырабатывается в процессе продуманного социального образования и организации социального взаимодействия индивидов, их участия в общественной жизни;

б) более успешный процесс и результат адаптации человека к быстро изменяющимся условиям социальной среды, самодостаточность в общении;

в) сохранение нравственно устойчивого поведения, его укрепление в ситуациях неопределенности, придавая определенный рисунок действиям, наличие которого, с одной стороны, составляет основу социальной жизни человека в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами и принципами, с другой стороны, позволяет прогнозировать его будущие поступки и оказывать ему адресную помощь.

Снижают социальный иммунитет неумение строить взаимоотношения с окружающими, стрессы, переутомление, вредные привычки, нежелание участвовать в общей деятельности, работать в команде, низкий уровень сформированности социальных навыков, социокультурная травма (П. Штомпка), отсутствие заинтересованности в учебно-познавательной деятельности, в общественно-полезном труде, недостаток социальных контактов, отсутствие позитивных жизненных планов, доверия к людям, образа для подражания. В своей совокупности при разном сочетании данные характеристики способствуют при ослаблении социального иммунитета принятию чужих ценностей, социально-бытовых установок, деструктивных способов проведения

свободного времени, рискованных форм поведения.

В основе профилактики данного рода отклонений лежит преумножение социального иммунитета и прежде всего в подростковом и раннем юношеском возрасте в процессе воспитания (Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн) с использованием средств нравственного закаливания Шеринга и проб (Т. Котарбинский, М. И. Рожков).

Особое место в укреплении социального иммунитета отводится проживанию обучающимся для преодоления негативного воздействия социума, овладения определенными способами данного преодоления, адекватных индивидуальным особенностям человека, стрессоустойчивости, рефлексивной позиции, расширению жизненного опыта [Рожков, 2014].

Обеспечивается достижение ожидаемого результата, если несовершеннолетнего ставят перед необходимостью сделать выбор, принять решение, сориентироваться в противоречии неопределенности в процессе пробы, непродолжительного по времени, логически заверщенного, включающего в своем содержании набор нравственных альтернатив, требующего найти оптимальное решение, используя собственные ресурсы и потенциалы, действия.

Третьим педагогическим условием успешной профилактики рискованного поведения у обучающихся старшего школьного возраста

является расширение социокультурного пространства, насыщение его разноплановым досугом, что продиктовано несколькими обстоятельствами: во-первых, особенностями возраста, для которого характерен поиск новых видов и форм деятельности для самоутверждения и самовыражения, стремление к пробе своих сил и возможностей в разных сферах (Б. С. Волков, И. С. Кон, А. В. Мудрик, Х. Ремшмидт, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн и др.), во-вторых, проявлением потребности в поисковой активности (В. В. Аршавский, В. С. Ротенберг, А. В. Мудрик и др.), в экспериментировании (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др.), в качественном личном опыте (С. А. Беичева, М. Р. Битянова, Л. И. Божович, Л. С. Колесова, Г. Г. Силласте и др.), для реализации которых необходима соответствующая территория; в-третьих, стремление к успешности, соревновательности, к достижениям, которые соответствующим образом оцениваются окружающими и по-разному проявляются у них в деятельности, исходя из личностного потенциала.

Следовательно, чем больше предоставляется возможностей, чем богаче выбор, чем продуманнее уровни сложности, тем реальнее ситуации, в которых каждый подросток, юноша найдет себе удовлетворяющее его занятие, сможет наладить конструктивное взаимодействие с социумом и взрослой

культурой, выбрать для себя одобряемую модель поведения (И. А. Зимняя, Ю. А. Кяйберг, Р. В. Овчарова, С. Д. Поляков, Л. Б. Шнейдер и др.); в-четвертых, ориентацией в подростковом и раннем юношеском возрасте на праздничное общение, на карнавализацию повседневной жизни, на самовыражение и присвоения моделей поведения в процессе игры в жизни [Мудрик, 2017], на свою рискованность в одежде, поступках, эстетических и спортивных предпочтениях.

Таким образом, суть данного условия заключается в том, чтобы, расширяя пространство, сделать его большим по числу компонентов, а разнообразив, усилить содержание духовно-нравственным самоопределением в обществе, в культуре, в своем будущем предоставлении возможности в реализации собственной активности, творческого начала; внести себя, не нарушая прав, правил, норм общественной жизни, удовлетворять потребности, не преступая законов, действовать, не причиняя вреда себе и другим, принимать нравственную ответственность на себя.

Четвертое условие связано с формированием и развитием у педагогов конфликтологической компетентности, что объясняется особенностями реагирования учителей, воспитателей, классных руководителей, специалистов (психологов, организаторов досуга, социальных педагогов) на факты рискованного поведения обучающихся, которое

нередко бывает неадекватно поступкам старшеклассников и не только не решает проблему, а иницирует нарастание противоречий, порождает остроту напряжения в отношениях.

На сегодняшний день встречается множество трактовок термина «компетентность», но чаще всего она определяется как обладание компетенцией; знаниями, позволяющими судить о чем-либо; достаточным уровнем образованности для принятия самостоятельных решений [Слободчиков, 1995]; как способность и готовность человека эффективно действовать в соответствующих ситуациях жизнедеятельности (И. А. Зимняя и др.) [Зимняя, 2001].

Конфликтологическая компетентность – определенный уровень осведомленности индивида о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте и умений их реализовать в конкретных условиях (Б. И. Хасан); сложная система знаний и умений, внутренних психических состояний, свойств, личности специалиста, выполняющая интегративную функцию, стимулирующая предметно-познавательную деятельность, способствующая продуктивному решению профессиональных проблем (В. В. Шерниязова) [Шерниязова, 2010].

Содержательные аспекты конфликтологической компетентности педагогов будут включать совокупность знаний и предоставлений о причинах, конструктивности и де-

структивности, динамике протекания конфликтов, средствах и способах их разрешения; умений и навыков регулировать отношения между людьми, занимать конструктивную позицию в конфликтных ситуациях, проектировать свое поведение как бесконфликтное; владение технологиями и стратегиями управления и разрешения конфликтных противоречий, рефлексивного слушания; понимание конфликта как естественного состояния в процессе взаимодействия, отказ от позиции себя как носителя истины в последней инстанции при принятии и реализации планов урегулирования столкновений между старшеклассниками и их со взрослыми.

Способами реализации данного содержания стали:

– мини-лекции – систематическое, последовательное, монологическое изложение теоретического материала, когда в центре внимания находятся конкретные научные положения, которые преподносятся в сочетании с приемами активизации познавательной деятельности (презентации). Для таких лекций установлен ряд требований: обобщенность, лаконичность, кумулятивность, четкость аргументации, недвусмысленность терминологии, доступность содержания, движение от сложных проблем к понятным формулировкам.

Назначение данного способа познания нового может быть сформировано в виде функций: социально-

образовательной, культурно-просветительной, ценностно-ориентационной, педагогически инструментированной.

Благодаря таким лекциям педагоги частично актуализируют ранее усвоенные знания, устанавливают междисциплинарные связи, частично восстанавливают прежнюю информацию и получают новую. В результате участники договариваются о том, что конфликт – наиболее острый способ разрешения противоречий, возникающих в процессе взаимодействия сторон. Он бывает разных видов, развивается (эволюционирует), имеет сложную структуру, может возникать в деловой или личностной сфере, проходить ряд стадий, различаться стратегиями действий и носить конструктивный или деструктивный характер.

Следовательно, с помощью мини-лекций педагоги вооружались знаниями, у них формировались представления о конфликте;

– практикумы, которые проводились в конце каждого раздела для закрепления и коррекции учебной информации при помощи: а) анализа конкретных ситуаций, позволяющего определять и формулировать предмет, стороны, причины, границы конфликта, действия оппонентов и их последствия; б) упражнений («Нестандартное решение», «Путешествие во времени», «Обращение», «Пакет ролей» и др.); в) мозговой штурм, направленный на поиск оптимального решения в

конкретной конфликтной ситуации;
г) метод обучения на ошибках;
д) обмен опытом;

– тренинги, нацеленные на интенсивное усвоение и коррекцию знаний, выработку умений и навыков, обеспечивающих нахождение правильного решения конфликтных ситуаций с определенной возрастной группой и с конкретной категорией школьников;

– моделирование ситуации («Туннель желаний», «Организованный хаос», «Изменение времени», «Больше риска», «Мудрость, милосердие, мужество»);

– ролевые игры («Переговоры», «Компромисс», «Фидбек»);

– организационно-деятельностная игра, которая в известной мере может быть отнесена к технологии обучения через действия, посвященная размышлениям над вопросами профилактики рискованного поведения старшеклассников, осуждению границ допустимого в действиях сторон, научению способам предупреждать негативные последствия рискованного поведения с использованием различных стратегий.

Таким образом, последнее из представленных условий призвано способствовать обогащению знаний, выстраиванию их в определенной системе, изменению эмоциональной реакции на рискованное поведение обучающихся старшего школьного возраста, отношению к сложившимся статусам, ролям, позициям к затруднениям и путям их предупреждения,

к использованию испытаний как средства пропедевтики.

Итак, подчеркнем, что одной из сложных проблем, которые приходится решать современным педагогическим коллективом, является предупреждение и преодоление нежелательных последствий различных проявлений рискованного поведения в подростковой и молодежной среде, получившего широкое распространение.

Основными рекомендованными в научно-методической литературе путями профилактики данного феномена называют развитие у обучающихся социальной активности, самостоятельности, ответственности, а средствами – спорт, включение в деятельность, игра и др. Данный перечень педагогических средств, по нашему мнению, может быть расширен за счет нравственного закалывания, обладающего значительным потенциалом в формировании жизненной стойкости и нравственной устойчивости личности. Однако при разном стечении обстоятельств в пропедевтике рискованного поведения данное средство может давать различные результаты.

Заключение

Учитывая возраст обучающихся (старшеклассники), среду проживания, специфику жизненного опыта большинства из них, нравственное закалывание как средство профилактики опасного поведения будет помогать решению профилактических задач при соблюдении следующих условий:

– организации системной подготовки обучающихся старшего школьного возраста к преодолению трудных жизненных ситуаций;– укреплении социального иммунитета старшеклассников;	– расширении социокультурного пространства, его насыщении разноплановым организованным досугом;– формировании и развитии у педагогов конфликтологической компетентности.

Библиографический список

1. Борытко Н. М. Педагогика / Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков. Волгоград : ТЦ Оптим, 2007. 216 с.
2. Безрукова В. С. Педагогика. Ростов-на-Дону : Феникс, 2013. 381 с.
3. Белкин А. С. Основы возрастной педагогики. Москва : Изд. центр Академия, 2000. 192 с.
4. Виды рискованного поведения. Барнаул : КГБУ, 2018. 108 с.
5. Воспитательная деятельность педагога / под общ. ред. В. А. Сластенина и И. А. Колесниковой. Москва : Изд. Центр Академия, 2005. 336 с.
6. Дивногорцева С. Ю. Теоретическая педагогика. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2004. 195 с.
7. Закон Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999. №120 – ФЗ.
8. Залетов Ю. С. Профилактика правонарушений среди подростков государственными органами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». Педагогика. Психология. Социальная работа. Археология. Ювенология. Социогенетика. 2006. Т. 12, № 3. С. 160–163.
9. Зимняя И. А. Педагогическая психология. Москва : Логос, 2001. 384 с.
10. Колесникова Л. С. Профилактика рискованного поведения подростков // Порталус. 2007. № 119 (3919860). С. 50–60.
11. Мудрик А. В. Социальная психология воспитания. Москва : МПСУ, 2017. 440 с.
12. Организация работы с молодежью: введение в специальность / под ред. Е. П. Агапова. Ростов-на-Дону : Феникс, 2014. 446 с.
13. Рожков М. И. Социальное закаливание как принцип социально-педагогической деятельности // Социально-педагогическое профессиональное образование в глобальном мире: современные приоритеты. Москва–Санкт-Петербург : Нестор–История, 2014. С. 179–182.
14. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л. В. Мардахаев. Москва : Изд. Центр Академия, 2002. 368 с.
15. Слободчиков В. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. Москва : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
16. Четверик М. А. Об актуальности формирования представлений девушек о самосохранительном поведении / М. А. Четверик, Н. А. Цветкова // Психолого-педагогические условия профилактики рискованного поведения старшеклассников средствами нравственного закаливания

социальная работа в современном обществе: проблемы и решения. Санкт-Петербург : СПбГИПСП, 2015. С. 192–195.

17. Шернязова В. В. Проблема подготовки специалистов к разрешению конфликтов в профессиональной деятельности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. № 2. С. 86–93.

Reference list

1. Borytko N. M. Pedagogika = Pedagogics / N. M. Borytko, I. A. Solovcova, A. M. Bajbakov. Volgograd : TC Optim, 2007. 216 s.

2. Bezrukova V. S. Pedagogika = Pedagogics. Rostov-na-Donu : Feniks, 2013. 381 s.

3. Belkin A.S. Osnovy vozrastnoj pedagogiki = Fundamentals of age pedagogy. Moskva : Izd. centr Akademija, 2000. 192 s.

4. Vidy riskovannogo povedenija = Types of risky behavior. Barnaul : KGBU, 2018. 108 s.

5. Vospitatel'naja dejatel'nost' pedagoga = Educational activities of the teacher / pod obshh. red. V. A. Slastenina i I. A. Kolesnikovoj. Moskva : Izd. Centr Akademija, 2005. 336 s.

6. Divnogorceva S. Ju. Teoreticheskaja pedagogika = Theoretical pedagogy. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2004. 195 s.

7. Zakon Rossijskoj Federacii «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» ot 24.06.1999. №120 – FZ = The Law of the Russian Federation “On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency” of 24.06.1999. NO. 120 - FZ.

8. Zaletov Ju. S. Profilaktika pravonarushenij sredi podrostov gosudarstvennymi organami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = Prevention of offenses among adolescents by state bodies during the Great Patriotic War // Bectnik Kostromskoj gosudarstvennogo universiteta im N A Nekrasova. Serija «Gumanitarnye nauki». Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Arheologija. Juvenologija. Sociogenetika. 2006. T. 12, № 3. S. 160–163.

9. Zimnjaja I. A. Pedagogicheskaja psihologija = Pedagogical psychology. Moskva : Logos, 2001. 384 s.

10. Kolesnikova L. S. Profilaktika riskovannogo povedenija podrostkov = Prevention of adolescents' risky behavior // Portalus. 2007. № 119 (3919860). S. 50–60.

11. Mudrik A. V. Social'naja psihologija vospitanija = Social psychology of upbringing Moskva : MPSU, 2017. 440 s.

12. Organizacija raboty s molodezh'ju: vvedenie v special'nost' = Organization of work with young people: introduction to the specialty / pod red. E. P. Agapova. Rostov-na-Donu : Feniks, 2014. 446 s.

13. Rozhkov M. I. Social'noe zakalivanie kak princip social'no-pedagogicheskoy dejatel'nosti = Social hardening as a principle of social and pedagogical activity // Social'no-pedagogicheskoe professional'noe obrazovanie v global'nom mire: sovremennye priority. Moskva–Sankt-Peterburg : Nestor–Istorija, 2014. S. 179–182.

14. Slovar' po social'noj pedagogike = Dictionary of social pedagogy / avt.-sost. L. V. Mardahaev. Moskva : Izd. Centr Akademija, 2002. 368 s.

15. Slobodchikov V. I. Psihologija cheloveka. Vvedenie v psihologiju sub#ektivnosti = Human psychology. Introduction to subjectivity psychology / V. I. Slobodchikov, E. I. Isaev. Moskva : Shkola-Press, 1995. 384 s.

16. Chetverik M. A. Ob aktual'nosti formirovaniya predstavlenij devushek o samosohranitel'nom povedenii = On the relevance of the formation of girls' ideas about self-preserving behavior / M. A. Chetverik, N. A. Cvetkova // Psihologo-social'naja rabota v sovremennom obshhestve: problemy i reshenija. Sankt-Peterburg : SPBGIPSR, 2015. S. 192–195.

17. Shernijazova V. V. Problema podgotovki specialistov k razresheniju konfliktov v professional'noj dejatel'nosti = The problem of training specialists to resolve conflicts in professional activities // Sovremennaja vysshaja shkola: innovacionnyj aspekt. 2010. № 2. S. 86–93.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 15.03.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья
УДК 378.147.88
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-124-138
EDN: TFEQGP

Представления будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве

Людмила Владимировна Вандышева

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» (Самарский университет), г. Самара
vandyshevalyudmila@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9894-491X>

Аннотация. В статье обоснована актуальность профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы к социальному предпринимательству. В связи с модернизацией системы социальной защиты населения и выдвижением социального предпринимательства как инновационной социальной технологии специалисты по социальной работе могут выступить социальными предпринимателями. Кроме этого, актуальность темы обоснована формированием модели социально-предпринимательского университета. Выделены противоречия между наличием у современной молодежи инновационного потенциала и ее неготовностью к социальному предпринимательству; накопленным в теории и методике профессиональной подготовки опыта подготовки предпринимателей и отсутствием выстроенной системы подготовки социальных предпринимателей из числа будущих специалистов социальной работы. Стремление решить заявленные противоречия определило цель исследования: выявить представления будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве и их готовность к открытию социального предприятия. Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о недостаточной представленности социального предпринимательства в отечественной социальной практике, хотя конкретизирована инфраструктура, поддерживающая социальное предпринимательство; выделена роль университетов в подготовке инновационных предпринимательских кадров в социальной сфере; определены перспективы результатов профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы, не только имеющих представление о социальном предпринимательстве, но и вовлеченных в него. В статье проведен вторичный анализ результатов зарубежных и отечественных исследователей, изучавших представления

обучающихся о социальном предпринимательстве. Исследование проводилось на базе Самарского университета; выборку составили будущие специалисты социальной работы (68 человек). Сделаны выводы о слабо сформированных представлениях будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве наряду с их интересом к нему, выделением общих черт с социальной работой как будущей профессией, признанием важности предпринимательских навыков для специалиста социальной сферы. «Помощь людям» выступает основным мотивом для потенциального открытия социального предприятия.

Ключевые слова: готовность к социальному предпринимательству; студенты; профессиональная подготовка; социальное образование; социальное предпринимательство; социальное предпринимательство; социальные специалисты; специалисты по социальной работе

Для цитирования: Вандышева Л. В. Представления будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 124-138. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-124-138>. <https://elibrary.ru/tfeqgp>.

Original article

Future social work professionals' ideas about social entrepreneurship

Lyudmila V. Vandyшева

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of department of theory and technology of social work, Samara national research university named after academician S. P. Koroliov (Samara university), Samara
vandyshvalyudmila@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9894-491X>

Abstract. The relevance of professional training of future social work specialists for social entrepreneurship is justified by the modernization of the system of social protection of the population. Social entrepreneurship is like an innovative social technology. Social work professionals – social entrepreneurs can act as social innovators. In addition, the relevance is justified by the formation of a model of a socio-entrepreneurial university. Modern youth has an innovative potential and at the same time it is not ready for social entrepreneurship; theory and considerable experience have been gained in the methodology of professional training, but there is no built-in system for training future social entrepreneurs from among future social work specialists – this is the contradiction identified by the author. The desire to solve them determined the purpose of the study: to identify the ideas of future social work specialists about social entrepreneurship and their readiness to open a social enterprise. The theoretical analysis of the scientific literature indicates that social entrepreneurship is underdeveloped in domestic social practice. However, the

infrastructure supporting social entrepreneurship has been specified; highlighted the role of universities in the training of social entrepreneurs; the prospects for the results of professional training of social entrepreneurs are determined. The article provides a secondary analysis of the results of foreign and domestic researchers who studied students' ideas about social entrepreneurship. The author's survey was conducted on the basis of Samara University. The sample consisted of future social work specialists (68 people). Conclusions are drawn about the poorly formed ideas of future social work specialists about social entrepreneurship. Interest in social entrepreneurship was noted. The common features of social entrepreneurship and social work are highlighted. The importance of entrepreneurial skills for a social worker is recognized. "Helping people" appears to be the main motive for the potential opening of a social enterprise, according to the results of the survey.

Keywords: readiness for social entrepreneurship; students; professional training; social education; social entrepreneurship; social enterprise; social specialists; social work specialists

For citation: Vandysheva L. V. Future social work professionals' ideas about social entrepreneurship. *Social and political researches*. 2022;2(15):124-138. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-124-138>. <https://elibrary.ru/tfeqgp>.

Актуальность

В условиях модернизации системы социальной защиты и помощи гражданам в трудной жизненной ситуации становится актуальным поиск ресурсов, в полной мере способных активизировать ресурсы получателей социальных услуг. В связи с этим к специалистам социальной сферы предъявляются высокие требования, ориентирующие профессионалов, с одной стороны, на развитие сферы социального сервиса, с другой стороны, проявление своего творческого потенциала, в том числе в предпринимательской деятельности.

В социальном образовании заявлен интерес к созданию в вузах условий, способствующих усиле-

нию методологической, теоретической, методической составляющих профессиональной подготовки к инновационной социальной работе. Так, «третья роль университетов» приводит к формированию модели социально-предпринимательского университета, в которой велика роль социально-гуманитарной составляющей. От обучающихся соответствующих направлений профессиональной подготовки требуются наличие представлений и понимание сущности инновационных процессов и явлений, мотивированность на участие в них, готовность к реализации инноваций в социальной сфере в будущей профессиональной деятельности.

Вместе с тем вопросы профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы к социальному предпринимательству еще не в полной мере представлены в отечественной научной литературе, отсутствует четко выстроенная система подготовки будущих социальных предпринимателей, недостаточно отражены практические результаты подготовки в данном направлении. Стремление восполнить данный недостаток определили *научный интерес и цель настоящего исследования*: выявить представления будущих специалистов социальной работы о социальном предпринимательстве и их готовность к открытию социального предприятия.

Социальное предпринимательство выступает инновационной социальной технологией, о чем заявляют в своих работах как зарубежные [Адизес, 2014; Elmes, 2011], так и отечественные ученые [Абрамян, 2018; Андропова, 2017; Чернов, 2013]. К настоящему времени созданы разнообразные бизнес-модели социальных предприятий [Арай, 2018]. Вместе с тем социальное предпринимательство еще не в полной мере представлено в отечественной социальной практике, как отмечают С. Р. Ахмадиева [Ахмадиева, 2021], В. А. Барина, С. П. Земцов [Барина, 2020]. Однако в работах Н. А. Бухаловой [Бухалова, 2020], Н. В. Лежневой [Лежнева, 2019] и других отечественных ученых подчеркивается

актуальность формирования класса инноваторов в социальной сфере. Исследователь И. П. Белов, Т. Г. Белова, В. В. Неволлина заявляют о важности поддержки молодых людей как социальных предпринимателей [Белов, 2019]. Подчеркивается роль университетов в решении данной задачи (Е. Ю. Ливенцова, Т. Б. Румянцева, Е. Г. Сырякина и др.) [Ливенцова, 2016]. В работах Д. Г. Александрова, Т. И. Королевой [Александров, 2015] и Е. К. Пилипяна [Пилипян, 2016] отражена инфраструктура, способствующая развитию социального предпринимательства и обеспечивающая поддерживающую внешнюю к университетам среду.

Характеристика обучающихся как передовой части молодежи, призванной создавать и реализовывать социальные инновации, заявлена И. П. Беловым, Т. Г. Беловой [Белов, 2019], А. В. Черновым [Чернов, 2013], а также зарубежными учеными [Franco, 2010]. Вовлечение будущих специалистов социальной работы в социальное предпринимательство, по мнению Н. В. Гарашкиной, позволяет в перспективе осуществлять экспериментальную, исследовательскую и управленческую функции в социальной работе. Исследователь А. А. Дружинина подчеркивает, что подготовка современного специалиста социальной работы к реализации функции менеджера, позволит в дальнейшем осуществлять новые технологии, к числу которых

отнесено социальное предпринимательство [Гарашкина].

Однако результаты исследований Д. А. Гафаровой указывают на то, что выпускники университетов не готовы к реализации активной гражданской и предпринимательской позиции в обществе; присутствует дисбаланс между теоретическими знаниями и практическими навыками [Гафарова, 2015]. Исследователь Т. Г. Калугина заявляет о важности специального обучения основам социального предпринимательства [Калугина, 2012].

В научной литературе (Н. В. Гарашкина, А. А. Дружинина, Р. Ф. Лопатина) отражен опыт отечественных образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку к социальному предпринимательству будущих специалистов разных профилей [Гарашкина; Лопатина, 2012]. Исследователи отмечают, что подготовка будущих специалистов социальной сферы осуществляется на старших курсах, а «полноценный предприниматель» формируется в процессе послевузовской деятельности, переподготовки.

Отношение зарубежных студентов к социальному предпринимательству представлено в работе Д. Кошина, О. Кроцила, Р. Поспишила [Кроцил, 2020]. По аналогичной проблематике проводили исследование среди обучающихся российских образовательных организаций высшего образования исследователи Д. А. Гафарова [Гафа-

рова, 2015], Н. В. Лежнева [Лежнева, 2019] и др.

База исследования: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, социально-гуманитарный институт, кафедра теории и технологии социально работы.

Методы исследования

В ходе исследования применялся комплекс взаимодополняющих методов, адекватных предмету исследования: теоретический анализ социологической, педагогической, экономической литературы; анкетирование, оформленное в Google-форме.

Организация исследования

Цель достигалась поэтапно: на первом этапе проведен вторичный анализ результатов исследований зарубежных и отечественных ученых с целью конкретизации представлений обучающихся о социальном предпринимательстве. На втором этапе проведено анкетирование обучающихся по направлению профессиональной подготовки «Социальная работа» (68 человек). На третьем этапе полученные результаты были проанализированы и представлены в обобщенном виде. В представленных результатах исследования сохранена орфография в ответах опрошенных.

Представим результаты нашего исследования, в котором приняли участие 68 будущих специалистов социальной работы: 32,4 % перво-

курсников, 19,1 % второкурсников, 25 % третьекурсников, 10,3 % обучающихся четвертого курса бакалавриата; 7,4 % магистрантов первого курса и 5,9 % магистрантов второго курса обучения. Пол опрошенных не учитывался, так как этот фактор не считался релевантным.

Анализ результатов исследований Д. Кошины, О. Кроцилы, Р. Поспишила выявил положительное отношение студентов к социальному предпринимательству. Так, в Португалии 23,3 % опрошенных выразили готовность стать социальными предпринимателями. 70 % студентов в Хорватии в ближайшие десять лет планировали основать венчурное предприятие [Кроцил, 2020]. Результаты данных исследований согласуются с исследованием зарубежных ученых [Кедменес, 2015], в которых отмечено, что большинство хорватских студентов выразили намерение начать предпринимательскую карьеру. Помощь обществу, а не только извлечение прибыли – это установки студентов, выявленные в ряде исследований зарубежных социологов. Вместе с тем большинство чешских студентов ответили, что никогда не слышали термин «социальное предпринимательство». В итоге исследователи подчеркивают важность обучения современной молодежи основам социального предпринимательства, что может обеспечить готовность ее к данному виду деятельности [Кроцил, 2020].

По результатам исследования Д. А. Гафаровой, лишь 31 % студентов представляют, что такое социальное предпринимательство, а 41 % опрошенных считают, что социальное предпринимательство является перспективным видом предпринимательства [Гафарова, 2015]. По данным нашего исследования, понятие «социальное предпринимательство» знакомо 78 % будущих специалистов социальной работы; не знакомы с данным понятием 22 % опрошенных. Положительные ассоциации с данным понятием имеют 50 % опрошенных; нейтральное отношение выявлено у 45,6 % опрошенных, 4,4 % опрошенных затруднились ответить.

Отечественный исследователь Н. В. Лежнева отмечает у выпускников образовательных организаций высшего образования нежелание включаться в социальное предпринимательство [Лежнева, 2019]. Согласно результатам исследования Д. В. Завьялова и Н. С. Киреевой, среди российских студентов о социальном предпринимательстве осведомлены 34,8 % респондентов [Kireeva, 2019].

Положительное отношение к социальному предпринимательству, по результатам нашего исследования, во-первых, связано с пониманием социального предпринимательства как деятельности, имеющей социально-полезную направленность (решение социальных и культурных проблем; решение вопросов занятости населения, спо-

способствует благополучию общества, улучшению жизни людей или животных, природы; определение его как полезного вида деятельности) и связанную «с обучением на схожей специальности». Во-вторых, социальное предпринимательство понимается как деятельность, тождественная благотворительности и разворачивающаяся в «третьем секторе». В-третьих, деятельность, имеющая положительные результаты («из интернет-источников известны случаи успешной реализации проектов такого типа»; «Известный пример: «Веселый войлок» про обеспечение рабочими местами многодетных матерей»). В-четвертых, социальное предпринимательство представляется деятельностью, с которой опрошенные непосредственно знакомы («по опыту моих знакомых», «моя родственница занимается социальным предпринимательством»). Отметим, что при ответе на вопрос: «Есть ли среди ваших друзей, знакомых социальные предприниматели?» утвердительный ответ дали 16,2 % опрошенных, отрицательный – 83,9 % опрошенных. Вместе с тем, отмечая положительное отношение к данной деятельности, опрошенные могут не идентифицировать себя с этой данной деятельностью: «я не уверена, что отношу себя к этому».

Нейтральное отношение обосновано тем, что опрошенные имеют недостаточное представление о социальном предпринимательстве

(«это понятие редко мне встречается и я не до конца знаю, что это») и считают, что «высок риск мошенничества».

Те, кто затруднился определить свое отношение, отмечают: «С одной стороны, положительные эмоции, так как социальное предпринимательство – это хорошая возможность для развития культуры, решения различных социальных проблем. С другой стороны – в наше время все еще социальное предпринимательство развивается и находится пока на низком уровне (по моему мнению), к сожалению, часто можно услышать, что нет никакого развития, а бюджет входит в корыстных целях».

Итак, опрошенные не имеют отрицательных ассоциаций в отношении социального предпринимательства. Положительное отношение к социальному предпринимательству отмечено в ответах 76,4 % опрошенных. Оно связано в первую очередь с социоэкономической значимостью данной деятельности; направленностью, которая идентична социальной работе, то есть приобретаемой в университете профессией; положительно зарекомендовало себя в публичном дискурсе и личном опыте опрошенных. Нейтральное отношение 16 % опрошенных к социальному предпринимательству определяется незнанием его сути, недостаточной презентацией в публичной сфере и возможностью «нечестной» в финансовом плане практики». Затруд-

нившиеся охарактеризовать свое отношение (7,3 %), объясняют свое мнение недостаточным развитием социального предпринимательства в общественной практике.

Сопоставление результатов нашего исследования с результатами зарубежных и отечественных исследований (2015 г., 2021 г.) позволяет сделать предварительный вывод о недостаточной распространенности социального предпринимательства в отечественном опыте. Но вместе с тем оно положительно оценивается респондентами: суть данной деятельности признается социально-значимой в современных социально-экономических условиях.

Будущим специалистам социальной работы было предложено развести понятия «предпринимательство» и «социальное предпринимательство». Предпринимательство трактуется как более широкое понятие, а «социальное предпринимательство – конкретный вид деятельности, который имеет направленность на улучшение социума»; «в сущности своей – нет, но в смысле – да». 72 % опрошенных предложили определение, в котором первостепенна общественная миссия данного вида предпринимательства над бизнес-результатом. При этом некоторые опрошенные в ответах указывают на интуитивные предположения, не обладая предварительными знаниями и не сталкиваясь с опытом социального предпринимательства в социально-

бытовых практиках. Затруднились предложить определение 28 % опрошенных по причине, что «не сталкивался с этим понятием». Данные результаты совпадают с результатами, представленными зарубежными исследователями [Кроцил, 2020]. В ответах отмечено значение социального предпринимательства: производство социальных изменений, инновационное развитие и экономическое благополучие социума, помощь нуждающимся и т. п.

В ответах 77 % будущих специалистов социальной работы заявлено понятие «граждане», для которых социальное предприятие выступает ресурсом улучшения их положения. В общем виде это понятие выражено следующим образом: «какой-либо категории граждан», «общество и люди», «связано с ответственностью», «способствует решению социальных проблем граждан», «помощь людям». Конкретизация данного понятия в ответах эпизодична: «нацелено на конкретные нуждающиеся группы людей», «помощь особо нуждающимся людям», «помогающее уязвимым категориям граждан». Иными словами, большинство опрошенных верно определяет суть социального предпринимательства. Недостаточная развернутость ответов свидетельствует о незначительном представлении опрошенных о данном виде деятельности и формулировке ответов на основе интуитивной интерпретации понятия.

При ответе на вопрос: «Насколько социальное предпринимательство распространено в российской практике?» полученные результаты ответов («очень распространено» – 1,5 %; «скорее распространено» – 17,6 %; «недостаточно распространено» – 63,2 %; «отсутствует» – 1,5 %; «затрудняюсь ответить» – 16,2 %) свидетельствуют о недостаточном информировании будущих специалистов социальной работы об опыте отечественного социального предпринимательства.

При этом 95,6 % опрошенных считают, что социальное предпринимательство имеет «точки соприкосновения» с социальной работой при решении социальных проблем. Эта позиция отражается в ответах на вопрос: «Считаете ли Вы, что специалисту социальной работы нужны предпринимательские навыки?»: «да» ответили 61,8 % опрошенных, «нет» – 14,7 %, «затруднились ответить» – 23,5 % опрошенных.

Выявлен интерес будущих специалистов социальной работы к открытию собственного социального предприятия после получения диплома о высшем образовании: положительно ответили 52,9 %; отрицательно 23,5 %; затруднились ответить 23,5 % опрошенных.

Соотношение результатов, полученных в нашем исследовании с результатами исследования зарубежных ученых, позволяет отметить их согласованность между собой. Так, более половины опро-

шенных чешских и хорватских студентов рассматривают возможность стать предпринимателями [Кроцил, 2020]. Это подтверждает наличие инновационного потенциала у современной молодежи и указывает на необходимость ее профессиональной подготовки к социальному предпринимательству.

Среди мотивов, которые побудили бы будущих специалистов социальной работы к открытию собственного социального предприятия, выделены: «помощь людям» (34,3 %), «самореализация» (14,9 %), «решение проблемы, которая касается лично Вас или близких людей» (13,4%), «работа на себя» (13,4%), «зарботок» (9 %), «новый опыт» (9 %), «финансовая независимость» (1,5 %). Полученные результаты свидетельствуют о незначительном преобладании служения общественным целям над мотивами, связанными с личными интересами (в том числе прибылью), которую получает потенциальный социальный предприниматель.

Однако данные результаты не соотносятся по рейтингу ответов с результатами, полученными исследователем Д. А. Гафаровой: «желание помогать людям» (14 %) и «самореализация» (21 %) [Гафарова, 2015].

Результаты опроса чешских студентов показывают, что «более половины опрошенных студентов результатом своей будущей предпринимательской деятельности счита-

ют служение общественным целям, а не только получение прибыли» [Кроцил, 2020, с. 255]. Опрошенные студенты из Америки, изучающие предпринимательское дело, заявили о намерениях заниматься социальным предпринимательством.

Полученные результаты свидетельствуют об интересе к новой для обучающихся практике. Подчеркнем, что в процессе обучения будущие специалисты социальной работы не изучали учебных дисциплин, посвященных социальному предпринимательству.

В исследовании Д. А. Гафаровой опрошенные в число приоритетных условий возводят меры финансовой поддержки (наличие гранта или субсидии (31 %)) и содействие получению опыта социального предпринимательства (стажировки на социальном предприятии (25 %), проведение тренингов и мастер-классов с предпринимателями (18 %)) [Гафарова, 2015].

В нашем исследовании выявлены условия успешного социального предпринимательства: «наличие денежных средств» (32,4 %), «наличие гранта» (25 %), «наличие опыта предпринимательства» (29,4 %), «участие в обучающих мероприятиях с привлечением социальных предпринимателей» (22,1 %), «стажировка на социальных предприятиях» (21,1 %), «наличие единомышленников» (20,6 %), «прохождение специальных курсов» (14,7 %), «наличие

партнеров» (11,8 %), «наличие субсидии» (7,4 %), «информирование об успешном опыте социальных предпринимателей» (7,4 %).

Кроме этого, выявлена заинтересованность 63,2 % будущих специалистов социальной работы в получении в процессе обучения дополнительных компетенций, необходимых для социального предпринимательства. Отсутствие интереса отмечено у 16,2 % опрошенных; затруднились ответить 20,6 % будущих специалистов социальной работы. По данным Д. А. Гафаровой, готовность пройти дополнительную подготовку в процессе обучения в вузе выразили, 80 % опрошенных обучающихся [Гафарова, 2015].

По итогам сравнительного анализа результатов авторского исследования и результатов зарубежных и отечественных ученых можно отметить единодушие авторов в признании актуальности формирования системы профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы к социальному предпринимательству.

Обобщенные результаты исследования учтены при проектировании учебной дисциплины «Социальное предпринимательство в социальной работе» для обучающихся третьего курса направления подготовки «Социальная работа». В качестве приоритетных подходов профессиональной подготовки к социальному предпринимательству выделяем аксиологический, филан-

тропический, синергетический, субъект-объектный, практико-ориентированный, деятельностный, информационный подходы. Например, выявленный интерес к социальному предпринимательству может быть поддержан результатами тестирования с целью выявления предпринимательских задатков, способностей и предложения средств, способствующих их фор-

мированию, развитию. Изучение исторических основ социального предпринимательства позволит закрепить филантропические ценности обучающихся. Кроме этого, результаты исследования ориентируют обратить внимания на формирование команд потенциальных социальных предпринимателей, формирование готовности управления коммуникациями в них.

Библиографический список

1. Абрамян Е. П. Трансформация труда в условиях информационного общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-truda-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva>. (Дата обращения: 15.02.2022).
2. Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 320 с.
3. Александров Д. Г. Социальное предпринимательство в современном мире / Д. Г. Александров, Т. И. Королева // Экономика и управление. 2015. № 4. С. 45-50.
4. Андропова Ю. Э. Стратегии исследования социального предпринимательства // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2017. Т.17, Вып. 1. С. 42-46.
5. Арай Ю. Н. Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии // Российский журнал менеджмента. 2018. 16 (2). С. 253-272.
6. Ахмадиева С. Р. Развитие социального предпринимательства в России / С. Р. Ахмадиева, Ю. В. Ходковская, А. Ф. Ахмадиева // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 38-40.
7. Баринаева В. А. Малое и среднее предпринимательство в России и регионах в 2019–2020 гг. / В. А. Баринаева, С. П. Земцов, Ю. В. Царева // Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Вып. 41. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020. С. 279-290.
8. Белов И. П. Поддержка молодежного предпринимательства / И. П. Белов, Т. Г. Белова, В. В. Неволина // Инновации и инвестиции. 2019. № 12. С. 99-103.
9. Бухалова Н. А. Рынок социальных услуг: проблемы и перспективы развития / Н. А. Бухалова, О. А. Павлова, В. И. Литвинчук // Вестник НГИЭИ. 2020. № 3 (106). С. 112-121.
10. Гарашкина Н. В. Формирование компетентности в области социального предпринимательства как направление высшего профессионального социального образования / Н. В. Гарашкина, А. А. Дружинина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kompetentnosti-v-oblasti-sotsialnogo-predprinimatelstva-kak-napravlenie-vysshego-professionalnogo-sotsialnogo-viewe>. (Дата обращения: 13.02.2022).

11. Гафарова Д. А. Социальное предпринимательство и проблема формирования предпринимательской компетенции студентов вузов // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2015. № 3 (13). С. 60-64.
12. Калугина Т. Г. Социальное предпринимательство как фактор регионального развития (теория и практика) // Известия иркутского государственного университета. 2012. № 2 (9). Ч. 2. С. 92-102.
13. Кроцил О. Осведомленность о социальном предпринимательстве и отношение к нему среди студентов вузов и лиц с ограниченными возможностями на примере Чешской Республики / О. Кроцил, Р. Поспишил, Д. Кошина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 247-263.
14. Ливенцова Е. Ю. Особенности развития предпринимательских компетенций студенческой молодежи для реализации инноваций в социальной сфере / Е. Ю. Ливенцова, Т. Б. Румянцева, Е. Г. Сырямкина // Инновации. 2016. № 7 (213). С. 96-103.
15. Лежнева Н. В. Формирование готовности студентов региональных вузов к инновационной предпринимательской деятельности: история становления проблемы, пути решения // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2019. № 3-4 (7-8). С. 27-38.
16. Лопатина Р. Ф. Социальное предпринимательство и проблемы формирования мотивации студентов на открытие социального бизнеса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-i-problemy-formirovaniya-motivatsii-studentov-na-otkrytie-sotsialnogo-biznesa/viewer>. (Дата обращения: 25.02.2022).
17. Пилилян Е. К. Инновационное обучение предпринимателей как способ стимулирования социального бизнеса дальневосточных субъектов современного исторического этапа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 2/2. С. 69-71.
18. Чернов А. В. Школа социального предпринимательства как путь к развитию «четвертого сектора» в регионе // Вестник Череповецкого государственного университета 2013. Т. 2, № 4. С. 94-97.
19. Elmes M. B., Jiusto S., Whiteman G., Hersh R., Guthey G. Teaching Social Entrepreneurship and Innovation From the Perspective of Place and Place Making // Academy of Management Learning & Education Vol.11. URL: <https://journals.aom.org/doi/abs/10.5465/amle.2011.0029>. (Дата обращения: 01.03.2022).
20. Kedmenec I., Rebernik M., Peric J. The impact of individual characteristics on intentions to pursue social entrepreneurship // Ekonomski Pregled. 2015. vol. 66. pp. 119-137.
21. Kireeva N.S., Zavyalov D.V., Saginova O.V., Zavyalova N.B. Students' perception of social entrepreneurship // Revista de la Universidad del Zulia. 2019. vol. 10. pp. 200-210.
22. Franco M., Haase H., Lautenschläger A. Students' entrepreneurial intentions: An inter- regional comparison // Education and Training. 2010. vol. 52. pp. 260-275.

Reference list

1. Abramjan E. P. Transformacija truda v uslovijah informacionnogo obshhestva = Transformation of labor in the conditions of the information society. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-truda-v-usloviyah-informatsionnogo-obshchestva>. (Data obrashhenija: 15.02.2022).
2. Adizes I. Kak preodolet' krizisy menedzhmenta. Diagnostika i reshenie upravlencheskih = How to overcome management crises. Diagnosis and management decision. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2014. 320 s.
3. Aleksandrov D. G. Social'noe predprinimatel'stvo v sovremennom mire = Social entrepreneurship in today's world / D. G. Aleksandrov, T. I. Koroleva // Jekonomika i upravlenie. 2015. № 4. S. 45-50.
4. Andronova Ju. Je. Strategii issledovanija social'nogo predprinimatel'stva = Social entrepreneurship research strategies // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Sociologija. Politologija. 2017. T.17, Vyp. 1. S. 42-46.
5. Araj Ju. N. Biznes-modeli v social'nom predprinimatel'stve: podhod k postroeniju tipologii = Business models in social entrepreneurship: an approach to typology // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2018. 16 (2). S. 253-272.
6. Ahmadijeva S. R. Razvitie social'nogo predprinimatel'stva v Rossii = Development of social entrepreneurship in Russia / S. R. Ahmadijeva, Ju. V. Hodkovskaja, A. F. Ahmadijeva // Innovacii i investicii. 2021. № 4. S. 38-40.
7. Barinova V. A. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii i regionah v 2019–2020 gg. = Small and medium-sized enterprises in Russia and the regions in 2019–2020. / V. A. Barinova, S. P. Zemcov, Ju. V. Careva // Rossijskaja jekonomika v 2019 godu. Tendencii i perspektivy. Vyp. 41. Moskva : Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2020. C. 279-290.
8. Belov I. P. Podderzhka molodezhnogo predprinimatel'stva = Support for youth entrepreneurship / I. P. Belov, T. G. Belova, V. V. Nevolina // Innovacii i investicii. 2019. № 12. S. 99-103.
9. Buhalova N. A. Rynok social'nyh uslug: problemy i perspektivy razvitija = Social services market: challenges and development prospects / N. A. Buhalova, O. A. Pavlova, V. I. Litvinchuk // Vestnik NGIJeI. 2020. № 3 (106). S. 112-121.
10. Garashkina N. V. Formirovanie kompetentnosti v oblasti social'nogo predprinimatel'stva kak napravlenie vysshego professional'nogo social'nogo obrazovanija = Formation of competence in the field of social entrepreneurship as a direction of higher professional social education / N. V. Garashkina, A. A. Druzhinina. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kompetentnosti-v-oblasti-sotsialnogo-predprinimatelstva-kak-napravlenie-vysshego-professionalnogo-sotsialnogo/viewe>. (Data obrashhenija: 13.02.2022).
11. Gafarova D. A. Social'noe predprinimatel'stvo i problema formirovanija predprinimatel'skoj kompetencii studentov vuzov = Social entrepreneurship and the problem of forming the entrepreneurial competence of university students // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta. 2015. № 3 (13). S. 60-64.

12. Kalugina T. G. Social'noe predprinimatel'stvo kak faktor regional'nogo razvitiya (teorija i praktika) = Social entrepreneurship as a factor in regional development (theory and practice) // Izvestija irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2 (9). Ch. 2. S. 92-102.
13. Krocil O. Osvedomlennost' o social'nom predprinimatel'stve i otnoshenie k nemu sredi studentov vuzov i lic s ogranichennymi vozmozhnostjami na primere Cheshskoj Respubliki = Awareness of and attitude towards social entrepreneurship among university students and persons with disabilities using the experience of the Czech Republic / O. Krocil, R. Pospishil, D. Koshina // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2020. T. 13, №5. S. 247-263.
14. Livencova E. Ju. Osobennosti razvitiya predprinimatel'skih kompetencij studencheskoj molodezhi dlja realizacii innovacij v social'noj sfere = Features of the development of entrepreneurial competencies of student youth for the implementation of innovations in the social sphere / E. Ju. Livencova, T. B. Rumjanceva, E. G. Syrjamkina // Innovacii. 2016. № 7 (213). S. 96-103.
15. Lezhneva N. V. Formirovanie gotovnosti studentov regional'nyh vuzov k innovacionnoj predprinimatel'skoj dejatel'nosti: istorija stanovlenija problemy, puti reshenija = Formation of readiness of students of regional universities for innovative entrepreneurial activity: the history of the formation of the problem, ways to solve // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravoohranenie. 2019. № 3-4 (7-8). S. 27-38.
16. Lopatina R. F. Social'noe predprinimatel'stvo i problemy formirovanija motivacii studentov na otkrytie social'nogo biznesa = Social entrepreneurship and the problems of creating motivation for students to open a social business. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-i-problemy-formirovaniya-motivatsii-studentov-na-otkrytie-sotsialnogo-biznesa/viewer>. (Data obrashhenija: 25.02.2022).
17. Pililjan E. K. Innovacionnoe obuchenie predprinimatelej kak sposob stimulirovanija social'nogo biznesa dal'nevostochnyh sub#ektov sovremennogo istoricheskogo jetapa = Innovative training of entrepreneurs as a way to stimulate the social business of Far Eastern subjects of the modern historical stage // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2016. T. 8, № 2/2. S. 69-71.
18. Chernov A. V. Shkola social'nogo predprinimatel'stva kak put' k razvitiu «chetvertogo sektora» v regione = School of social entrepreneurship as a path to the development of the “fourth sector” in the region // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta 2013. T. 2, № 4. S. 94-97.
19. Elmes M. B., Jiusto S., Whiteman G., Hersh R., Guthey G. Teaching Social Entrepreneurship and Innovation From the Perspective of Place and Place Making // Academy of Management Learning & Education Vol.11. URL: <https://journals.aom.org/doi/abs/10.5465/amle.2011.0029>. (Data obrashhenija: 01.03.2022).
20. Kedmenec I., Rebernik M., Peric J. The impact of individual characteristics on intentions to pursue social entrepreneurship // Ekonomski Pregled. 2015. vol. 66. pp. 119-137.

21. Kireeva N.S., Zavyalov D.V., Saginova O.V., Zavyalova N.B. Students' perception of social entrepreneurship // Revista de la Universidad del Zulia. 2019. vol. 10. pp. 200-210.

22. Franco M., Haase H., Lautenschläger A. Students' entrepreneurial intentions: An inter- regional comparison // Education and Training. 2010. vol. 52. pp. 260-275.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 07.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 20.03.2022; approved after reviewing 07.05.2022; accepted for publication on 12.05.2022

Научная статья
УДК 378.147.88
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-139-151
EDN: TEQRCJ

Становление профессиональной субъектной активности будущих педагогов в сфере воспитания

Виктория Вячеславовна Абрамова¹, Татьяна Александровна Ромм^{2✉}

¹Аспирант кафедры педагогики и психологии института истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск

²Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии института истории, гуманитарного и социального образования, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск

¹virtual.abramova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1593-0326>

²tromm@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5566-0418>

Аннотация. Усиление внимания государства и общества к воспитанию как неотъемлемой составляющей образовательного процесса на всех уровнях образования актуализирует проблему готовности будущих педагогов к реализации воспитательных задач. Для определения перспектив указанной деятельности значимое место имеют положения современной теории воспитания, являющейся методологическим основанием рассмотрения роли, и места педагога и его субъектности в процессе подготовки к воспитательной деятельности. Для того, чтобы достигнуть высокой степени готовности к профессиональной деятельности, необходимо обладать определенным личностным, интеллектуальным и деятельностным потенциалом, а значит, личностно-профессиональные изменения – неотъемлемый атрибут развития профессионально значимых свойств личности, которые должны быть включены в логику организации процесса профессионального образования в учебной и внеучебной составляющих.

Успешность воспитательной деятельности начинающего педагога в будущем во многом зависит от активности студента в профессиональном саморазвитии в период его обучения в образовательной организации высшего образования. Готовность педагогов к воспитательной деятельности во многом обуславливается формированием профессиональной субъектной активности личности.

Профессиональная субъектная активность рассматривается как активность личности, развивающая и реализующая ее субъектность в простран-

стве профессиональной деятельности. Основные характеристики субъектности: уникальность, активность, самостоятельность, ответственность, авторство собственной жизни и собственной истории, ценностные отношения, способность овладевать собственным поведением и порождать собственное поведение. Для формирования данных характеристик необходимо создание специальных условий в педагогическом вузе: организация горизонтального и вертикального субъектно-субъектного взаимодействия; развитие системы наставничества; развитие жизнедеятельности института как профессиональной воспитательной организации, создающей пространство накопления индивидуального профессионального стиля и операционального репертуара решения профессиональных задач.

Ключевые слова: воспитание; профессиональная субъектная активность; субъектность; профессиональная подготовка; будущие педагоги

Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка научно-методического сопровождения подготовки классных руководителей и кураторов студенческих групп в условиях внедрения программы воспитания», который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ, в рамках государственного задания № 073-03-2022-037

Для цитирования: Абрамова В. В., Ромм Т. А. Становление профессиональной субъектной активности будущих педагогов в сфере воспитания // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 139-151. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-139-151>. <https://elibrary.ru/teqrcj>.

Original article

Formation of professional subjective activity of future teachers in the field of upbringing

Victoriya V. Abramova¹, Tatiyana A. Romm^{2✉}

¹Post-graduate student, department of pedagogy and psychology, institute of history, humanitarian and social education, Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

²Doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of pedagogy and psychology of the institute of history, humanitarian and social education, Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

¹virtal.abramova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1593-0326>

²tromm@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5566-0418>

Abstract. The increased attention of the state and society to education as an integral part of the educational process at all levels of education actualizes the problem of the readiness of future teachers to implement educational tasks. To determine the prospects of this activity, the provisions of the modern theory of education have a significant place, which is the methodological basis for considering the role and place of the teacher and his subjectivity in the process of preparing for educational activities. In order to achieve a high degree of readiness

for professional activity, it is necessary to have a certain personal, intellectual and activity potential, which means that personal and professional changes are an integral attribute of the development of professionally significant personality traits that should be included in the logic of the organization of the process of professional education in the academic and extracurricular components.

The success of the educational activity of a novice teacher in the future largely depends on the student's activity in professional self-development during the period of study at the university. The readiness of teachers for educational activities is largely determined by the formation of professional subjective activity of the individual.

Professional subjective activity is considered as the activity of a personality that develops and implements its subjectivity in the space of professional activity. Its main characteristics are uniqueness, activity, independence, responsibility, authorship of one's own life and one's own history, value relations, the ability to master one's own behavior and generate one's own behavior. For their formation, it is necessary to create special conditions in a pedagogical university: the organization of horizontal and vertical subject-subject interaction; development of the mentoring system; development of the institute's life activity as a professional educational organization that creates a space for the accumulation of individual professional style and operational repertoire for solving professional tasks.

Keywords: education; professional subjectivity; subjectivity; professional training; future teachers

The study was carried out within the framework of the project “Development of scientific and methodological support for the training of class supervisors and curators of student groups in the implementation of the educational program”, which is implemented with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation, within the framework of state task № 073-03-2022-037

For citation: Abramova V. V., Romm T. A. Formation of professional subjective activity of future teachers in the field of upbringing. *Social and political researches*. 2022;2(15):139-151. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-2-15-139-151>. <https://elibrary.ru/teqrcj>.

Введение

Современное развитие профессиональных качеств педагогов тесно связано с развитием их воспитательной компетентности. Это продолжает традицию отечественной педагогики, в которой особое внимание уделяется ценностно-

смысловым основам образования личности, роли педагога как воспитателя, его позиции в духовно-нравственных координатах. Ожидания общества также подтверждают данную установку. Многочисленные исследования запросов родителей как наиболее заинтере-

сованной группы в совершенствовании образовательной практики позволяют зафиксировать на первых позициях следующие важные качества педагога: умение стать значимым для ребенка, готовность к коммуникации с отдельным ребенком и детским сообществом и т. д. [Ромм, 2010]. В исследовании Аналитического центра *Национальное агентство финансовых исследований* (2020 г.), посвященного профессионализму современного педагога, среди качеств которых не хватает современному педагогу, 15 % опрошенных назвали терпение и вежливость, 11 % – общительность [Мастер своего дела ... , 2020]. Именно данные психолого-педагогические характеристики составляют ядро так называемых надпрофессиональных компетенций, на достижение которых должна быть направлена система профессионального педагогического образования. Современное обращение к проблеме развития подготовки к воспитательной деятельности педагога связано с усилением внимания к воспитательным сюжетам в образовании [Примерная программа ... , 2020], что актуализирует проблему готовности будущих педагогов к реализации воспитательных задач.

Одним из ярких и успешных примеров опыта подготовки специалистов для сферы воспитания служит история историко-педагогических факультетов, созданных в ряде вузов СССР, и ее современная трансформация в Ново-

сибирском, Воронежском государственных педагогических университетах, в Костромском государственном университете [Киселев, 2007; Федеральная инновационная площадка ... , 2022]. В основе эффективной системы подготовки будущих педагогов к деятельности в сфере социального воспитания лежали принципы систематической, непрерывной практической профессиональной направленности всего образовательного процесса, творческой эмоционально и профессионально насыщенной воспитывающей среды, гуманистически ориентированной корпоративной культуры («духа факультета»), которые в совокупности создавали ценностно-смысловое поле жизнедеятельности людей (студентов, преподавателей), находившихся в данной среде.

К сожалению, исследовательские данные последних лет подтверждают, скорее, «кризис позитивной повестки» относительно реального состояния системы подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в общеобразовательной организации. С одной стороны, воспитательные задачи современной образовательной реальности требуют разработки теоретических, методических основ организации школьной жизнедеятельности. С другой – подготовка педагогов к продуктивному решению задач в сфере воспитания остается не вполне системной, затрудняя становление у будущих педагогов целостного профессионального подхода [Александров-

ва, 2020; Елькина, 2020]. Объективные причины подобной ситуации связаны с сохраняющейся рассогласованностью представлений о сущности воспитания и деятельности педагога как воспитателя в профессиональном сообществе; сокращением содержания теории и методики воспитания в образовательных программах вузовской подготовки; отсутствием системной деятельности образовательной организации высшего образования, направленной на формирование устойчивого профессионального отношения к воспитательной составляющей деятельности педагога.

В традиционном ключе при решении данной задачи в основном обсуждаются вопросы нормативного характера: увеличение часов на те или иные дисциплины, разработка организационно-правовых основ их реализации, приведение в соответствие с государственным или общественным заказом содержания тех или иных модулей образовательной программы, дискуссии о наборе компетенций и сути данных компетенций – всего того, что описывают стандартные требования к образовательной программе в части подготовки к воспитательной деятельности (организационно-педагогические условия и предполагаемые результаты) в нормативном аспекте.

Помимо признанных положений теории и методики профессионального образования, определяющих основы содержания подготовки пе-

дагогов к эффективному решению профессиональных задач в сфере воспитания, для определения перспектив указанной деятельности значимое место сохраняют актуальные идеи современной теории воспитания, являющейся методологическим основанием рассмотрения роли и места педагога и его подготовки к воспитательной деятельности [Селиванова, 2018]. Однако развитие педагогики последних лет сопровождалось привлечением к педагогическому анализу широкого контекста идей современного гуманитарного знания: герменевтики, феноменологии [Воропаев, 2012; Степанов, 2016]. Это актуализирует внимание исследователей к осмыслению внутренних психологических ресурсов личности для обеспечения внешних обстоятельств, способных оказать влияние на ее развитие. Несомненно, это способствует разработке вопросов профессионально-личностного развития педагогов [Фришман, 2021], обоснования личностно-профессиональной позиции педагога как воспитателя [Григорьева, 2016; Шакурова, 2021], обсуждения психолого-педагогической составляющей в формировании воспитательной компетентности будущих педагогов [Щелина, 2021] и, в целом, усиления субъектности как значимой составляющей образовательных процессов.

Термин «субъективное», широко используемый в психологических теориях, означает уникальность

человека, присущую и психике, и познанию: «человек находится внутри бытия, а не только внешне его сознанию. В этом отношении бытие обступает нас со всех сторон» [Рубинштейн, 2002, с. 262]. В работах С. Л. Рубинштейна акцент явно прослеживается в том, что попытка рассматривать процессы, связанные с человеком в границах жесткой альтернативы: либо все изнутри, либо все извне, – непродуктивна. Становление человеческой субъектности не может быть сведено к доминанте природного или общественного. Социальные и биологические факторы, в первую очередь, некий «исходный материал», из которых в процессе собственной активности человек строит нечто третье, способствующее становлению собственной субъектности. С этим согласуется представление М. М. Бахтина о субъектности личности в ее отношениях «внутри бытия, а не только внешне его сознанию» [Бахтин, 2000, с. 86]. «Онтология жизненного мира» (Ф. Е. Василюк) преодолевает отчуждение бытия от человека. «Живое существо изначально вживлено в мир, связано с ним материальной пуповиной своей жизнедеятельности. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир <...> это – жизненный мир» [Василюк, 1984, с. 86]. Если же рассматривать мир вне связи с субъектом, он лишается своей психологической характеристики и предстает как «безжизненный» мир. Человек находится внут-

ри бытия, он причастен к разным слоям, уровням, ракурсам бытия, но по-разному понимает смысл этой причастности. Человеческая субъектность есть родовая специфика человека, форма практического освоения мира. Она объективируется за счет освоения и присвоения тех социально нормативных практик, задаваемых обществом, в которых человек реализует свои возможности и предпочтения.

Особое значение для субъектности личности, по мнению К. А. Абульхановой, В. Н. Мясищева, играют те отношения, которые складываются в жизнедеятельности личности, в процессах ее деятельности и общения. «Только понятая через совокупность этих разных отношений к миру, личность может рассматриваться в своем отношении к деятельности. Анализ этого отношения возможен только на основе предварительного различения активности личности и ее деятельности» [Абульханова-Славская, 2001, с. 322]. Формирование отношения личности к деятельности происходит в процессе включения личности в деятельность, которая актуализирует жизненные ценности, субъективные потребности, иными словами, весь комплекс субъективных проявлений, от которых зависит успешность ее общественного существования.

Данные теоретико-методологические положения особенно важны для определения основ совершенствования профессиональной подготовки будущих пе-

дагогов. Для того чтобы достигнуть высокой степени готовности к профессиональной деятельности, необходимо, во-первых, обладать определенным личностным, интеллектуальным и деятельностным потенциалом или, иными словами, базовыми стартовыми возможностями субъектно-ориентированного развития: личностные и специальные способности, базовые теоретические знания, сформированная мотивация достижений, направленность на саморазвитие, адекватность самооценки и др. Во-вторых, значимым условием для формирования профессиональной готовности (особенно в сфере воспитания) является обращение к индивидуальному опыту человека, в том числе в сфере воспитания, который может иметь различную эмоциональную основу: он может совпадать или нет с теми социокультурными установками, которые присутствуют в общественной и государственной норме.

Профессиональная субъектная активность будущих педагогов: условия формирования

Личностно-профессиональные изменения – неотъемлемый атрибут развития профессионально значимых свойств личности, которые должны быть включены в логику организации процесса профессионального образования в учебной и внеучебной составляющих. Нацеленность на высокие профессиональные достижения, сопровождаемые ростом саморазвития, совершенствования всех сторон профес-

сиональной деятельности – суть процесса формирования субъектно-ориентированных свойств личности, которое обеспечивает личностно-профессиональный рост. Следуя логике резонанса внешних регуляторов профессионально-личностного развития и внутренних субъектно-личностных регуляторов, происходит пересмотр ценностей, самокоррекция, гармонизация внешнего и внутреннего. В этом – один из важнейших личностно-психологических механизмов развития профессиональной субъектной активности личности. Так, Н. Я. Большунова определяет данный механизм как «ответчивость» личности социокультурным основаниям с помощью социокультурной рефлексии [Большунова, 2005]. На данной психологической базе возможно построение системы формирования профессиональной субъектной активности будущих педагогов, обеспечивающей готовность педагогов к воспитательной деятельности.

Профессиональная субъектная активность личности может быть определена как активность личности, развивающая и реализующая ее субъектность в пространстве профессиональной деятельности. Ее основные характеристики: уникальность, активность, самостоятельность, ответственность, авторство собственной жизни и собственной истории, ценностные отношения, способность овладевать собственным поведением и порождать собственное поведение [Абрамова, 2021].

Пилотный анализ данных, полученных в ходе бесед, опросов и анкетирования студентов различных курсов педагогического вуза, позволил выделить специфические критерии для оценки успешности развития указанной активности:

- овладение предметным теоретическим материалом по изучаемым учебным дисциплинам;
- овладение практическими знаниями и умениями, подтверждаемыми возможностью их успешного применения в практической деятельности;
- наличие устойчивого интереса к учебным занятиям и мотивации к познавательной деятельности;
- самостоятельность и ответственность при осуществлении выбора своих активностей;
- позитивный эмоционально-психологический климат в учебной группе;
- активность в общественной жизни образовательной организации высшего образования.

Существенным для реализации педагогом воспитательных функций является наличие у него чувства общности, способность создавать пространство совместной жизнедеятельности в коллективе. Для формирования данного чувства в образовательной организации высшего образования важно создавать пространство разнообразных социальных и профессиональных практик, в которых развивается агентность – активная самостоятель-

ность, способность человека к действию, способность выступать в качестве самостоятельного агента и делать осознанный и свободный выбор. Степень данной свободы определяется, в частности, принадлежностью человека к определенной социальной группе. Этому способствует организация жизнедеятельности в образовательной организации высшего образования, достижение «корпоративности», ощущения «элитности» в принадлежности к профессии, к образовательной организации высшего образования у студентов и преподавателей. В данном контексте усиливается значимость всего обыденного, опыта отношения с миром и к миру на принципах общности всех и со всеми. Такую «обыденную повседневность» может создавать системная воспитательная работа в образовательной организации высшего образования, обеспечивающая мощный мотивационный эффект, способная повлиять на формирование готовности, собственно, к воспитательной деятельности. Работа с мотивацией тесно связана со стимулированием интереса, созданием пространства для разнообразной активности, насыщением ее профессиональными смыслами. Идея о том, что, проживая в образовательной организации высшего образования те ситуации, которые тебе потом предстоит реализовывать в другой роли в общеобразовательной организации, привлекательна, но требует квалифицированного

сопровождения. А это требует пересмотра роли и места в воспитательной деятельности и ее носителей в образовательной организации высшего образования, в противном случае велик риск сведения всего к набору отчетных мероприятий.

Профессиональная подготовка педагогов в Новосибирском государственном педагогическом университете строится на основе усиления воспитательной составляющей учебной и внеучебной деятельности студентов. Стратегическим ориентиром для ее построения выступает развитие профессиональной субъектной активности. При этом интеграция организационно-педагогических условий выступает в качестве функции внешнего регулятора целостного образовательного процесса, а нарастающие личностно-психологические проявления субъектной активности – внутреннего. Их взаимосвязь и взаимообусловленность, по-разному выстраиваемые на разных этапах, выступают как основополагающие требования для успешного становления, развития и совершенствования феномена субъектной активности.

Обеспечить достижение поставленных целей возможно при поддержке и развитии следующих условий.

В первую очередь, это организация горизонтального («студент-студент») и вертикального («студент-преподаватель») субъектно-субъектного (диалогового) взаимо-

действия, составляющего основу для формирования пространства профессиональной совместности и профессионального общения, в ходе которого не только реализуются общие цели и задачи, но происходит накопление и присвоение профессионально значимых ценностей.

Во-вторых, важным условием становится развитие системы наставничества (тьюторства) как формы организации освоения и закрепления профессионально значимого опыта в ходе решения задач профессиональных и социальных практик будущих педагогов при сопровождении более опытных, значимых «Других».

В-третьих, развитие жизнедеятельности педагогического университета как профессиональной воспитательной организации, в которой путем развития различных видов работы удовлетворяются индивидуальные и коллективные потребности с учетом требований и потребностей вузовской и профессиональной среды. К наиболее значимым с точки зрения развития профессиональной субъектной активности видам такой работы в образовательной организации высшего образования могут стать: а) исследовательская деятельность, которая формирует способность видеть проблемы в современном образовании, искать варианты решения; б) олимпиадное (конкурсное) движение, участие в котором способствует накоплению индивидуально-профессионального стиля; в) не-

прерывная педагогическая практика, создающая возможности для накопления операционального репертуара решения профессиональных задач (раннее включение в практику позволяет не только адаптировать студентов к профессиональной деятельности, но и обогащать личностно-значимыми смыслами, знаниями в процесс профессионального становления будущих педагогов).

Заключение

Задачи профессиональной деятельности образовательной организации высшего образования по подготовке будущего педагога к успешной современной воспитательной

деятельности связаны с обновлением программ и модулей профессионального образования, их совершенствование должно осуществляться на основе сохранения имеющегося теоретически обоснованного и апробированного ресурса теории и практики воспитания, обеспечивающего доказательность и эффективность предпринимаемых усилий. Успешность воспитательной деятельности начинающего педагога в будущем во многом зависит от активности студента в профессиональном саморазвитии в период обучения в образовательной организации высшего образования.

Библиографический список

1. Абрамова В. В. Профессиональная субъектная активность студента педагогического вуза / В. В. Абрамова, Т. А. Ромм // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 5. С. 40–47.
2. Абульханова-Славская К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 304 с.
3. Александрова Е. А. Научно-методическое сопровождение педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 14–21.
4. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 323 с.
5. Большунова Н. Я. Субъектность как социокультурное явление: монография. Новосибирск : НГПУ, 2005. 324 с.
6. Василук Ф. Е. Психология переживания. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
7. Воропаев М. В. Феноменологические мотивы в теории воспитательных систем // Вопросы воспитания. 2012. № 1. С. 34–40.
8. Григорьева А. И. Современный педагог как воспитатель: приоритеты повышения квалификации // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2016. № 1. С. 47–53.
9. Демакова И. Д. Педагог как воспитатель: значимые характеристики воспитательной деятельности, принцип со-бытийности в воспитании / И. Д. Демакова, И. Ю. Шустова // Педагогическое искусство. Научно-практический журнал. 2017. № 2. С. 100–108.
10. Елькина О. Ю. Исследование отношения студентов педагогических профилей к будущей профессиональной деятельности / О. Ю. Елькина,

- Л. Я. Лозован, А. В. Мартынова // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 5. С. 82–89.
11. Киселев Н. Н. Новосибирский истпед: связь времен / Н. Н. Киселев, Е. В. Киселева, Т. А. Ромм // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Ювенология. Социальная работа. Социокинетика. 2007. Т. 13, № 5. С. 11–18.
12. Мастер своего дела: какими качествами должен обладать современный педагог. URL: <https://nafi.ru/analytics/master-svoego-dela-kakimi-kachestvami-dolzhen-obladat-sovremennyy-uchitel/>. (Дата обращения: 23.05.2022).
13. Примерная программа воспитания. Москва, 2020. URL: <http://form.instraо.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2022).
14. Ромм Т. А. Совершенствование и развитие профессиональной педагогической школы: сборник материалов по итогам проведенного исследования / Т. А. Ромм, Е. В. Богданова, О. М. Хлытина. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 128 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 960 с.
16. Селиванова Н. Л. Подготовка будущего педагога как воспитателя: теоретическое обеспечение / Н. Л. Селиванова, П. В. Степанов // Образование и саморазвитие. 2018. Т. 13, № 2. С. 45–52.
17. Слостёнин В. А. Психолого-педагогическое образование и становление субъектного потенциала личности учителя // Педагогический профессионализм в современном образовании: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 21-22 февраля 2007 г. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. С. 5–14.
18. Степанов П. В. Специфика теории воспитания как гуманитарного знания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 1(28). С. 20–30.
19. Федеральная инновационная площадка на базе ФГБОУВО «Костромской государственной университет» Система подготовки кадров для организации воспитательной деятельности в образовательных организациях. URL: <https://ksu.edu.ru/svedeniya-ob-organizatsii/struktura-i-organy-upravleniya/instituty/institut-pedagogiki-i-psikhologii/federal-naya-innovatsionnaya-ploshchadka.html>. (Дата обращения: 10.03.2022).
20. Фришман И. И. Особенности процесса профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 121–132.
21. Шакурова М. В. Особенности формирования в вузе профессиональной субъектности будущего учителя как воспитателя // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16, № 3. С. 362–374.
22. Щелина Т. Т. О системном подходе к воспитанию студентов в контексте их личностно-профессионального развития в вузе // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. Москва: Психологический институт РАО, 2021. С. 77–81.

Reference list

1. Abramova V. V. Professional'naja sub#ektnaja aktivnost' studenta pedagogicheskogo vuza = Professional subject activity of a student of a pedagogical university / V. V. Abramova, T. A. Romm // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2021. № 5. S. 40–47.
2. Abul'hanova-Slavskaja K. A. Vremja lichnosti i vremja zhizni = Time of personality and time of life / K. A. Abul'hanova-Slavskaja, T. N. Berezina. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2001. 304 s.
3. Aleksandrova E. A. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie pedagogov = Scientific and methodological support of teachers // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 6 (117). S. 14–21.
4. Bahtin M. M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = Author and hero: to the philosophical foundations of the humanities. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 323 s.
5. Bol'shunova N. Ja. Sub#ektnost' kak sociokul'turnoe javlenie = Subjectivity as a sociocultural phenomenon : monografija. Novosibirsk : NGPU, 2005. 324 s.
6. Vasiljuk F. E. Psihologija perezhivaniya = Psychology of experience. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 200 s.
7. Voropaev M. V. Fenomenologicheskie motivy v teorii vospitatel'nyh sistem = Phenomenological motives in the theory of educational systems // Voprosy vospitaniya. 2012. № 1. S. 34–40.
8. Grigor'eva A. I. Sovremennyy pedagog kak vospitatel': priority povysheniya kvalifikacii = Modern pedagogue as a teacher: priorities for advanced training // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. 2016. № 1. S. 47–53.
9. Demakova I. D. Pedagog kak vospitatel': znachimye harakteristiki vospitatel'noj dejatel'nosti, princip so-bytijnosti v vospitanii = Pedagogue as a teacher: significant characteristics of educational activity, the principle of co-existence in education / I. D. Demakova, I. Ju. Shustova // Pedagogicheskoe iskusstvo. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2017. № 2. S. 100–108.
10. El'kina O. Ju. Issledovanie otnosheniya studentov pedagogicheskikh profilej k budushhej professional'noj dejatel'nosti = Research on the attitude of students of pedagogical profiles to future professional activities / O. Ju. El'kina, L. Ja. Lozovan, A. V. Martynova // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2020. № 5. S. 82–89.
11. Kiselev N. N. Novosibirskij istped: svjaz' vremen = Novosibirsk istped: the connection of times / N. N. Kiselev, E. V. Kiseleva, T. A. Romm // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Juvenologija. Social'naja rabota. Sociokinetika. 2007. T. 13, № 5. C. 11–18.
12. Master svoego dela: kakimi kachestvami dolzhen obladat' sovremennyy pedagog = Master of his craft: what qualities a modern teacher should have URL: <https://nafi.ru/analytics/master-svoego-dela-kakimi-kachestvami-dolzhen-obladat-sovremennyy-uchitel/>. (Data obrashheniya: 23.05.2022).
13. Primernaja programma vospitaniya = Approximate parenting program. Moskva, 2020. URL: <http://form.instrao.ru/>. (Data obrashheniya: 10.03.2022).
14. Romm T. A. Sovershenstvovanie i razvitie professional'noj pedagogicheskoy shkoly = Improvement and development of the professional pedagogical school: sbornik

materialov po itogam provedennogo issledovanija / T. A. Romm, E. V. Bogdanova, O. M. Hlytina. Novosibirsk : Izd. NGPU, 2010. 128 s.

15. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii = Fundamentals of general psychology Sankt-Peterburg : Piter, 2002. 960 s.

16. Selivanova N. L. Podgotovka budushhego pedagoga kak vospitatelja: teoreticheskoe obespechenie = Preparing the future pedagogue as a teacher: theoretical support / N. L. Selivanova, P. V. Stepanov // Obrazovanie i samorazvitie. 2018. T. 13, № 2. S. 45–52.

17. Slastjonin V. A. Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie i stanovlenie sub#ektnogo potentsiala lichnosti uchitelja = Psychological and pedagogical education and the formation of the subject potential of the teacher's personality // Pedagogicheskij professionalizm v sovremennom obrazovanii : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21-22 fevralja 2007 g. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2007. S. 5–14.

18. Stepanov P. V. Specifika teorii vospitanija kak gumanitarnogo znanija = Specifics of the theory of education as humanitarian knowledge // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2016. № 1(28). S. 20-30.

19. Federal'naja innovacionnaja ploshhadka na baze FGBOUVO «Kostromskoj gosudarstvennyj universitet» Sistema podgotovki kadrov dlja organizacii vospitatel'noj dejatel'nosti v obrazovatel'nyh organizacijah = Federal innovation platform on the basis of the Federal State Budgetary Institution “Kostroma State University” Training system for organizing educational activities in educational organizations. URL: <https://ksu.edu.ru/svedeniya-ob-organizatsii/struktura-i-organy-upravleniya/instituty/institut-pedagogiki-i-psikhologii/federal-naya-innovatsionnaya-ploshhadka.html>. (Data obrashhenija: 10.03.2022).

20. Frishman I. I. Osobennosti processa professional'no-lichnostnogo razvitija pedagogov dopolnitel'nogo obrazovanija = Features of the process of professional and personal development of teachers of further education // Social'no-politicheskie issledovanija. 2021. № 4 (13). S. 121–132.

21. Shakurova M. V. Osobennosti formirovanija v vuze professional'noj sub#ektnosti budushhego uchitelja kak vospitatelja = Features of the formation in the university of professional subjectivity of the future teacher as a pedagogue // Obrazovanie i samorazvitie. 2021. T. 16, № 3. S. 362–374.

22. Shhelina T. T. O sistemnom podhode k vospitaniju studentov v kontekste ih lichnostno-professional'nogo razvitija v vuze = On the systematic approach to the education of students in the context of their personal and professional development at the university // Novaja psihologija professional'nogo truda pedagoga: ot nestabil'noj real'nosti k ustojchivomu razvitiyu. Moskva : Psihologicheskij institut RAO, 2021. S. 77-81.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted on 10.03.2022; approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication on 12.05.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 323.2

О. А. Коряковцева

Рецензия на монографию Т. В. Бугайчук «Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России»

SCIENTIFIC LIFE

О. А. Koryakovtseva

Review of the monograph by T. V. Bugaichuk “The formation of the civil identity of the young generation in the period of socio-cultural transformation of modern Russia”

Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 319 с.

В отечественных исследованиях последних лет концепт идентичности получил широкое распространение в связи с тем, что он обладает высоким потенциалом, влияющим на мотивацию политического поведения, конструирование инструментов и практик публичной политики. В большей степени проблема идентичности актуальна для трансформирующихся обществ, проходящих кризисные периоды национальной идентичности, находящихся на этапах становления новой

государственности, предусматривающей сплочение граждан вокруг национальной идеи. Сегодня Россия переживает сложный период формирования гражданского общества, правового государства и социально ориентированной экономики, что связано с процессами «глобализации», увеличения интенсивности информации и степени открытости, размывания национально-культурных границ. На фоне подобного «экзистенциального кризиса» крайне важным является опре-

деление роли государства в формировании гражданской идентичности молодого поколения, рассмотрение сущности гражданской идентичности как политического концепта и ее становления у молодого поколения россиян.

В подобном ракурсе вопросы самоидентификации личности приобретают государственное значение по причине стратегической значимости социально-политического выбора каждого россиянина в рамках параметров, заданных политическими институтами. Процесс формирования у молодого поколения россиян гражданской идентичности, под которой традиционно понимается осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества, действительно приобретает особую важность.

Нельзя не согласиться с автором, что молодежь – это стратегический ресурс изменений России, поэтому от того, какую гражданскую позицию выбирает подрастающее поколение, зависит становление нового общества. Вот почему обращение Т. В. Бугайчук в своей монографии к роли государства в становлении гражданской идентичности молодого поколения является своевременным.

Следует отметить достаточно глубокий анализ автором степени

научной разработанности проблемы, выявление различных позиций в аспекте исследуемой темы в трудах зарубежных и российских ученых.

В монографии Т. В. Бугайчук определены теоретико-методологические основы гражданской идентичности как политического концепта, обозначены особенности ее становления в России и за рубежом в глобальном контексте, рассмотрено влияние социокультурной трансформации в России на данный процесс, выявлена роль государственной власти в развитии гражданского самосознания россиян. Кроме того, автором даны структурные и содержательные характеристики гражданской идентичности на основе феноменологического подхода, определены закономерности и обоснована стратегическая концепция формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян, разработана феноменологическая модель реализации данного процесса.

Структура монографии, включающая четыре главы, состоящие из девяти параграфов, логична, соответствует поставленным задачам и позволяет раскрыть исследуемую проблему. Основные выводы и рекомендации, сделанные в монографии, являются в полной мере достоверными. Они основаны на применении автором системного, структурно-функционального, сравнительного анализа и психосемантического метода исследования,

которые позволяют выявить закономерности развития гражданской идентичности молодого поколения и выстроить стратегическую концепцию ее становления в период социокультурной трансформации в современной России с феноменологических позиций на основе интегративного подхода. Теоретические основы исследования базируются на интегративном подходе Ж. Пиаже, экзистенциальной феноменологии Э. Гуссерля, А. Шюца, современных концепциях формирования гражданского общества, гражданской идентичности, становления личности. Автор опирается на последние исследования молодежи как субъекта гражданского общества в период социокультурных трансформаций. Все это дает основание сделать вывод о релевантности теоретико-методологической базы исследования, представленного в научной монографии.

Работу отличает авторский подход к характеристике политической сущности гражданской идентичности российской молодежи в период социокультурной трансформации страны. Дается следующее определение гражданской идентичности: *это есть осознанный процесс тождественности человека с определенным гражданским обществом в конкретном социально-культурном контексте, принятие ценностей этого общества, а также активное позитивное влияние на его развитие*. Гражданскую

идентичность автор обоснованно рассматривает как *фактор консолидации вокруг интересов страны, осознанный гражданами и реализующийся в их политическом поведении, способствующий единству общества*. В структуре гражданской идентичности личности Т. В. Бугайчук аргументированно выделяют три компонента: когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный, находящиеся в постоянном взаимодействии, что обуславливает непрерывность процесса формирования гражданской идентичности молодежи.

Интересен вывод автора, к которому она приходит в процессе научного исследования: в условиях экономической и социально-политической трансформации российской государственности, развитие основных структурных компонентов гражданской идентичности в общей системе государственных ценностей и интересов является способом и условием территориального и институционального формирования гражданского общества и государства в целом. Можно согласиться с Т. В. Бугайчук, что в период трансформации социокультурной среды именно государство становится главным двигателем становления гражданской идентичности молодого поколения.

Научный интерес вызывает представленный автором портрет современного социально активного молодого ярославца, у которого до-

статочно высокий уровень социальной креативности эклектично сочетается с недостаточным опытом преодоления трудностей и включенностью в происходящее, а также поиском путей для собственного развития. Характеризуя ценностно-мотивационный компонент гражданской идентичности, автор констатирует: «молодежь считает для себя приоритетными только те ценности, которые для нее в настоящее время доступны», что предполагает необходимость создания условий в стране для расширения личностного проявления молодежи в самых различных сферах. Результаты эмпирического исследования позволили автору сделать вывод о важности разработки концепции становления гражданской идентичности молодого поколения нашей страны, которая и презентована в четвертой главе монографии. Т. В. Бугайчук справедливо подчеркивает, что системная интеграция всех субъектов развития гражданского общества в стране, сформированность взаимодействия всех участников процесса по развитию гражданской идентичности позволит получить развитое, активное и стабильное гражданское общество.

Еще раз отметим, что Россия находится на пороге нового этапа новейшей политической истории, когда концепты гражданства и гражданского общества становятся особо значимыми для успешного развития политической системы. В

современном мире гражданство – это не только вопрос права и прав (как совокупности коллективных общественных благ), но и проблематика участия индивида в политическом сообществе, сочленства в политической нации. Гражданин рассматривается прежде всего, как человек, осознающий свою принадлежность к нации и, соответственно, обладающий ответственностью за взятые на себя обязательства, обусловленные этой принадлежностью. Поскольку гражданство представляет собой не только юридически оформленную связь индивида и государства, но и социально осознаваемую принадлежность, важным направлением политической науки является исследование трансформации гражданства в современном мире, особенно значимое в контексте дискуссий о постнационализме. Следует отметить, что в монографии представлен актуальный в этом смысле ракурс исследования проблематики гражданской идентичности.

Подытожив все сказанное, можно сделать вывод, что монография Татьяны Владимировны Бугайчук, посвященная осмыслению сути гражданской идентичности молодого поколения и процессу ее становления в период социокультурной трансформации в современной России с феноменологических позиций на основе интегративного подхода, является актуальной и очень своевременной.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2022 – № 2 (15)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 19,5 п. л., 9,34 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 109. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 08.07.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44